

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4, 2008

«История»

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

К. М. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшинный, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук

Над выпуском работали:

директор издательства **Л. В. Михеева**
редакторы **О. В. Батова**, **О. А. Кручинина**,
О. Я. Литвак
технический редактор **И. С. Сибирёва**
компьютерная верстка **Т. Б. Земсковой**
обложка **Р. Е. Круглов**

ISBN 978-5-7807-0757-8

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

История

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике 3

Корников А. А. Геральдика Ивановского края: история и современное состояние 20

Коровин Н. Р. Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия 33

Точёнов С. В. Настроения населения Ивановской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь — август 1941 года) 43

Степанов А. В. Некоторые теоретические вопросы современной исторической науки 53

Карасёва А. В. Частные библиотеки времени Цицерона 67

Евсеев В. А. Специфика социально-экономической структуры средних и мелких городов Восточной Англии в начале раннего нового времени 75

Смирнов Д. А. Русский консерватизм середины XIX — начала XX в. в работах Вальтера Беньямина 81

Буданова И. А. Конструируя новое европейское пространство: дискурс *monotopia* 89

Шнырова О. В. Социально-правовой статус женщины в викторианской Англии и суфражистское движение 100

Аннотации 111

Summaries 114

Хроника международной жизни (сентябрь — ноябрь 2008 г.) 117

Сведения об авторах 122

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 124

IVANOVO STATE UNIVERSITY

BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4, 2008

«History»

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation
Ministry of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

©SEI of HPE «Ivanovo State University»,
2008

EDITORIAL COUNCIL

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)

K. M Averbuch, Doctor of Philology, (Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyviannyi, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

Editorial Staff

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*

Editor *O. V. Batova, O. A. Kruchinina*

O. Ya. Litvac

Technical Editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *T. B. Zemskova*

Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0757-8

CONTENTS

History

Kostyleva E. L., Utkin A. V. Funeral complexes of primitive state epoch on Sakhtysh peat bog 3

Kornikov A. A. Blazonry of Ivanovo region: history and modern state 20

Korovin N. R. Peculiarities of Russia's industrial development in 1930-s and their social consequences 33

Tochenov S. V. The mood of Ivanovo region population during the first period of the Great Patriotic War (June—August 1941) 43

Stepanov A. V. Some theoretical problems of modern historical science 53

Karaseva A. V. Private libraries of Cicero's epoch 67

Evseev V. A. Peculiarities of social and economic structure of East England middle and

small towns in the beginning of early New time 75

Smirnov D. A. Russian conservatism of the middle XIX — the beginning XX centuries in the works of Walter Benjamin 81

Budanova I. A. Constructing the new European space: monotopia discourse 89

Shnyrova O. V. Social and legal women's status in Victorian England and suffrage movement 100

Summaries 111

Chronicle of international life (September — November 2008) 117

Information about the authors 122

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 124

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ НА САХТЫШСКОМ ТОРФЯНИКЕ

Сахтышский торфяник расположен в Тейковском районе Ивановской области. Из него вытекает речка Койка, левый приток Малой Нерли. Площадь болота составляет примерно 50 кв. км. Оно образовалось на месте древнего озера. Первое археологическое обследование его берегов было проведено В. И. Смирновым летом 1930 г. Научное же изучение Сахтышского археологического комплекса началось в 1962 г. экспедицией Д. А. Крайнова и продолжалось почти непрерывно на протяжении более сорока лет, до 2006 г. включительно. За эти годы здесь было открыто 15 пунктов обитания древнего человека. Среди них — пять долговременных поселений (Сахтыш I, II, IIА, VII, VIII), шесть сезонных стоянок (Сахтыш III, IV, IX—X, 11, 14) и четыре местонахождения отдельных артефактов (Сахтыш V, VI, 12, 13)¹. Все они расположены на низких берегах старого русла р. Койки, на отрезке трех километров от ее истока. На 11 стоянках были проведены раскопки. Общий хронологический диапазон культурных отложений охватывает длительный период — от раннего мезолита до середины раннежелезного века включительно.

На многих поселениях и стоянках хорошо сохранилась кость, на некоторых — дерево. Количество собранных находок громадно: на отдельных памятниках, таких как Сахтыш I, II, IIА, деревянные изделия исчисляются единицами, костяные — сотнями, кремневые и каменные — тысячами, а обломки керамической посуды — десятками тысяч. Неисчислимы также коллекции остеологических материалов, представленных практически всеми видами фауны периода голоцена лесной зоны Восточной Европы. Из диких млекопитающих во всех слоях доминируют кости лося и бобра; из птиц — кости водоплавающих; из рыб — кости щук, карасей и плотвы. Кости домашних животных представлены крайне скудно. Это кости собак, овец/коз и свиней, относящиеся к бронзовому и раннежелезному векам.

Помимо собственно археологического изучения Сахтышского комплекса здесь были проведены широкие палинологические исследования, серийное радиоуглеродное датирование культурных отложений и погребений, а также детальное антропологическое изучение погребенных.

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2008

¹ Порядковое обозначение памятников римскими цифрами было введено Д. А. Крайновым и традиционно сохранялось при открытии им новых поселений (Сахтыш I—X). В ходе разведок, проводившихся М. Г. Жилиным в 1996 и 1998 гг., были открыты еще четыре стоянки, которые автор открытий обозначил арабскими цифрами (Сахтыш 11—14). Эти цифровые обозначения закреплены и в основных публикациях [1, 3, 4, 7—9, 11—15].

Всего на пяти Сахтышских стоянках раскопано 149 захоронений эпохи первобытности. Хронологически они распадаются на неолитические (20), энеолитические (128) и эпохи поздней бронзы (1) [1—15, 17, 21—23, 25].

Погребения на стоянке Сахтыш I. На первом сахтышском поселении в 1962—1966 и 1971 гг. было исследовано 15 погребений. Одно из них (№ 1) датируется позднебронзовым веком, остальные (№ 2—15) — энеолитом [2, 11].

Позднее захоронение обнаружено в могильной яме прямоугольной формы (2,0 × 1,5 м). В заполнении могилы найдены кости свиньи, половина миниатюрного сосуда с округлым дном и невысоким венчиком. Внешняя поверхность сосуда украшена оттисками короткого зубчатого штампа. На дне ямы в скорченном положении на правом боку лежал скелет молодой женщины, ориентированный головой на запад. Рядом с ним обнаружен кремневый наконечник стрелы сейминского типа.

Энеолитические захоронения обнаружены в верхнем ярусе культурного слоя поселения. Могильные ямы не прослежены. Анатомический порядок удалось проследить только у девяти погребений (№ 2, 3, 5—11). Захоронение № 9 было парным, остальные — одиночными. Семь скелетов были положены навзничь (№ 2, 3, 5—7, 10, 11), два — скорченно на боку. Причем одиночное погребение № 8 было положено на правый бок, а оба костяка в парном захоронении № 9 лежали на левом. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, в скорченном положении на боку находились также разрушенные погребения № 14 и 15.

Шесть скелетов (№ 5, 8—11) головами были ориентированы на северо-запад, три (№ 3, 6, 7) — в противоположную сторону, на юго-восток. Головой на северо-восток лежало погребение № 2, и на восток, по-видимому, было ориентировано разрушенное погребение № 4.

Одиннадцать захоронений (№ 2, 3, 5—12) составляли компактную группу и находились возле поздневолосовского жилища. Костяки относительно друг друга были расположены на близком расстоянии двумя параллельными рядами. В каждом ряду было по пять захоронений. Несколько в стороне от них находилось погребение № 5. На костях двух скелетов (№ 2 и 3) отмечены множественные порезы мышц и травма черепа, которые можно объяснить как свидетельство ритуального «убийства», совершенного уже после естественной смерти субъектов. Антропологами изучены два мужских черепа. Они относятся к европеоидной расе [17].

Возле трех погребений (№ 2, 5, 7) обнаружены отдельные кости медведя: фаланги лап, клыки и челюсти. Они находились на одном уровне со скелетами и были положены в могильные ямы во время совершения захоронений. В ногах погребения № 10 найден крупный булыжник, а в парном погребении под обоими скелетами расчищены обрывки широких полос бересты, в которые, по-видимому, были завернуты трупы.

Внутримогильный инвентарь и украшения отсутствовали. Исключение составляло только погребение № 10. Около кисти правой руки лежала костяная подвеска в виде гусиной головки. Стратиграфически погребения № 2—15 были связаны с волосовским культурным слоем и составляли бессистемный могильник, сформировавшийся в конце III — начале II тыс. до н. э.

Погребения на стоянке Сахтыш II (рис. 1). На этом памятнике в 1963—1964, 1978—1979, 1981 и 1984—1985 гг. обнаружено 23 захоронения. Четыре из них (№ 11, 19—21) относятся к неолиту, прочие — к энеолиту [2, 9, 12, 21].

Неолитические погребения были одиночными и составляли небольшой могильник, имевший линейно-рядовую структуру. Могильная яма одного

захоронения (№ 11) не прослежена, остальные находились в могилах прямоугольной формы со скругленными углами на глубине 20—30 см ниже культурного слоя. Скелеты лежали на спине вытянуто, головами или на северо-восток, или на юго-запад, но все вдоль берега реки. Инвентарь зафиксирован только в захоронении младенца (№ 21). Он представлен шестью подвесками из зубов хищника (волка?). Голова и ноги ребенка были посыпаны красной охрой. Черепа двух индивидуумов (№ 19 и 20) — мужчины и женщины, умерших в возрасте 20—25 лет, — по указателю брахикранные, относятся к монголоидной расе [17]. Могильник сформировался в начальный период развития льяловской культуры и предположительно может быть датирован рубежом V—IV тыс. до н. э.

Энеолитических погребений раскопано 19. Три являлись коллективными, одно — захоронением черепа (головы), остальные — одиночными. Могильные ямы с индивидуальными ингумациями зафиксированы в трех случаях. Они были выкопаны в культурном слое и имели овальную форму. Их размеры в длину колебались от 1,5 до 1,82 м, в ширину — от 0,6 до 0,9 м, а глубина составляла 8—10 см. Сохранность костяков была очень плохой. Из 11 захоронений, у которых определена поза костяков, шесть лежали на спине вытянуто (№ 1, 5, 6, 13, 16, 22), два вниз лицом на животе (№ 10 и 17) и одно скорченно на левом боку (№ 9). Анатомический порядок двух покойников был специально нарушен в древности, в момент их захоронения. В погребении № 3 у костяка, положенного навзничь, отсутствовали череп, шейные позвонки и частично кости конечностей. В могиле № 18 костные останки молодой женщины лежали на животе. Череп был почти полностью уничтожен ритуальным костром, правая рука отрублена и брошена в ноги погребенной, а кисть положена на правое плечо. Ориентировка всех этих погребений была бессистемной. Как особую форму ритуальных манипуляций с трупом мы рассматриваем отдельное захоронение головы взрослого человека (№ 23). В семи одиночных погребениях (№ 2, 3, 13, 14, 17, 22 и 23) инвентарь отсутствовал. Остальные девять захоронений сопровождалось скудным набором украшений и орудий.

Особый интерес представляют коллективные погребения [2, 9, 21]. В первом (№ 4) было захоронено четыре трупа взрослых субъектов. Могильная яма не выявлена. Женский костяк 'А' лежал на животе в вытянутом положении, соседний скелет молодого мужчины 'Б' — на спине. У него отсутствовал череп, частично кости нижних конечностей, кости правой руки и левой кисти. Мужской костяк 'В' лежал также на спине вытянуто, и у него также отсутствовал череп. Сверху его перекрывал мужской скелет 'Г', положенный вытянуто на животе. Череп, кости левой ноги и правой ступни отсутствовали. Изучавшая эти костяки антрополог Г. В. Лебединская отметила, что у всех погребенных кости имели следы серьезных повреждений от рубящих и режущих орудий, а женский череп был пробит колющим предметом типа стрелы.

Второе коллективное захоронение (№ 12) также содержало четыре скелета: два взрослых и два детских. Погребение находилось в культурном слое. Могильная яма не прослежена, но ее границы хорошо маркировались по пятну красной охры. Пятно имело овальную форму (1,7—1,8 × 1,1—1,2 м). Мужской костяк 'А' лежал скорченно на правом боку. Отрубленная голова была перемещена в район таза. Кости левой ноги и правой ступни отсутствовали. Женский костяк 'Б' лежал в полном анатомическом порядке на правом боку в скорченном положении. Разрушенные детские костяки 'В' и 'Г' были перекрыты скелетами взрослых.

Третье коллективное погребение (№ 15) поражает воображение количеством погребенных, располагавшихся компактно на площади $3,3 \times 1,55$ м. Могильная яма не прослежена. В захоронении находились останки как минимум 18 индивидуумов, которые лежали в два ряда голова к голове и одновременно в два яруса друг на друге. Верхний ярус состоял из восьми костяков; все в положении на спине вытянуто. Скелеты северного ряда (№ I—III и VIII) черепами ориентированы на юго-запад, в южном ряду один имел аналогичную ориентировку (№ VII), остальные (№ IV—VI) — встречную, на северо-восток. Подобное расположение имели и костяки нижнего яруса с той лишь разницей, что их сохранность была значительно хуже. Поза определена у пяти скелетов. Три из них в северном ряду лежали навзничь головами на юго-запад (№ X, XII и XIII). Костяк № IX из южного ряда лежал вытянуто на спине, но на северо-восток. Соседний костяк № XI был положен в необычной позе: кости таза и подогнутые ноги находились на левом боку, а верхняя часть туловища — на спине; череп не сохранился. Анатомический порядок остальных костяков (№ XIV—XVIII) был сильно нарушен.

Антропологами детально изучен только череп мужского костяка 'А' из коллективного захоронения № 12. По указателю он брахикранный и имеет европеоидный облик [17].

Общее количество украшений, найденных в погребениях, составляет 634 штуки. Костяных — 580 экз., из них абсолютная масса (458) приходится на пронизки простой цилиндрической формы из сломанных костей птиц, расчищенные в коллективном погребении № 12. Одним экземпляром представлена костяная бусина и тремя — плоские подпрямоугольные подвески. Вторым по численности видом украшений являются подвески из зубов животных (118 экз.). По технологии изготовления они просты и однообразны: на корневой части зуба сверлилось отверстие, и подвеска готова. В редких случаях перед сверлением поверхность корня специально подтачивалась. Видовой состав животных, зубы которых использовались в качестве украшений, пестрый. Наиболее популярными были зубы собаки, составляющие половину всех находок. На втором месте зубы барсука и медведя. Единичными экземплярами представлены клыки кабана, волка, лисицы, куницы и резцы лося. Наконец, особый интерес имеет находка костяной скульптуры в погребении № 15, изображающая змею (ужа). Она была сломана еще в древности: сохранилась только голова и часть шеи. Скульптура изготовлена очень тщательно и реалистично, почти в натуральную величину.

Каменных подвесок — 14 экз. Для их изготовления использованы тонкие (4—6 мм) естественные плитки сланца. По форме подвески распадаются на прямоугольные, овальные и округлые, одна ромбическая, одна не имеет четко выраженных геометрических очертаний.

Янтарные украшения немногочисленны (40 экз.), происходят из двух коллективных захоронений (№ 12 и 15). Янтарь плохой сохранности. Преобладают подвески (21 шт.). Две из них имеют форму сдавленного цилиндра длиной 31—35 мм, на концах которого просверлено по отверстию. Одна изготовлена из массивного естественного куска в виде трапециевидного кулона с узкой вершиной и широким основанием, одна — из сломанной круглой пуговицы. Прочие подвески — янтарные пластинки небольших размеров, трапециевидной или прямоугольной формы. Пуговиц найдено шесть экземпляров. Все миниатюрные, с V-образным отверстием. Четыре штуки круглые, две — прямоугольные. Таким же количеством представлены

пронизки. Три относятся к боченковидным, длиной 10—15 мм. Аналогичную форму, по-видимому, первоначально имели и остальные пронизы, укороченные в процессе ремонта. Замыкают коллекцию янтаря кольца и шайбы. Колец найдено два. Оба массивные, диаметром 45—48 мм. Шайбы обнаружены в пяти экземплярах. Они стандартны, изготовлены в виде плоских дисков диаметром 20—25 мм с небольшой сверлиной в центре.

Орудий, намеренно положенных с погребенными, около десятка. Они относятся исключительно к охотничьему вооружению. Это костяные зубчатые острия (2), наконечники стрел из кости (3) и кремня (6) и кремневый наконечник копья.

Кроме человеческих погребений на могильнике обнаружены три захоронения собак. Два скелета имели хорошую сохранность и лежали в естественной позе на боку с подогнутыми лапами. Третье захоронение было полностью разрушено ямой в раннем железном веке. Среди костей в беспорядке расчищено десять подвесок из сланца (1), костей (2) и зубов животных (7) и одна костяная пронизка.

К энеолитическому кладбищу относились также «святилище» и две ритуальные площадки [9, 10, 23]. «Святилище» находилось на юго-западной окраине могильника. Его можно реконструировать в следующем виде. «Святилище» состояло из двух частей. Наземная часть представляла собой прямоугольную постройку типа шалаша размерами 4,0 × 1,6 м, углубленную в грунт на 0,5 м. Подземная — глубокую яму длиной 3,55 м и шириной 1,15 м., перекрытую деревянным настилом. «Святилище» прекратило свое существование, скорее всего, вследствие сильного пожара. У северо-восточного края ямы обнаружено овальное пятно красной охры. В нем расчищены остатки волосовского сосуда, в котором лежала сломанная рукоять ретушера (по другой версии — «скульптурная модель фаллоса» [3, 17]), а рядом — часть скелета бобра и ритуальный клад артефактов (№ 11).

Первая ритуальная площадка находилась в 20—22 м к северо-востоку от «святилища» и была связана с погребениями № 14—18, которые располагались непосредственно под ней. Топографическим центром площадки являлась каменная плита (48 × 31 × 11 см). Вокруг нее расчищено шесть раздавленных волосовских сосудов, еще пять обнаружено на других участках площадки. Сохранность сосудов была плохая. Реставрировать удалось только одну емкость. Она уникальна своей орнаментацией: в композиции рисунка закодирована схема лунного календаря [4]. Ритуальный характер имели и остатки костров. Их зафиксировано около десятка, хотя в действительности было гораздо больше. Они имели небольшие размеры, овальную форму и малую мощность (5—8 см). В большинстве случаев линзы костров перекрывали неглубокие (в 5—10 см) ямки, заполненные кладами орудий. По этой причине подавляющая часть орудий в кладах оказалась пережженной. В двух случаях костры были разведены непосредственно над могилами № 17 и 18. Кроме того, в границах площадки было собрано огромное количество костей диких животных, птиц и рыб, видовой состав которых типичен для голоцена.

Вторая ритуальная площадка располагалась в окружении погребений № 1—8 и по структуре была абсолютно аналогична первой: те же остатки костров, клады орудий, бесчисленное количество костей животных.

Общее количество артефактов, найденных в 13 кладах, составляет 715 экз., из которых три четверти предметов изготовлены из кремня. Доминируют отходы производства: осколки, отщепы (408) и бесформенные нуклеусы (4). Загото-

вок орудий встречено 17 штук. В основном это болванки будущих наконечников копий и стрел. Собственно же кремневых орудий в кладах собрано 155 экз., но серийно представлены только пять видов: наконечники копий (25) и стрел (37), скребки (32), ножи (30), рубящие инструменты (11) и эрзац-ножи (13). Наконечники копий по форме распадаются на три типа: листовидные, ромбические и с треугольным черешком, стрелы — на два: широкие листовидные и узкие иволистные. Все обработаны с двух сторон прекрасной ретушью. Скребки изготовлены на крупных осколках, имеющих относительно правильные прямоугольные формы. Конфигурации лезвий различны: прямые или дуговые, у двух скребков зубчатые. В качестве заготовок ножей использовались широкие пластинчатые отщепы вытянутых пропорций. Преобладают ножи с вогнутыми лезвиями. Рубящие орудия распадаются на тесла и долота. Первые в плане трапециевидные, в профиле клиновидные. Вторые — треугольные в плане, с узким обушком и широким желобчатым лезвием. Поверхности их тщательно зашлифованы. Прочие категории кремневых орудий представлены единично: сверла (4), резцы (3) и одно шило.

Количество артефактов из камня, главным образом из сланца, минимально (16 экз.). В основном это рубящие орудия и обломки инструментов для изготовления орудий.

Коллекция костяных и роговых изделий состоит из 103 предметов. Почти половина из них — подвески: одна — из тонкой пластины, остальные (43 шт.) — из зубов животных (собаки, кабана, лося, барсука, лисицы, волка и медведя). К группе украшений относится и находка почти полностью разрушенного огнем миниатюрного скульптурного изображения птичьей головки. Среди орудий из кости серийны только шилья (15 шт.), неопределимые обломки (10 экз.) и наконечники гарпунов (зубчатых острий). Гарпуны массивные, с крупными клювовидными зубцами. Прочие категории орудий немногочисленны: обломок наконечника копья, игловидные наконечники стрел (3), долота с узкими желобчатыми лезвиями (3) и т. д.

Особый интерес представляют находки предметов, назначение которых представляется дискуссионным. Среди них — по первоначальной трактовке — так называемые «скульптурные изображения фаллоса» [10, 22]. Впоследствии была предложена иная, основанная на трасологии, интерпретация их как ретушеров. Единственный целый экземпляр, сделанный из куса тазовой кости крупного животного, обнаружен в десятом кладе. Он имеет Г-образную форму, по верхней плоскости на всю ее длину вырезан широкий паз. Точной копией ему является предмет с отломанной рукоятью, найденный возле «святылища». Но у последнего в пазу как в футляре сохранился роговой стержень, который первоначально был принят за имитацию *os penis*'а медведя. Семь обломков подобных стержней обнаружены в трех кладах. А это позволяет предполагать, что в этих кладах находились несохранившиеся деревянные изогнутые рукояти.

От двух других «фаллических» предметов, изготовленных из рога, дошли, к сожалению, только рукояти в виде широких лопаточек, поверхности которых с обеих сторон украшены ромбической решеткой, составленной из тонких прорезанных линий.

Не менее интересны и находки клювовидных предметов из кости и рога. Их найдено пять штук в трех кладах. Детали представляют собой треугольные в плане и слегка изогнутые в профиле пластины, одна поверхность выпуклая, другая — плоская. На широком конце с выпуклой стороны имеется

небольшой выступ, а с плоской — неглубокий языковидный желобок. В центре у трех пластин просверлены по два косых отверстия, у двух — по одному. Примечателен тот факт, что в двух кладах находилось по две пластины. Подобные предметы, если в них закрепить между широкими концами тонкую полоску бересты, могли использоваться как своеобразный музыкальный инструмент типа охотничьего манка [18]. По мнению одного из авторов данной статьи (А. В. Уткина), эти пластины могли быть частью ритуальной птичьей маски, выглядевшей следующим образом: человек, изображавший птицу, закрывал лицо куском кожи с перьями и пухом, губами держал костяной клюв, сжимая его за выступы на широких концах пластин, и с помощью берестяной мембраны имитировал птичьего голоса. Однако, возможно, это были орудия для вязания сетей (мнение Е. Л. Костылевой).

Янтарные украшения зафиксированы в одном кладе. От них сохранилась лишь мелкая жженая крошка, которая происходила от трех небольших подпрямоугольной формы подвесок и одной круглой пуговицы диаметром до 10 мм.

Почти во всех кладах находились кости животных и птиц. В большинстве это мелкие обломки. Количество их в одном скоплении колебалось от одного десятка до сотни. И наконец, особо следует отметить присутствие в двух кладах (№ 1 и 10) фрагментов медвежьих лап. В первом — трубчатые кости передней конечности, в десятом — кости запястья и почти полной пясти с когтями. В обоих случаях они лежали в полном анатомическом порядке поверх ямок, как бы закрывая (и предохраняя) спрятанные в них предметы.

Энеолитические захоронения людей и собак, «святилище», ритуальные площадки и клады составляли единый погребальный комплекс, который относится к волосовской культуре. Структурно кладбище являлось бессистемным. Оно сформировалось на месте брошенного волосовского поселка. Это четко доказывается данными стратиграфии и радиоуглеродной датировкой шести образцов древесного угля из жилищ и ритуальных костров. Поселок, судя по трем датам, функционировал 4570 ± 60 — 4320 ± 80 л. н., а костры горели позднее, 4190 ± 50 — 3820 ± 40 л. н., т. е. в пределах последней четверти III — конца первой четверти II тыс. до н. э. [22]. На совершение здесь захоронений в это время указывает и единственная радиоуглеродная дата по C_{-14} , полученная по костям женского скелета из могилы № 18: 4080 ± 60 л. н.

Погребения на стоянке Сахтыш IIIА (рис. 2, 3). Здесь за десять лет раскопок (1987—1994, 1999 и 2004 гг.) было обнаружено 72 захоронения, которые составляли два автономных кладбища — неолитическое и энеолитическое [3, 7, 13—15, 23, 25].

Неолитический могильник исследован полностью. Он состоял из 15 погребений (№ 11, 12, 16, 22, 29, 40—43, 52, 55, 59—61, 65), которые находились или в основании культурного слоя, или ниже его (№ 11, 16, 22). Могильные ямы зафиксированы в девяти случаях. Они имели форму прямоугольника с закругленными углами или вытянутого овала. Размеры ям с костями взрослых субъектов колебались от $1,82 \times 0,5$ до $2,12 \times 0,65$ м, с детскими — от $0,9 \times 0,47$ до $1,4 \times 0,68$ м. Глубина составляла 12—20 см. В засыпке могил найдены мелкие обломки верхневолжской и льяловской посуды, причем фрагменты последней представлены исключительно ранними типами. То есть ямы копались в начальный период формирования на стоянке льяловского культурного горизонта. Два погребения являлись парными. В могиле № 59 находились два ребенка в возрасте 1—1,5 и 3—4 лет, в могиле № 61 — молодая женщина с

младенцем. Прочие погребения были одиночными. Степень сохранности скелетов была различной. Положение определено у 14 погребенных. В первом парном захоронении (№ 59) детские трупы были положены параллельно друг другу в положении вытянуто: один — на спине, второй — на левом боку. Во втором двойном погребении (№ 61) женский костяк лежал навзничь, а младенец предположительно — ничком между ног женщины (от него сохранились лишь раздавленные кости черепа). Среди индивидуальных захоронений одно (№ 11) являлось скорченным. Покойник был положен на левый бок. Восемь костяков лежали вытянуто на спине, два — вытянуто на животе (№ 12 и 22). Большинство погребенных головами были ориентированы в юго-восточном направлении (№ 16, 22, 29, 41—43, 52, 60, 65), четыре — в противоположную сторону, на северо-запад (№ 12, 40, 61), но все — параллельно кромке берега р. Койки. Исключение составляли два захоронения (№ 11 и 59), в которых скелеты лежали черепами на восток, «от воды». Некоторые покойники, судя по «сжатости» скелетов, были захоронены связанными (№ 11, 16, 22, 43, 59а, 61а). В погребении № 61 под женским черепом расчищено небольшое пятно красной охры. Инвентарь обнаружен в четырех могилах. В мужском погребении № 40 найдено костяное острие, в женском захоронении № 22 — два костяных кинжала: один — широкий, второй — узкий, с фигурной рукоятью. При другом женском костяке (№ 61а) найдено также три орудия из кости: проколка, нож и ретушер (?). Женский скелет в 65-й могиле сопровождался глиняной эмбрионовидной фигуркой.

Антропологами изучены пять черепов [17]. Три женских черепа (№ 11, 22, 61а) по указателю брахикранные, с четкими чертами монголоидной расы. Мужской череп (№ 42) долихокранный, имеет ярко выраженный европеоидный облик. Второй мужской череп (№ 40) также европеоидный, но по указателю он мезо-брахикранный.

Неолитические погребения относятся к раннему этапу льяловской культуры. Этот вывод надежно документируется их стратиграфической диспозицией, типологией инвентаря и радиоуглеродными датировками костей погребенных из четырех могил (№ 12, 16, 29, 42). В них покойники были захоронены в интервале 6130 ± 120 — 5820 ± 200 л. н. Структурно могильник являлся линейно-рядовым.

Энеолитических захоронений раскопано 57 (№ 1—10, 13—15, 17—21, 23—28, 30—39, 44—51, 53, 54, 56—58, 62—64, 66, 67). Они находились в культурном слое. Могильные ямы не прослежены. Сохранность костяков была очень плохая, анатомический порядок большинства скелетов был нарушен. Все погребения были одиночными. Поза установлена у 51 костяка. Она однообразна: погребенные лежали на спине вытянуто. Основная масса покойников была ориентирована на юго-запад, перпендикулярно берегу р. Койки, т. е. головами «к воде». Два погребенных были положены головами на север (№ 47 и 49).

В четырех случаях отмечена манипуляция с трупами. Так, во втором погребении у покойника была ампутирована голова. Ее захоронили рядом, а на ее место положили крупный камень. В захоронении № 63 среди обломков черепа расчищен небольшой камень, которым покойнику перед засыпкой разбили лицо. У молодой женщины в 66-м погребении отсутствовали кости обеих ступней. Они были отрезаны специально. Наконец, на левом бедре мужчины из 62-го захоронения отмечены следы порезов ножом.

Возле семи костяков встречены единичные зоофакты, положенные намеренно (№ 6, 15, 26, 27, 32, 39, 54). Они в основном состояли из челюстей

бобра и клыков медведя. Инвентарь присутствовал в 36 захоронениях и был представлен исключительно украшениями из янтаря, камня, кости и зубов животных. Их коллекция насчитывает 540 единиц.

Доминируют янтарные украшения (367 экз.). Наиболее популярными были пуговицы. В 11 погребениях их собрано 341 экз. Преобладают пуговицы округлой и овальной формы диаметром 8—24 мм (317 шт.), реже — прямоугольных очертаний длиной по диагонали 14—24 мм (8 шт.). У подавляющего большинства сечение линзовидное, отверстие V-образное. Пуговиц диаметром 25—35 мм девять экземпляров. Форма округлая. У пяти штук отверстия V-образные, у прочих имеют вид латинской буквы W. Диаметры крупных пуговиц-блях колеблются от 40 до 60 мм, максимальная толщина составляет 8—15 мм (8 экз.). Шесть блях нашивались на одежду через W-образные отверстия, две — через спаренные V- и W-видные отверстия. Вторым по численности видом янтарных украшений являются пронизки. В пяти захоронениях их обнаружено 15 экз. От шести дошли только мелкие осколки. Семь пронизок относятся к типу «с утолщением в середине», две имеют несерийные формы. В трех погребениях расчищено пять колец. Внешний диаметр варьирует от 40 до 55 мм. Четыре кольца ажурные, одно — массивное. Край одного имеет зубчатый контур. Последний вид янтарных украшений — плоские подвески. В четырех захоронениях их найдено всего шесть штук. Одна — средних размеров, прямоугольная. Прочие — трапециевидные (две малые, одна крупная и две массивные), их боковые края и основания орнаментированы неглубокими нарезками. Почти 90 % всего янтаря происходят из двух мужских захоронений (№ 15 и 28). Это позволило в общих чертах судить о фасоне одежды покойников и системе расположения на ней украшений [7].

13 костяков сопровождалась украшениями из сланца и серпентина. В женском погребении № 46 возле запястий рук найдены две кольцевидные пронизки, по одной с каждой стороны. Остальные представлены плоскими подвесками прямоугольной, треугольной или овальной формы.

Коллекция украшений из кости насчитывает 26 предметов из десяти захоронений. Единичных изделий два: небольшая шайба с отверстием в центре и кольцо диаметром 30 см. Серийно представлены подвески (24 экз.). Они изготовлены из тонких пластин, по конфигурации делятся на прямоугольные, треугольные, округлые и овальные. Половина подвесок имеет четкие трапециевидные формы. Одни — вытянутых пропорций, другие — короткие широкие. У большинства основание вогнутое. Уникальна подвеска в виде антропоморфной Ф-образной фигурки из женского захоронения № 58. Фигурка представляет собой изображение человека в рост. Поза статична, признаки пола отсутствуют. Голова фигурки имеет яйцевидную форму. Шея короткая. Плечи широкие. Руки упираются в бедра. Ноги короткие. Лицо изображено в улыбке [14].

Отдельную группу украшений составляют подвески из зубов животных. В 22 захоронениях их собрано 96 экз. Особенно популярными были зубы медведя (65 экз.). Зубы прочих животных использовались значительно реже. Это резцы лося (10), бобра (2) и клыки хищников: волка, лисицы и, возможно, собаки (19). В качестве украшений следует рассматривать также резцы сурка без следов обработки (около 40 экз.), которые были нашиты на одежду погребенной в захоронении № 24.

Погребения относятся к волосовской культуре. По площади могильника они располагались рядами. Формально выделяются пять рядов и еще как

минимум два — по планиграфии и стратиграфии. Четыре захоронения находились вне рядов (№ 8, 44, 54, 49). Рядовая структура энеолитического могильника свидетельствует о хронологических этапах его формирования. К ранней группе относятся погребения трех рядов — 'А', 'Б' и 'Е'. Они были совершены на начальной стадии накопления энеолитического слоя. Во вторую группу выделяются захоронения в рядах 'В', 'Г', 'Д' и 'Ж', где уровень залегания костяков соответствует верхнему ярусу волосовского горизонта. Эти стратиграфические наблюдения подтвердились радиоуглеродными датами, полученными по костям покойников. Ранние погребения были совершены в интервале 4800 ± 200 — 4540 ± 150 л. н. (пять дат), поздние — в пределах 4200 ± 240 — 4080 ± 180 л. н. (две даты). Еще одна дата — 4690 ± 190 л. н. (ГИН-5892) — получена по углям, взятым из нижнего яруса энеолитического культурного слоя. Она подтверждает, что начало его накопления и начальный этап формирования могильника проходили одновременно.

Антропологами было изучено 16 черепов (семь женских и девять мужских) [17]. Четыре черепа из ранних погребений (№ 4, 9, 15, 39) имеют европеоидный облик, на двух фиксируются черты большой монголоидной расы (№ 10 и 46). Все черепа из поздних захоронений являются европеоидными без ярко выраженных примесей (№ 13А-Б, 32Б, 33, 35, 36А, 47, 54, 58, 66).

Ранневолосовским захоронениям синхронно первое «святилище» и два ритуальных клада. Первый клад состоял из восьми янтарных подвесок трапециевидной и прямоугольной формы, второй — из восьми наконечников стрел иволистной формы, изготовленных из белого кремня.

«Святилище» находилось к северо-западу от основной массы могил и состояло из двух частей [13, 23]. Наземная постройка в плане имела форму правильного пятиугольника со стороной 5 м и выходом на восток. Площадь ее составляла 45—50 кв. м. Внутри постройки располагалась яма, углубленная в грунт на 80 см. На глубине 95 см от современной поверхности она имела форму правильного прямоугольника ($1,7 \times 0,4$ м). В углах ямы сохранились четкие пятна от двух пар мощных столбов. В заполнении центральной части ямы расчищено скопление костей медведя, лося, бобра, куницы и часть сосуда с гребенчатой орнаментацией и примесью дресвы, которые первоначально находились на перекрытии ямы. Под ними обнаружена уникальная находка — полумаска. Она изготовлена из цельного основания рога лося и представляет собой частичное изображение лица взрослого человека (лоб и нос) в натуральную величину [13, 25]. Угли, взятые из-под маски, датированы по C_{-14} 4790 ± 180 л. н. (ГИН-6556), а из заполнения ямы, т. е. когда «святилище» уже прекратило существование, — 4430 ± 250 л. н. (ГИН-6555).

Поздневолосовским захоронениям синхронно второе «святилище» [13, 23]. Оно обнаружено на северо-восточной окраине могильника. От него дошли только остатки ямы глубиной около 1 м. Каких-либо четких следов наземной постройки над ней не прослежено. Яма имела почти квадратную в плане форму ($1,75 \times 1,48$ м) и коридорообразный вход длиной 0,9 м и шириной 0,5—0,65 м. Древесный уголь, собранный на дне ямы, по C_{-14} датирован 4240 ± 160 л. н. (ГИН-6787).

Таким образом, волосовский могильник на стоянке Сахтыш 2А функционировал с начала второй и до конца последней четверти III тыс. до н. э.

Погребение на стоянке Сахтыш VII. Погребение раскопано в 1965 г. [1]. Оно обнаружено в культурном слое. Могильная яма не прослежена. От

скелета сохранился только тлен. Судя по нему, здесь был похоронен взрослый субъект в положении на спине вытянуто, головой на юго-восток. Инвентарь отсутствовал. Захоронение относится к волосовской культуре и датируется рубежом III—II тыс. до н. э.

Погребения на стоянке Сахтыш VIII (рис. 4). На этой стоянке в 1965, 1970, 1971, 1973—1978, 1996 гг. обнаружено 38 захоронений. Одно из них (№ 29) относится к неолиту, прочие — к энеолиту [8, 23].

Неолитическое погребение раскопано в северной части поселения. Могильная яма имела прямоугольную форму (2,0 × 0,6 м) с закругленными углами. Глубина ее от низа культурного слоя составляла 20 см. Скелет имел хорошую сохранность, лежал ничком, головой на север, параллельно течению р. Койки. Костяк и дно могилы были засыпаны красной охрой. Инвентарь отсутствовал. Судя по находкам обломков керамики, собранным в засыпке могильной ямы, погребение можно датировать в пределах второй половины IV тыс. до н. э. и отнести к кругу одиночных могил льяловской культуры.

Энеолитические захоронения располагались в восточной половине стоянки и представляли собой компактный могильник. Погребения находились в культурном слое. Могильные ямы не прослежены. Исключение составляло погребение № 30. Эта могила имела форму овала (2,2 × 0,7 м) и на всю глубину (18—20 см) была засыпана красной охрой. В прочих захоронениях охра отсутствовала. Лишь в ногах погребения № 21 прослежено небольшое пятно, имитировавшее ритуальный костер.

Сохранность костяков была очень плохой. Все захоронения являлись одиночными, погребенные лежали на спине вытянуто, головами на восток, перпендикулярно берегу реки. Два погребения составляли исключение: одно — № 24 — ориентировано на северо-северо-восток, второе — № 35 — на северо-северо-запад. По площади могильника погребения располагались четкими параллельными рядами. Всего их было шесть.

Инвентарь обнаружен только в 14 захоронениях и состоит исключительно из украшений, изготовленных из сланца, кости и янтаря. Каменные украшения представлены подвесками. Они плоские, имеют прямоугольную или овальную форму. Костяные украшения, за исключением одной подвески, состоит из примитивных цилиндрических пронизок — обломков птичьих костей.

Янтарные украшения (273 экз.) найдены в десяти захоронениях. Они распадаются на подвески, пуговицы, пронизки и кольца. Подвесок в коллекции насчитывается 112 экз. Они плоские, трапециевидной (59) или прямоугольной (16) формы с прямыми или вогнутыми основаниями. У одной основание напоминает очертания утиной лапы. Прочие формы единичны. В двух случаях в качестве подвесок использованы фрагменты колец, в одном — пуговица. Единственным экземпляром представлена подвеска в виде кольца с выступом. Пуговиц найдено 116 экз. Форма у большинства круглая или овальная, у двух — прямоугольная. Подавляющая масса пуговиц имеет V-образное отверстие. У четырех отверстия W-образные. Пронизок обнаружено 37 экз. 15 штук — это простые цилиндры. Вторая разновидность пронизок (9 экз.) — это цилиндры с небольшим утолщением в середине. Янтарных колец в коллекции шесть и еще два представлены в обломках. Одно кольцо массивное, прочие — ажурные. Все имеют правильную круглую форму. Два кольца маленькие: внешний диаметр 25 мм, внутренний — 10 мм. Размеры остальных крупные. Диаметры их составляют соответственно 45—50 и 16—25 мм.

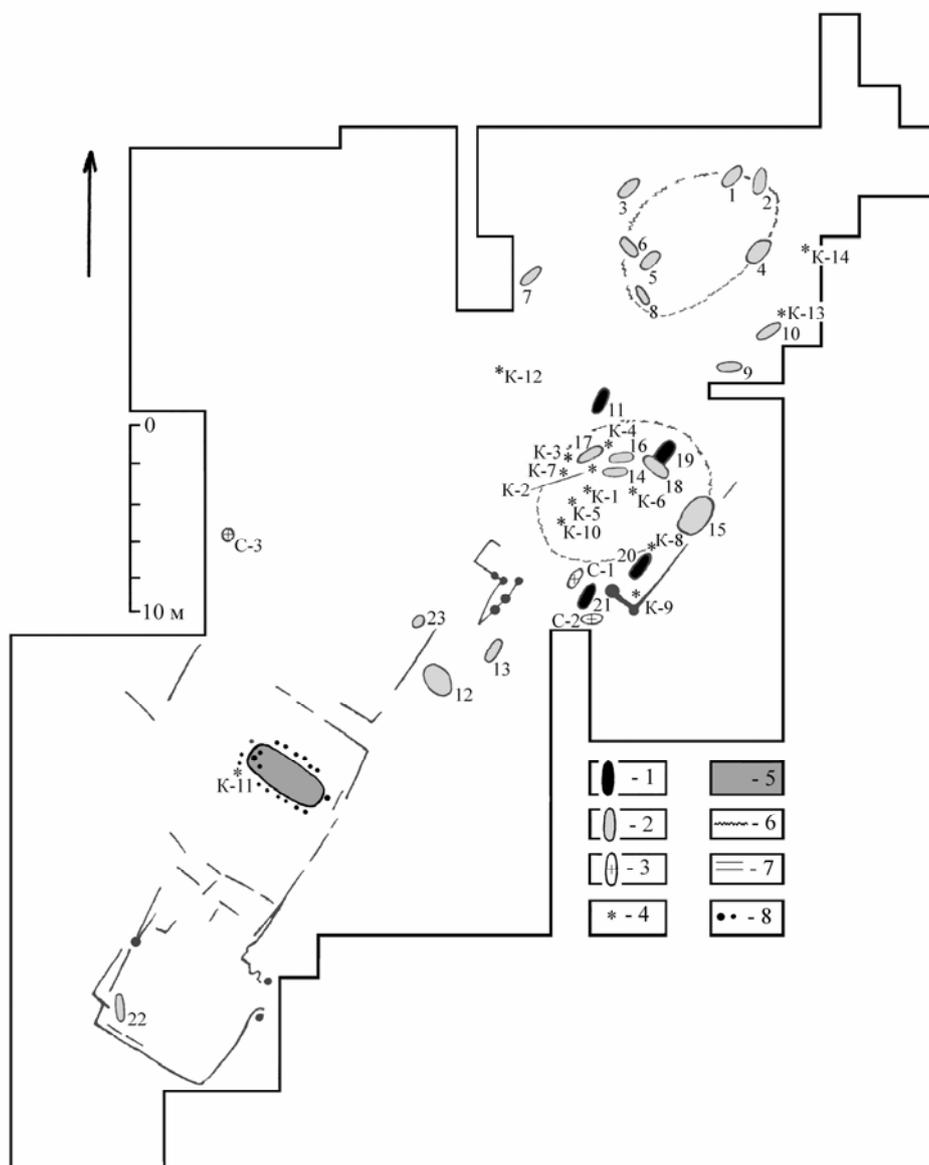
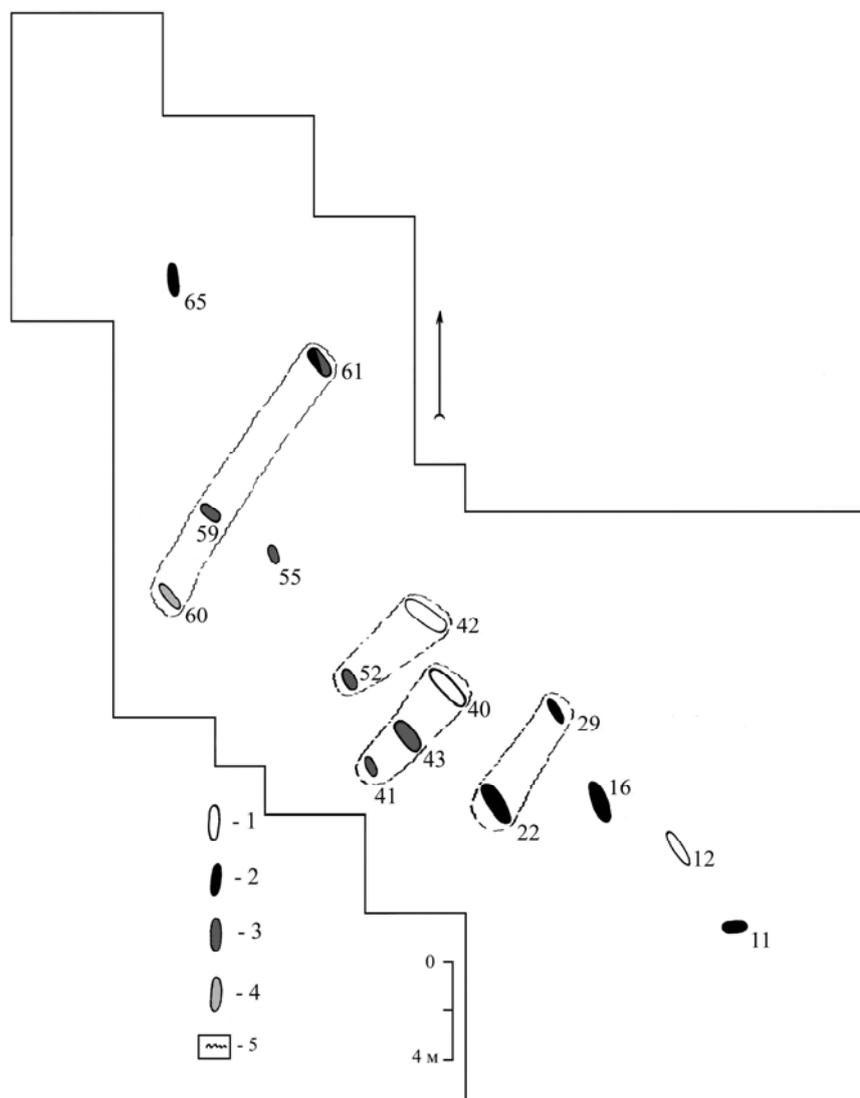


Рис. 1. Стоянка Сахтыш II. План раскопа:

- 1 — неолитические погребения, 2 — волосовские погребения, 3 — захоронения собак,
 4 — ритуальные клады, 5 — волосовское «святилище»,
 6 — условные границы ритуальных площадок (I—II),
 7 — древесный тлен от оснований волосовских жилищ в материке,
 8 — столбовые ямы в материке (рис. А. В. Уткина)



*Рис. 2. Стоянка Сахтыш ПА. Льяловский могильник:
 1 — мужские погребения, 2 — женские погребения, 3 — детские погребения,
 4 — неопределимое погребение, 5 — условные границы рядов (рис. А. В. Уткина)*

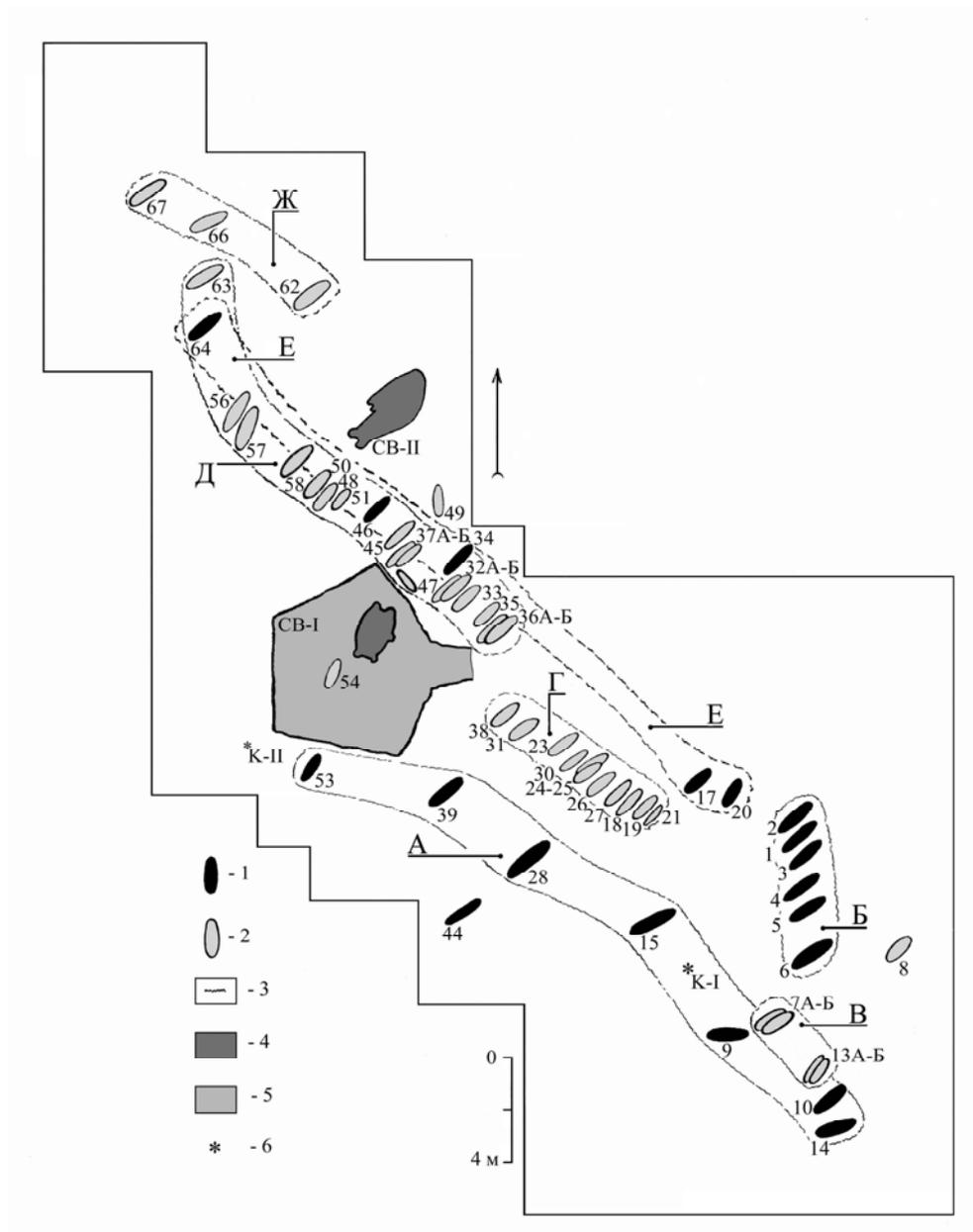


Рис. 3. Стоянка Сахтыш ПА. Волосовский могильник:
 1 — ранние погребения, 2 — поздние погребения, 3 — условные границы рядов,
 4 — «святыхищные» ямы, 5 — первое «святыхище», 6 — ритуальные клады
 (рис. А. В. Уткина)

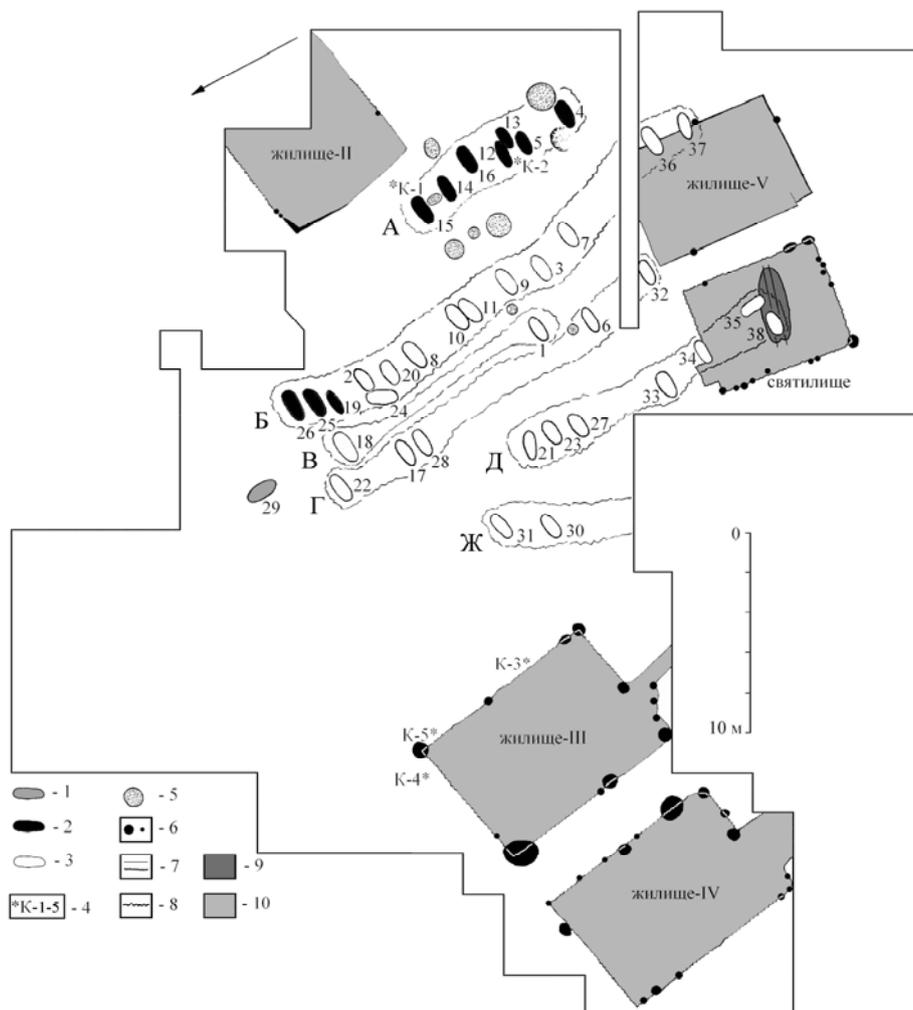


Рис. 4. Стоянка Сахтыш VIII. План раскопа:

1 — льяловское погребение, 2 — ранневолосовские погребения, 3 — поздневолосовские погребения, 4 — ритуальные клады, 5 — ритуальные кострища, 6 — столбовые ямы и ямки, 7 — условные границы построек, 8 — условные границы рядовой структуры могильника, 9 — «святилищная» яма, 10 — волосовские постройки (рис. А. В. Уткина)

По площади могильника погребения с янтарем локализовывались четко. Одно захоронение (№ 21) находилось на северном конце пятого ряда, два (№ 25 и 36) — на северном и южном концах второго, а остальные семь погребений составляли первый, самостоятельный ряд.

Помимо собственно захоронений в систему могильника входили также другие объекты: остатки десяти ритуальных костров, два клада и «святилище». Оба клада были зарыты в неглубоких ямках и состояли из янтарных украшений (5+13 экз.): подвесок (15), пронизок (2) и обломка кольца, которые аналогичны украшениям из погребений и полностью повторяют формы последних. «Святилище» находилось на южной окраине могильника [23]. Контуры его наземной части не прослежены, но по ямкам от столбов оно реконструируется как постройка прямоугольной формы типа волосовского

жилища площадью 45—50 кв. м. Внутри постройки обнаружена «святилищная» яма в виде овального пятна (1,2 × 3 м) глубиной 40 см от низа культурного слоя. В верхнем ярусе ямы обнаружено два захоронения (№ 35 и 38), а под ними зафиксирован тлен от двух бревен. Бревна были положены вдоль длинной оси ямы параллельно друг другу и служили ее перекрытием. Находки, относящиеся к функционированию ямы, следующие: жженные птичьи кости, истлевший череп медведя (?) и скопление мелких осколков желтого кремня (415 экз.). Аналогичное скопление кремня расчищено рядом, в границах наземной постройки. Оно состояло из 1175 осколков и 14 орудий.

Культурная принадлежность и хронология энеолитических погребений определяется их стратиграфическим положением, набором украшений и планиграфией могильника. Все захоронения находились в волосовском слое. Территория могильника с трех сторон была окружена четырьмя волосовскими жилищами. Синхронность жилищ и могильника очевидна. Кладбище расширялось с востока на запад. В этом же направлении строились и новые жилища на смену старым, приходившим в ветхость. Ранние погребения сосредоточены в первом, восточном ряду. Все они сопровождалась янтарными украшениями, костяки имели относительно хорошую сохранность. Вслед за этим рядом формировался второй. Причем формирование его, как и первого, началось с севера, где расчищено погребение № 25 с обилием янтаря. По мере расширения второго ряда погребений к югу жилище V обветшало, было брошено, и затем его котлован был частично перекрыт двумя захоронениями (№ 36 и 37). В дальнейшем такая же участь постигла и брошенное «святилище», площадка которого позднее была перекрыта тремя погребениями пятого ряда (№ 33, 35, 38).

Если наша схема формирования кладбища по рядам относительно жилищ верна, то погребения в первом ряду (№ 4, 5, 12—16) и в северной части второго (№ 19, 25, 26) следует относить ко времени, когда еще функционировало пятое жилище. Все остальные захоронения были совершены уже после того, как оно было брошено. Случилось это по данным радиоуглеродного анализа углей, взятых из очажной ямы жилища, 4400±60 л. н. (ЛБ-1327) [16] Окончательно кладбище прекратило свое существование, очевидно, сразу же вслед за исчезновением здесь волосовского поселения. Другими словами, могильник можно уверенно датировать началом второй — началом последней четверти III тыс. до н. э.

* * *

Такова краткая характеристика сахтышских погребальных комплексов эпохи первобытности, которые стали опорными для построения единой культурно-хронологической шкалы всех нео-энеолитических захоронений территории Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья и низовий Оки.

Эти могильники самые представительные по числу погребенных. Суммарное количество захоронений составляет половину (50,3 %) от общего числа всех известных в регионе на начало XXI в. И они более подробно документированы, чем все остальные.

На двух памятниках (Сахтыш II и ПА) на одних и тех же площадках раскопаны разнокультурные и разновременные кладбища — льяловские и волосовские, четко разделявшиеся стратиграфически. Такого вертикального членения пока нет нигде.

Только по костям сахтышских захоронений получена значительная серия радиоуглеродных дат, как для неолитических, так и для энеолитических погребений. С других памятников датированию по $C-14$ были подвергнуты лишь три костяка (со стоянок Черная Гора и Шагары I в Рязанской обл. [20]). Однако полученные по ним результаты вызывают большие сомнения.

Только на трех могильниках (Сахтыш II, IIА и VIII) исследованы остатки четырех «святилищ», связанных с похоронной обрядностью. На прочих памятниках (а их всего два — Володары в Нижегородской обл. и Языково I в Тверской обл.), погребальные «святилища» можно выделить чисто гипотетически, да и то с оглядкой на сахтышские [24].

Обилие янтарных украшений в ряде мужских захоронений на Сахтыше IIА и VIII, располагавшихся *in situ* на хорошо сохранившихся костяках, позволили реконструировать костюмы погребенных [7]. В дальнейшем на базе этих данных возможно воссоздание «янтарного» одеяния других покойников, скелеты которых истлели без остатка, в частности языковских, также сопровождавшихся большим количеством янтаря [19].

Наконец, краниологический бланк погребенных на Сахтыше I, II, IIА и VIII составляет от всех изученных черепов региона самый значительный процент: для энеолитической серии более половины — 55 %, для неолитической — 87,5 % [5, 6, 17].

Библиографический список

1. Гадзяцкая О. С. Стоянка Сахтыш VII // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185.
2. Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // Там же. 1965. Вып. 100.
3. Костылёва Е. Л. Результаты раскопок могильника на стоянке Сахтыш IIА в 1987—1993 годах // Ивановский государственный университет — региональный центр науки, культуры и образования: Тез. докл. Иваново, 1994.
4. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Календарная символика волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2.
5. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Краткая характеристика антропологических типов эпохи первобытности на территории Ивановской области // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Тез. докл. Иваново, 1998.
6. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита // Вторые антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева: Тез. докл. М., 1999.
7. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш IIА // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. Т. 1.
8. Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
9. Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 169.
10. Крайнов Д. А. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М., 1988.
11. Крайнов Д. А., Уткин А. В. Погребения на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. 1991. Вып. 203.
12. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Льяловские погребения на стоянке Сахтыш II // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990. Вып. 4.
13. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIА // Археологические вести. СПб., 1993. № 2.

14. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовская антропоморфная фигура со стоянки Сахтыш ПА // Рос. археология. 1994. № 3.
15. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Исследование стоянки и могильника Сахтыш ПА // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
16. Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1991. Вып. 5.
17. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / Т. И. Алексеева, Р. Я. Денисова, М. В. Козловская и др. М., 1997.
18. Сидоров В. В. Манок — музыкальный инструмент эпохи неолита // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М., 1987. Ч. 1.
19. Сидоров В. В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
20. Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
21. Уткин А. В., Костылёва Е. Л. К вопросу о волосовских коллективных погребениях // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2.
22. Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // Там же. Тверь, 1998. Вып. 3.
23. Уткин А. В., Костылёва Е. Л. Волосовские погребальные «святостища» Сахтышских стоянок // Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад, 2001.
24. Цветкова И. К. Погребения на стоянке Володары // Труды Государственного исторического музея. 1990. Вып. 74.
25. Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D. Fiche masque sur bois d'élan // Objets méconnus: Industrie de l'os préhistorique. Paris, 2001. Cah. IX.

А. А. Корников

ГЕРАЛЬДИКА ИВАНОВСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Важную роль в политической и духовной жизни общества играют гербы — эмблематические изображения, составленные по определенным правилам и утвержденные духовной властью. Что касается функционального назначения, то герб выполняет несколько функций. Во-первых, представительную-правовую, так как свидетельствует о наличии у носителя герба определенных прав (например, герб Ивановской области свидетельствует о наличии у последней прав субъекта Российской Федерации). Во-вторых, опознавательную. Будучи размещенным, например, на транспортных средствах, майках участников соревнований, герб свидетельствует о принадлежности их носителей к области, к тому или иному городу или муниципальному образованию. В-третьих, гербы выполняют культурологическую функцию, так как в краткой, лаконичной форме рассказывают об истории, традициях нашей области, ее районов и городов. Целью нашей статьи является, во-первых, анализ истории

гербов Ивановской области (областного, городских, районных), во-вторых, рассмотрение в целом их современного состояния и перспектив дальнейшего развития. Говоря об историографии поставленной проблемы, необходимо отметить, что она не нашла глубокого и полного отражения в литературе. Автором данной статьи был подготовлен ряд публикаций об отдельных группах ивановских гербов [12—14], однако обобщающего комплексного труда об итогах развития ивановской геральдики до сих пор не создано.

Вначале рассмотрим историю создания областного герба.

Исторически сложилось так, что Ивановская область имела очень бедное геральдическое наследие. Абсолютное большинство российских земельных гербов (т. е. гербов губерний, городов) появилось в период с конца XVII до конца XIX в. В это время Ивановской области как самостоятельной административной единицы не существовало. Если говорить о городских гербах, то очень небольшое количество ивановских городов получило их в дореволюционной России. Среди них можно назвать города Шую (1781), Юрьевец (1779), Плес (1779), Лух (1779), Кинешму (1779). Не повезло с гербом и Иваново-Вознесенску — будущему областному центру. После того как в 1871 г. был образован этот безуездный городок, несколько раз предпринимались попытки создать его герб. Но по целому ряду причин город так и не получил своего герба в дореволюционный период, что более детально будет рассмотрено ниже.

Новая ситуация сложилась в 1918 г., после революции 1917 г. Декретом Народного комиссариата внутренних дел от 20 июня была образована Иваново-Вознесенская губерния. В связи с появлением «красной губернии» были предприняты попытки создания ее герба. В журнале заседаний президиума Иваново-Вознесенского губисполкома 1 августа 1918 г. было записано следующее: «Слушали о гербе для Иваново-Вознесенской губернии. Постановили: назначить конкурс на рисунок герба Иваново-Вознесенской губернии» [5, л. 21]. Кто участвовал в этом конкурсе и какие были представлены проекты, неизвестно. Имеются сведения об участии в этой работе видного ивановского художника И. Н. Нефедова. Им были разработаны проекты гербов г. Иваново-Вознесенска и губернии. Центральной фигурой обоих гербов явилась молодая женщина, пряжущая лен и сидящая на зеленом холме. В вершину холма вписана лиловая шестерня, окружающая красный треугольник, в центре которого — солнце, восходящее над пшеничным полем. Различие между городским и губернским гербами заключалась в том, что в первом фигура женщины была изображена на фоне дымящихся фабричных труб и заводских корпусов, а во втором — на одноцветном гербовом поле. Кроме того, губернский герб был окружен венком, обвитым лентой [9, с. 267]. По воспоминаниям И. Н. Нефедова, проект губернского герба был одобрен художественным советом при губисполкоме, но из-за начавшейся гражданской войны дело не было доведено до конца и наш город, как и губерния, так и остался без герба [1]. Хотя, по-видимому, надо сказать, что основная идея проекта И. Н. Нефедова была заимствована автором герба г. Иванова, утвержденного в 1996 г. Следующим шагом в развитии ивановской геральдики было принятие герба г. Иванова в 1970 г. Этот герб, разработанный ленинградским художником В. Кубашевским, был принят и официально утвержден горисполкомом к столетию областного центра. В основу этого герба были положены теперь уже хорошо известные эмблемы челнока и факела [8, л. 45—45 об.].

Таким образом, геральдические наработки в нашем крае к середине 1990-х гг. были чрезвычайно скудны и бедны. Это обстоятельство в дальнейшем усложняло и затрудняло разработку герба области. А данная проблема встала на повестку дня в 1996 г.

Законодательное собрание области в 1996 г. приняло Устав (Основной закон) области. В соответствии с этим основополагающим документом наша область как субъект Российской Федерации получила право иметь свой герб. Для разработки данного герба администрацией области был предпринят ряд организационных мероприятий: создано несколько комиссий, творческих групп, проведено несколько туров конкурса на проект герба. Материалы конкурса широко публиковались в местной прессе, освещались по телевидению, радио. Не вдаваясь в подробности всех этапов создания герба, хотелось бы отметить ряд типичных вариантов, предлагавшихся в ходе его разработки.

Во-первых, предлагался ряд вариантов, в основу которых был положен герб города Иванова 1996 г. Однако Государственная герольдия при президенте категорически отвергла эти варианты, так как они противоречили важнейшим геральдическим положениям и принципам российской геральдики. По правилам геральдики не герб областного центра должен вноситься в герб данной области, а наоборот, областной герб вносится в герб областного центра!

Во-вторых, в ряде гербов за основу брались некие элементы промышленного дизайна (шестеренки, реторты и т. п.). В серии статей, опубликованных в местной печати, эти гербы были подвергнуты справедливой критике за отход от традиций и правил классической российской геральдики.

В-третьих, делались предложения использовать в гербе области родовой герб Шереметевых. Однако с самого начала эти предложения были отвергнуты. Такой вариант был возможен только в одном случае: если бы область была монархическим государством, а Шереметевы — правящей династией.

В конечном итоге осенью 1997 г. решением администрации областного центра была создана единая творческая группа, куда вошли историки — В. П. Терентьев, директор Центра новейшей документации, и автор данной статьи и художники — С. А. Приказчиков и А. И. Жестарев. Группа учитывала свои предыдущие наработки и, используя правила и традиции российской геральдики, за основу взяла идею отображения в гербе истории формирования Ивановской области, специфики ее народного хозяйства. В результате сложной и кропотливой работы, многочисленных вариантов, согласований со специалистами был создан проект герба, утвержденный Законодательным собранием области (25 декабря 1997 г.) и Государственной герольдией [18, с. 4—6].

Официальное геральдическое описание данного герба следующее: «Щит рассечен червленью и лазурью, в оконечности три узких волнистых серебряных пояса. В правом геральдическом поле золотой челнок с серебряной сердцевинкой, в левом лазуревом — серебряный факел. Щит увенчан железной короной. Щитодержатели: справа — золотой лев, слева — золотой орел. Постаментом является венок из зеленых стеблей и листьев с синими цветками льна и коробочками хлопчатника, перевитыми червлено-лазуревой лентой с серебряной полоской».

Что же символизируют отдельные элементы герба и какова общая его идея? Начнем с рассмотрения цветов гербового щита. Цвета полей щита — червлень и лазурь — передают цвета гербов Владимирской и Костромской губерний, из частей которых в 1913 г. образовалась Иваново-Вознесенская губерния. Старинным гербом Владимирской губернии был золотой

коронованный лев в червленом поле. А официальным гербом Костромского края был золотой корабль с орлом на носу в лазуревом поле. Так владимирская червлень и костромская лазурь сошлись на ивановском щите. Челнок и факел — основные эмблемы, изображенные на щите, — стали традиционными символами нашего края после принятого в 1970 г. герба г. Иванова. Челнок очень точно и лаконично символизирует основную отрасль экономики — текстильное производство, развивающееся с XVII в. и до настоящего времени. Серебряный факел — общепринятая в геральдике эмблема, символизирующая знание, образование, стремление к прогрессу. Данная эмблема показывает, что в период существования самостоятельной области в крае сформировалась широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений, научно-исследовательских организаций, значительно повысился уровень образования и науки.

Три узких волнистых серебряных пояса, пересекающих оба поля щита, символизируют великую реку Волгу, протекающую по территории Ивановской области. Одновременно эти эмблемы обозначают полотна ткани, создаваемые в большом количестве на текстильных фабриках края. Основной щит увенчивает старинная владимирская железная корона. В обыденном представлении корона обозначает монарха, монархическое правление. Однако в геральдическом языке подобная корона обозначает, с одной стороны, то, что наш край когда-то входил в состав Великого княжества Владимирского (XII—XIV вв.). С другой стороны, корона символизирует права и самостоятельность Ивановской области как субъекта Российской Федерации.

Перейдем теперь к фигурам льва и орла. В геральдике они называются щитодержателями и подчеркивают высокий ранг герба. Как они попали в ивановский герб? Золотой лев заимствован из известного владимирского герба, золотой орел — из костромского. Щитодержатели, как и корона, придают гербу законченный облик и подчеркивают, что это герб не села, не посада, а субъекта Российской Федерации, пользующегося определенными правами автономии. Основная композиция герба опирается на постамент в виде венка из льна и хлопчатника. Лен и хлопок — основные виды сырья, перерабатываемые ивановскими текстильными предприятиями. Двухцветная лента с серебряной полоской повторяет основные цвета и металл гербовых полей — червлень, лазурь, серебро.

Таким образом, был создан интересный и запоминающийся герб. Он оригинален, самобытен и не повторяет гербы других субъектов Российской Федерации. В этом гербе нашли отражение прошлое и настоящее нашего края. Герб стал привычный составной частью эмблематической среды Ивановской области. Это доказывается тем, что он выдержал проверку временем.

Перейдем теперь к рассмотрению истории создания герба областного центра — г. Иванова. Город Иваново, несмотря на то что был образован в 1891 г., получил свой первый герб только в 1970 г., к своему столетию. Однако попытки разработать городской герб предпринимались уже в первые годы существования вновь образованного города Иваново-Вознесенска.

Первую эмблему, символизирующую населенный пункт, из которого позднее сформировался будущий город Иваново-Вознесенск, мы встречаем на печати Думы Вознесенского посада, существовавшей в 1854—1872 гг. На этой печати изображен гербовый щит, в верхней части которого имеется владимирский губернский герб (коронованный лев с длинным крестом в лапах), в нижней части — два квадратика или кубика [6, л. 86 об.]. Символи-

ка и происхождение этой печати неизвестны. Однако подобная печать встречалась и на многих документах Иваново-Вознесенской городской управы.

После того как в 1871 г. путем слияния села Иванова и Вознесенского посада был создан город Иваново-Вознесенск, предпринимались попытки создания герба нового города. По нашим сведениям, это было, по крайней мере, дважды: в 1873 и 1879 гг. История создания данных проектов такова. В соответствии с Городовым положением 1870 г. во всех городах Российской империи должны были быть разработаны гербы. Герб изображался не только на печатях городских управ, но и на знаках должностных лиц городского самоуправления: городского главы, членов городских управ, чинов торговой и хозяйственной полиции, даже городского контролера по канализации. Разработкой и утверждением гербов во второй половине XIX в. в России занималось Гербовое отделение Департамента герольдии Правительствующего Сената. Несмотря на его интенсивную деятельность, многие города Российской империи не имели официально утвержденных гербов.

В 1873 г. по инициативе городской управы был разработан первый проект герба. Описание было следующее: «Нижняя половина выражает колесо — механику, реторта — химию, то есть промышленность, якорь и кипы товара — торговлю, а в верхней половине губернский герб...» [7, л. 129]. 23 июля 1873 г. иваново-вознесенский городской глава обратился с просьбой отправить проект герба на утверждение Гербового отделения Сената. 31 июля 1873 г. владимирский губернатор направил рапорт в Правительствующий Сенат с просьбой об утверждении данного проекта [4]. Однако по каким-то причинам проект не был утвержден, а Иваново-Вознесенск стал жить без герба. Еще одна попытка создания герба была предпринята в 1891 г., на этот раз инициатором разработки было само Гербовое отделение Сената.

Гербовое отделение постоянно обращало внимание местных властей на необходимость разработки проектов гербов для тех городов, которые их не имели. Так, согласно учету, проведенному Гербовым отделением в 1890 г., в 59 городах европейской части Российской империи не имелось официальных гербов. Среди них был и Иваново-Вознесенск. Из Гербового отделения 21 декабря 1890 г. было послано отношение владимирскому губернатору с предложением разработать проект герба для этого крупного промышленного центра Российской империи. В очень короткий срок, буквально за полтора месяца, губернский архитектор А. Афанасьев спроектировал и подготовил эскиз герба.

Описание герба было следующее: «В верхней части щита — герб Владимирской губернии: в червленом поле золотой львиный леопард, стоящий на эмалированном орнаменте, в железной, украшенной золотом и цветными камнями короне, держащий в правой лапе длинный серебряный крест. В нижней части на лазоревом фоне сгруппированы эмблемы местной мануфактурной промышленности, состоящие из горизонтально положенного ватерного со шпулькой веретена и вертикально поставленного медиатора ситцепечатного валика и двух накрест расположенных мюльного веретена с початком и челнока. Щит увенчан императорской короной и окружен дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой, из-за щита вверху виднеются накрест положенные эмблемы, с левой стороны — кадуцей, с правой — ручное веретено. Из-за четырех углов щита виднеется прядильный станок с челноком и рычагами. Внизу щита расположен механический станок с изображением шестерен и зубчатой полосы, согнутой под двумя прямыми углами» [17, л. 12].

11 февраля 1891 г. проект герба был послан в Правительствующий Сенат и получен им 16 февраля. Какова была реакция сотрудников Гербового отделения, нам неизвестно, так как не удалось обнаружить каких-то резолюций или решений по данному проекту. Точно известно только то, что проект не был утвержден. В связи с этим можно предположить следующее. Представленные проекты 1873 и 1891 гг. нарушали положения классической геральдики и, в частности, правила составления гербов, разработанные герольдмейстером Б. В. фон Кене и утвержденные правительством в 1859 г. В соответствии с этими правилами запрещалось изображать в гербах паровые машины, новейшие орудия и т. д. Авторы же проектов, стремясь отразить специфику промышленного развития «Русского Манчестера», явно перестарались. По сути дела, ими были созданы скорее не гербы, а каталоги деталей машин текстильного производства. Причиной этого была их явная некомпетентность в области геральдики, незнание законов и традиций геральдической науки.

Еще одна попытка создания городского герба была предпринята в 1918 г. после образования Иваново-Вознесенской губернии. Ранее уже рассказывалось, как наряду с созданием проекта герба Иваново-Вознесенской губернии был спроектирован герб города Иваново-Вознесенска.

Основная идея проекта герба И. Н. Нефедова, по-видимому, позднее была заимствована автором герба города Иванова, утвержденного в 1996 г.

Развитию местного герботворчества также не способствовала специфика советского государства, сформировавшегося в 1920—1930-х гг. Как известно, городской герб всегда был символом определенных прав местного самоуправления. Для советской же государственной системы всегда было характерно стремление к жесткой централизации, ограничению прав органов местного самоуправления. Общее отношение к геральдике в советском обществе также не благоприятствовало местному герботворчеству. В течение длительного времени, примерно с 1920-х и до 1950-х гг., в СССР было достаточно настороженное отношение к данной дисциплине. Она рассматривалась как некий пережиток старого феодального общества, а гербы — как средство пропаганды идей монархизма, царизма.

Положение стало меняться в 1960-х гг. В связи с усилением общего интереса к истории, краеведению, старинным памятникам архитектуры гербы начинают рассматриваться не как пережиток эксплуататорского общества, а как памятники культуры, исторические источники, рассказывающие об истории города, области. Появляются первые советские гербы. Так, в 1960-х гг. неоднократно проводился конкурс на проект герба города Шуи. В 1967 г. был разработан и утвержден герб Пучежского района. В связи с подготовкой празднования столетия Иванова городские власти проводят работу по созданию герба города.

Был проведен конкурс проектов герба, в нем принимало участие большое количество авторов. Конкурсная комиссия, созданная горисполкомом, отобрала три варианта. Решением горисполкома от 8 мая 1970 г. был утвержден герб, разработанный В. П. Кубашевским, художником Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР. Точное геральдическое описание герба нам не встречалось, но в решении горисполкома было записано следующее: «На голубом щите дано символическое изображение реки Талки, факела революции и ткацкого челнока с нитью ткани» [7, л. 129] Названные составные части герба отображают особенности города Иванова, крупного центра текстильной промышленности, где на берегах легендарной реки Талки

в 1905 г. иваново-вознесенскими рабочими был зажжен факел русской революции, в ходе которой был создан первый в России совет рабочих депутатов.

Несомненно, что данный герб носил политизированный характер и отражал некоторые мифологемы того времени. В частности, на него повлияла развертывавшаяся в то время местным партийным и советским руководством кампания, шедшая под лозунгом «Иваново — родина Первого Совета». Но при всей политической заданности такого герба его создателю удалось найти четкий лаконичный образ текстильного пролетарского города.

Хотелось бы отметить и другое. Массовое рабочее движение в Иваново-Вознесенске весной—летом 1905 г., в ходе которого был создан общегородской совет рабочих депутатов, не носило реакционного, экстремистского характера. Это движение было частью общей борьбы трудящихся России за социальное освобождение, политические реформы, обновление России. Само это выступление в силу его организованности, сплоченности было знаменательным событием в истории нашего края, города и поэтому имело полное право быть запечатленным в его геральдике и эмблематике.

В российской земельной геральдике имеются примеры, когда герб создавался под влиянием того или иного события, происходившего в данном городе или вблизи него. Так, в гербе города Углича, утвержденном 31 августа 1778 г., запечатлен образ царевича Дмитрия Ивановича, погибшего в 1591 г. в этом городе. На гербе города Бендеры, принятом 2 апреля 1826 г., изображен лежащий лев в память о пребывании в этом городе шведского короля Карла XII, бежавшего туда после поражения в Полтавской битве.

Еще один вопрос, который возникает в связи с гербом города Иванова 1970 г. Насколько построение данного герба соответствовало правилам геральдики? На этот счет есть мнение крупного специалиста в области российской геральдики Н. А. Соболевой. В одном интервью, опубликованном в печати, она с восхищением отзывалась о нашем гербе, «совершенно верном с точки зрения геральдических правил» [14]. Действительно, на общем фоне советских гербов, перегруженных пятиконечными звездами, шестеренками, электродвигателями, колосьями хлеба, фабричными трубами, данный герб выглядел изящно, лаконично и соответствовал правилам геральдики. После празднования столетия города в 1970 г. герб стал составной частью геральдической и эмблематической среды края. Он изображался на значках, плакатах, различных элементах городского оформления, в местных полиграфических изданиях.

Ситуация изменилась в начале 1990-х гг. После распада СССР, прихода к власти в России либерально-западнической части политической элиты стал проводиться курс на замену коммунистической идеологии либерально-рыночными ценностями. Под этим флагом городам стали возвращаться старые дореволюционные названия, меняться гербы, созданные в советский период. В некоторых случаях эти переименования и замены были вполне обоснованы. Таким было возвращение г. Свердловску его исторического названия Екатеринбург. Вполне обоснованным было и утверждение в 1995 г. в качестве герба г. Москвы ее старинного герба 1781 г. вместо забытого советского герба, принятого в 1924 г. Однако в начавшейся компании было много «перехлестов» и конъюнктурных моментов. На наш взгляд, примером такого подхода было решение городских властей Иванова поменять его герб. Причину подобного решения объясняли политизированностью, невыразительностью имеющегося герба. На страницах печати утверждалось следующее: «Безликость, бледность оформления сделали его проходным значком, но

не гербом города с богатой историей» [10]. В октябре 1992 г. распоряжением председателя горсовета была создана экспертная конкурсная комиссия по разработке герба г. Иванова. Было проведено несколько конкурсов, и лишь осенью 1995 г. подвели их итоги. Победителем стал тогдашний начальник городского управления градостроительства В. Алмаев. В марте 1996 г. Ивановская городская дума утвердила данный проект. На гербе была изображена молодая женщина, сидящая за прялкой. Утвержденный герб вызвал неоднозначную реакцию жителей города. Опрос, проведенный «Ивановской газетой» среди горожан, показал, что большинство отнеслось к нему отрицательно. Многие считали, что утвержденный герб слишком примитивен, аляповат, идет вразрез с правилами геральдики и т. д. [11].

Действительно, если внимательно проанализировать данный герб, можно отметить следующее. Созданная эмблема представляет собой не столько герб, выдержанный в соответствии с правилами геральдики, сколько некую любопытную живописную, художественную картину. Как произведение герботворчества он не выдерживает критики и содержит ряд существенных ошибок с точки зрения правил классической геральдики и традиций российской земельной геральдики. В частности, в геральдике не принято изображать представителей различных профессий (как и вообще изображать людей). Профессиональную направленность города принято обозначать стилизованным изображением продукта соответствующей отрасли промышленности или ее инструментов. Так, в гербе Тулы, известной своей оружейной промышленностью, изображены два шпажных клинка, ружейный ствол, два молотка. На гербе Соликамска, известного своими соляными промыслами, изображен соляной колодец. Представителей профессий — кузнеца, солевара и т. д. — не изображают.

В гербе также прослеживается нарушение основного геральдического правила использования цветов и металлов. Как известно, в гербах используются пять цветов и два металла. Основное правило их употребления гласит: «Цвет на цвет, металл на металл не накладываются». Это означает, что если геральдический щит покрыт цветом, то эмблемы на щите не могут быть цветными, а должны быть металлическими, и наоборот. В гербе же города на лазоревом щите изображена пряжа в красном сарафане и красном кокошнике. Необходимо отметить и другое. При составлении земельных гербов всегда стараются использовать эмблемы, символы, имеющие хождение в геральдической и эмблематической среде данного региона. Эмблема пряжи нигде не известна. Исключение составляет малоизвестный проект герба Иваново-Вознесенска 1918 г. Поэтому ее изображение носит чужеродный, непривычный для массового сознания характер.

И наконец, еще один важный момент. Вызывает сомнение геральдическая обоснованность замены старого герба 1970 г. новым. В геральдике существует правило несменяемости герба. Если только какое-то государство, территория, город, род получили герб, то этот герб остается навечно. А для замены старого герба нужны очень серьезные основания, такие, например, как изменение административной подчиненности города, его государственной принадлежности. Исконные символы и эмблемы всегда стараются сохранить. Заменить герб города — все равно что попытаться начать его историю с чистого листа. Однако, как бы то ни было, данный герб в настоящее время является официальным символом Иванова. Будущее покажет, останется ли он

навечно эмблемой нашего города или же явится очередной ступенькой на пути разработки более выразительного, более эффектного символа Иванова.

Перейдем теперь к рассмотрению гербов ивановских муниципальных образований. Ранее отмечалось, что от дореволюционного периода в нашем крае осталось небольшое количество геральдических и эмблематических изображений. Только пять ивановских городов (Шуя, Юрьевец, Плес, Лух, Кинешма) получили гербы в дореволюционной России. Значительным толчком к созданию гербов муниципальных образований явилась начатая в 1995 г. реформа местного самоуправления. Принятые 28 августа 1995 г. и 6 июня 2003 г. федеральные законы предусматривали право муниципальных образований на собственную символику.

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на начало 2008 г. в Ивановской области было создано 181 муниципальное образование. Из них 27 являются муниципальными образованиями первого уровня (городские округа и муниципальные районы) и 154 — второго уровня (сельские и городские поселения). Из 27 муниципальных образований первого уровня на начало 2008 г. 20 имели гербы, которые были официально утверждены органами местного самоуправления, Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и внесены в Государственный геральдический регистр нашей страны. У остальных образований разработка гербов находится или на стадии обсуждения, или на стадии утверждения Геральдическим советом. Что касается 154 муниципальных образований второго уровня, то утвержденные гербы имеют только Кохма, Наволоки и Пучеж.

23 уже утвержденных герба муниципальных образований Ивановской области условно можно разделить на несколько групп. Первую группу образуют гербы, разработанные на основе исторических гербов, утвержденных еще до революции. В нее входят гербы трех муниципий. Вторая группа — гербы муниципальных образований, не имеющие исторической основы, а заново разработанные в последние годы или Союзом геральдистов России, или местными авторами. Это наиболее многочисленная группа, к ней можно отнести гербы 20 муниципий.

В России впервые упоминания о городских гербах относятся к 1692 г., однако начало их массового введения — к 1720-м гг. Процессом разработки городской символики занималась созданная в 1722 г. Герольдмейстерская контора. Появление первых городских гербов в нашем крае было связано с проводившейся Екатериной II с 1775 г. реформой местного самоуправления, в ходе которой были созданы новые губернии, наместничества, уезды.

Именно тогда, в 1778—1781 гг., в связи с созданием Владимирского и Костромского наместничеств появляются гербы городов Кинешмы, Луха, Плеса, Шуи и Юрьевца.

Кто были авторы и создатели утвержденных пяти гербов? В 1778—1781 гг. Герольдмейстерскую контору возглавлял действительный статский советник А. А. Волков. Его заместителем был коллежский советник И. И. фон Энден. Художественная часть при разработке герба выполнялась живописцами А. Бутковским, И. Шавриным и А. Шерстневым. Именно этим людям принадлежит авторство гербов Кинешмы, Луха, Плеса, Шуи. Проект герба города Юрьевца был создан Ф. Санти, работавшим заместителем герольдмейстера в 1722—1727 гг.

В период разработки Герольдией эмблем ивановских городов была официально утверждена и общая композиция городских гербов. В 1778 г.

барон И. И. фон Энден предложил разделить герб города на две части: в верхнюю вводить губернский герб, а в нижнюю — собственно герб города. Поэтому в верхнюю часть владимирских гербов был введен владимирский золотой коронованный лев с крестом в лапах, а в костромские городские гербы — часть костромского губернского герба — корма галеры. Исключение было сделано для герба Юрьевца. Поскольку этот герб был разработан Ф. Санти еще в первой четверти XVIII в., то в него не стали вводить губернскую часть герба.

Какова была символика вновь созданных гербов? В специальном указе Екатерины II было четко сказано, что Герольдия, создавая новые гербы, должна полагать бы за правило обозначать в гербе: «1. Милость е.и.в. к сим поселениям. 2. Чтобы обстоятельства и промыслы оных изобразить» [13]. При разработке гербов Шуи и Кинешмы за основу был принят второй пункт, то есть учитывались особенности промыслов данных городов. Город Шуя еще с начала XVIII в. был известен как производитель мыла. Так, в 1718 г. в Шуе существовало 14 мыловаренных производств и шуйское мыло славилось по всей России. И хотя к 1780-м гг., когда создавался герб, мыловаренное производство было свернуто, в сознании россиян конца XVIII в. Шуя по-прежнему ассоциировалась с производством и продажей мыла. Поэтому, решая вопрос об эмблеме города, специалисты из Герольдии выбрали эмблему куска мыла в качестве герба города. Это было высочайше утверждено 16 августа 1781 г. На основе исторического герба решением Шуйской городской думы от 29 сентября 2004 г. был утвержден современный герб города, имеющий следующее геральдическое описание: «В червленом поле золотой брусок с тремя видимыми гранями — передней, обращенной прямо, верхней и левой» [3, с. 85].

По такому же принципу был составлен герб Кинешмы. В XVIII в. Кинешма была известна как центр производства полотняных тканей и торговли ими. Кинешемскими полотнами торговали как на внутренних рынках России, так и за границей. Поэтому Герольдмейстерская контора при разработке герба Кинешмы предложила изобразить в нем два свертка полотна. В таком виде Екатерина II одобрила герб 25 мая 1779 г. 23 ноября 2004 г. Кинешемская городская дума утвердила следующий герб города: «В зеленом поле два серебряных свертка, сообращенных краями и наклоненных в стороны» [3, с. 71].

Несколько иной подход прослеживается при создании гербов других волжских городов. В качестве эмблемы Юрьевца Ф. Санти предложил изобразить башню с разверстыми воротами. Известно, что город Юрьевец возник как мощная поволжская крепость. В качестве прообраза эмблемы герба Ф. Санти выбрал Вознесенскую башню Белого города, построенного в 1661—1662 гг. Проект Ф. Санти был предложен Герольдией на утверждении императрице, и та подписала его 29 марта 1779 г. В настоящее время на основе исторического герба Юрьевца разрабатываются гербы Юрьевца и Юрьевоцкого района.

При создании герба города Плеса было решено разработать гласный герб. К данной группе относятся гербы, в которых само изображение раскрывает название города. На гербе города решили изобразить серебряную реку с выходящей из нее песчаной отмелью — Плесом. В этом виде герб был утвержден одновременно с гербом города Юрьевца. К настоящему времени Плес не имеет официально зарегистрированного герба, но несомненно, что в его основу ляжет исторический герб города.

Самым оригинальным и своеобразным был герб Луха. Это старинный русский город, упоминаемый в начале XV в. Длительное время Лух являлся

столицей удельного Лухского княжества, но постепенно, к концу XVIII в., город захирел. Поэтому в герб Луха было предложено ввести золотую лестницу, что должно было означать будущее процветание и рост благосостояния города. Выбор подобной эмблемы обуславливался тем, что в геральдике лестница означает восхождение к благу, богатству, Божьему царству. Не случаен был выбор и пятиступенчатой лестницы. Цифра 5 знаменует число важных характеристик макро- и микромира.

И именно это многозначная эмблема стала с 29 марта 1779 г. гербом города Луха. Совет Лухского района 19 апреля 2005 г. принял следующий герб муниципии: «В червленом поле золотая приставная лестница в левую перевязь, в лазоревой главе расторгнутый серебряный пояс с заостренными концами обеих частей, между которыми касающаяся их золотая восьмилучевая звезда» [2]. В исторический герб были введены дополнительно пояс и звезда, аллегорически напоминающие о деятельности изобретателя сварки Н. Н. Бенардоса, имение которого находилось в Лухском районе.

Самую многочисленную группу составляют новейшие муниципальные гербы, созданные в последние 10—15 лет. Их можно условно разделить по принципу их создания на несколько подгрупп. Это 1) гласные гербы; 2) гербы, в которых нашли отражение различные отрасли экономики (промышленности, сельского хозяйства, народных промыслов); 3) гербы, в которых получили отражение исторические события прошлого того или иного города или района; 4) гербы, говорящие о тех или иных природных географических особенностях муниципий.

Рассмотрим первую подгруппу — гласные гербы. К данной категории относятся гербы, гербовые фигуры которых, цвета, металлы указывают на название города или района, которым принадлежит герб. Данные гербы являются наиболее «геральдическими», и на их создание в первую очередь направлены рекомендации и Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, и Союза геральдистов России.

К этой категории относятся гербы Ивановского, Лежневского, Родниковского районов [2].

Гласность данных гербов реализуется по-разному. Наиболее полно и точно она воплощена в гербе Родниковского района. В нем с помощью сложной геральдической конструкции передается изображение родника с плавающим в нем цветком. Несколько иначе строится герб Лежневского района. Центральное место в гербе занимает серебряная колокольня, символизирующая колокольню Троицко-Знаменской церкви в Лежневе, а положенный рядом с колокольней Меркуриев жезл говорит о названии села — Лежнево, так как поселок возник на перепутье торговых дорог, где многочисленный торговый люд останавливался на отдых, постой, по-старославянски «лежа».

По-иному передается гласность в гербе Ивановского района. Данный герб правильнее назвать полугласным гербом, так как основная фигура герба — орел — намекает на название района. Авторы герба используют в нем известную легенду о том, что якобы название села Иванова происходит от церкви, освященной в честь апостола Иоанна Богослова. Орел же является символом Иоанна Богослова.

Более многочисленна подгруппа гербов, в которых гербовые фигуры рассказывают об отраслях промышленности, сельского хозяйства, ремесел, распространенных в этих муниципиях. Несомненно, что важнейшей отраслью промышленности для Ивановского края является текстиль. Поэтому

символика отрасли не могла не найти отражения и в геральдике городов и районов области. Наиболее ярко и образно символ текстильной промышленности выражен в гербе областного центра. Молодая женщина, прядущая серебряную нить на золотой прялке, давно стала привычным образом города Иванова. Идея текстильной промышленности развивается в гербе города Вичуги [2]. Она реализуется в виде вьющейся золотой ленты, продетой в серебряный ткацкий челнок. Несколько иначе эта же идея отражена в гербе Савинского района [2]. Там она представлена в виде коробейника, торгующего тканью, и четырех ткацких челноков по углам.

В целом ряде гербов — Верхнеландеховского, Пестяковского районов, а также города Пучежа [2] — нашли отражение льноводство и связанный с ним строчевышивальный промысел. Только если в гербе Пучежа эти отрасли представлены в виде райской птицы, вышитой пучежскими мастерицами, то в гербах Верхнеландеховского и Пестяковского районов — в виде местных строчевышивальных узоров. Льняное производство находит отражение и в гербе Приволжского района [2], но там к цветку добавляется еще золотой перстень с красным камнем. Перстень напоминает о том, что в этом районе развит и ювелирный промысел.

Герб Гаврилово-Посадского района напоминает о развитии в районе коневодства, так как он известен своим конным заводом, основанным еще по указу Ивана Грозного во второй половине XVI в. Именно на этом заводе было выращено много замечательных лошадей, но главной заслугой гавриловопосадцев было выведение породы владимирских тяжеловозов. Привлекает к себе внимание герб Палехского района: «В черном поле золотая с распростертыми крыльями жар-птица» [2]. Образ сказочной птицы, выполненный в черни и золоте, прекрасно передает стиль многовекового искусства мастеров палехской живописи, известных как своими иконами, так и лаковыми миниатюрами.

О совершенно ином направлении развития экономики рассказывает герб Комсомольского района [2]. Как известно, центр данного района — город Комсомольск — возник в 1931 г. в связи со строительством ГРЭС, работавшей на торфе, добываемом в окрестностях города. В гербе символически — в виде молнии — изображена электростанция, являющаяся основным предприятием района. Черная оконечность герба показывает основное природное богатство района — залежи торфа.

Следующую подгруппу гербов, созданных в новейшее время, составляют гербы, в которых нашло отражение историческое прошлое тех или иных городов и районов. Привлекает к себе внимание герб Южского района [2]. Основную его композицию составляет золотая жар-птица, сидящая на золотом, украшенном серебром, старинном русском шлеме — ерихонке. Данная композиция напоминает о выдающемся русском полководце начала XVII в. боярине князе Дмитрии Пожарском. Его родовое владение находилось в селе Мугреево-Никольском Южского района. Шлем символизирует мужество и воинскую доблесть этого полководца, а фигура жар-птицы с вздымными крыльями, склонившей голову, аналогична изображению орла, помещенного на печати Дмитрия Пожарского.

О другом историческом деятеле, судьба которого оказалась связанной с нашим краем, напоминает герб Фурмановского района. Фурмановский район носит имя Дмитрия Фурманова — революционного писателя, комиссара легендарной Чапаевской дивизии. Фурманов родился в селе Серeda, пере-

именованном в 1941 г. в его честь. Основные эмблемы герба — книга и горящий факел — символизируют творчество революционного писателя [2].

О далеком историческом прошлом повествует герб Шуйского района. Основной эмблемой герба является серебряный сокол, коронованный княжеской шапкой. Шуя и ее окрестности когда-то были вотчиной князей Шуйских, происходивших из суздальско-нижегородских князей. Сокол (герб Суздаля) говорит о родовом происхождении князей Шуйских. Княжеская шапка напоминает о высоком титуле владельцев Шуи [2].

Последний герб, который можно было бы отнести к указанной подгруппе, — герб Кохмы [3, с. 204]. Основной его эмблемой является серебряный вздыбленный конь. Данная фигура на языке геральдики говорит о мужестве, неукротимой воле кохомчан, которым неоднократно приходилось отражать нападения захватчиков. Так было в начале XIII в., когда жители села Кохма сражались с монголами, так было в начале XVII в., когда на село несколько раз нападали польско-литовские войска.

Небольшую подгруппу составляют гербы, в которых нашли отражение географические и природные особенности муниципий. Наиболее наглядно географическое положение показано в гербе Заволжского района. Гербовое поле щита пурпурным клином разделяется на две части — голубую и зеленую. Так символически показано, что территория района отделяется от остальной части Ивановской области рекой Волгой. Зеленый цвет свидетельствует, что здесь расположены комплексы Гослесфонда и природный заповедник «Заволжский». В гербовом поле изображена также золотая комета, напоминающая о выдающемся русском астрономе Ф. А. Бредихине, часто отдыхавшем в имении Погост рядом с Заволжском [2].

Особенности географического расположения города Наволоки также нашли отражение в его гербе. «Наволоками» называют отмели, возникающие в течении реки во время ее разлива. Чтобы преодолеть их, под корабли подкладывались катки. С их помощью суда переволакивали на глубокую воду, а затем они шли на веслах. Таким образом, герб языком аллегии и символов говорит о географическом положении этого поволжского города, а одновременно указывает на его название [2]. Последний герб, входящий в данную группу, — герб Тейковского района. Он является и последним по времени утверждения. Районный совет принял его в январе 2008 г. Основной эмблемой данного герба является золотая сосна, символизирующая лесные богатства муниципии. Именно в лесах Тейковского района расположен известный климатобальнеологический курорт средней полосы «Оболсуново» [2].

Завершая рассмотрение современной геральдики Ивановской области, можно отметить следующее. К своему 90-летию область в значительной степени решила проблему геральдического оформления. Имеется яркий, запоминающийся областной герб, свои гербы получило большинство городов и муниципальных образований первого уровня. Все эти эмблемы создают яркий оригинальный калейдоскоп, воссоздающий живописный образ нашего края, в котором нашли отражение особенности его экономического, исторического положения. Вместе с тем анализ современной областной геральдической ситуации показывает, что еще не все муниципальные образования, даже первого уровня, официально утвердили свои эмблемы. Что же касается муниципальных образований второго уровня, то у них эта работа только начинается, так как из 154 муниципий данного вида только три имеют официально утвержденные гербы. Данная ситуация говорит о необходимости даль-

нейшей интенсификации работы по геральдическому обеспечению территории Ивановской области.

Необходимо добавить и другое. Анализ местных периодических изданий, общение с различными аудиториями показывает, что граждане нашей области плохо знают местную символику. И здесь еще, как нам представляется, предстоит поработать и средствами массовой информации, и местной администрации, и учителям школ.

Библиографический список

1. Беневоленский А. Новелла о гербе // Ленинец. Иваново, 1967. 15 апр.
2. Геральдикум.ру. <http://www.hrono/heraldicum/russia>
3. Гербы современной России: (Справочник). М., 2005.
4. Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 6. Д. 735.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 33. Оп. 3. Д. 25.
6. ГАИО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 333.
7. ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5952.
8. ГАИО. Ф. 31. Оп. 17. Д. 432.
9. Иваново-Вознесенская губерния. Иваново-Вознесенск, 1924. Т. 1.
10. Ивановская газета. 1993. 5 апр.
11. Ивановская газета. 1996. 25 марта.
12. Корников А. А. В поисках символа: История гербов города Иванова // Наша Родина — Иваново-Вознесенск. 2007. № 10.
13. Корников А. А. Проверенно временем // Там же. 2007. № 11.
14. Корников А. А. Символика нашего края: Современные гербы городов и районов области // Там же. 2008. Спец. вып.
15. Полное собрание законов Российской империи: 1-е собр. СПб., 1830. Т. 19. № 1378.
16. Российская газета. 1996. 12 апр.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 126. Л. 12.
18. Собрание законодательства Ивановской области. Иваново, 1998. № 3.

Н. Р. Коровин

ОСОБЕННОСТИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 1930-е ГОДЫ И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

История индустриализации в России получила достаточное освещение в исторической науке. Имеются работы как по индустриализации страны, так и по ее социальным последствиям¹. Однако во многих работах больше говорится о роли партийных и государственных органов в ее проведении. Социальные последствия исследованы меньше. При этом многостороннего изучения данной проблемы не получилось. Только в конце 90-х гг. XX в. — начале XXI в. началось более внимательное исследование истории индустриализации и ее социальных последствий².

В настоящей статье предполагается рассмотреть именно эти наиболее сложные и недостаточно изученные вопросы. Необходимо показать историю индустриализации по многим направлениям, обращая особое внимание на ее социальные последствия.

© Коровин Н. Р., 2008

За последнее десятилетие полнее стала изучаться история индустриализации в историографии³. Это дало возможность проследить данный исторический процесс по многим направлениям, особенно после того, как были опубликованы ранее засекреченные документы⁴.

Индустриальное развитие России было длительным и сложным. Известно, что индустриализация быстро и успешно развивалась уже в начале XX в. Именно тогда не только появились новые отрасли промышленного производства, но и произошли качественные изменения во всей индустрии. Только в 1913 г., при общем объеме роста промышленной продукции на 51 % (это был значительный рост), продукция предприятий, производящих средства производства, возросла на 83 %, а производящих предметы потребления — на 35,3 %. Мощность машин и двигателей в промышленности увеличилась в 1908 г. в 2,3 раза, а в 1914 г. — в 5 раз по сравнению с 1900 г.⁵

Наблюдалось повсеместное применение дополнительных или улучшенных механизмов, более совершенных, в частности электрических двигателей. На текстильных фабриках появились автоматические ткацкие станки. Производительность труда на текстильных фабриках, металлургических, металлообрабатывающих и машиностроительных заводах, в типографиях, бумажном и сахарном производствах возросла в среднем на 20—25 %⁶.

Индустриализация России проводилась повсеместно, как в центре, так и на окраинах. Если в Центральной России индустрия в основном развивалась вглубь, то на окраинах — в Сибири и на Дальнем Востоке — шло развитие индустрии вширь. Большое значение в индустриальном развитии страны имело строительство железных дорог, таких как Транссибирская, Среднеазиатская, Оренбург-Ташкентская магистрали, связавших окраины с центром России.

Быстро рос индустриальный Урал. За 1860—1913 гг. производство чугуна увеличилось здесь в 3,7 раза, железа и стали — в 4, меди — в 3,4, каменного угля — в 600 раз⁷. Уральские округа горнозаводской промышленности были многоотраслевыми хозяйствами. Являясь металлургическими предприятиями, они, как правило, имели ведущую заводскую отрасль и обслуживающие ее отрасли по добыче сырья.

Тяжелый урон индустрии России нанесли Первая мировая и гражданская войны. Почти прекратилось поступление из Туркестана и из-за границы хлопка для текстильной промышленности Центральной России. Сократилось поступление черных и цветных металлов с Урала, Украины, Кавказа, из Казахстана. Только в Сибири в период военных действий были разрушены целые заводы, большинство мостов, испорчено почти все полотно железных дорог⁸.

Восстановление крупной промышленности проходило медленно. Лишь с середины 20-х гг. определился мощный рывок в индустриальном развитии России. В 1926—1928 гг. продукция крупной промышленности выросла в 2 раза. К началу первой пятилетки промышленность давала продукции в 1,3 раза больше, чем в 1913 г. Удельный вес промышленности в 1928 г. достиг 48 % против 35,2 % в 1926 г.⁹ Если в 1925/26 г. валовая продукция промышленности РСФСР составляла 7162 млн руб., то в 1926/27 г. — 8278 млн, а в 1927/28 г. — 9835 млн руб.¹⁰ Таким образом, в экономике СССР и России к концу 20-х гг. был сделан значительный шаг вперед. Предстояло закрепить и развить такие достижения.

В годы первых пятилеток начинается широкое и глубокое развитие индустриализации. За неполных три пятилетки страна превратилась в индустриально-аграрную державу. Это был значительный шаг вперед. Было по-

строено 9 тысяч крупных предприятий союзного значения. В 1940 г. валовая продукция всей промышленности СССР составила 852 % к уровню 1913 г. Производство средств производства (группа «А») увеличилось в 16 раз, производство предметов потребления (группа «Б») — в 5 раз. Производство чугуна в предвоенном 1940 г. составляло 353 % по сравнению с 1913 г., стали, соответственно, — 433 %, проката — 374 %, угля — 570 %, нефти — 337 %, производство электроэнергии увеличилось в 25 раз¹¹. Однако нужно отметить, что сверхнапряженные пятилетние планы во многом были недо выполнены. Так, в 1937 г., на конец второй пятилетки, было добыто 25,4 млрд кВт·ч электроэнергии вместо 26,5 по плану (95,6 % плана). Но по сравнению с 1932 г. (на конец первой пятилетки) это было 280,6 %. Каменного угля получили в эти годы вместо плановых 138,2 млн т только 117,6 млн т, или 85,1 %. Но это было 195,8 % по сравнению с 1932 г., т. е. производство каменного угля увеличилось почти в 2 раза. И так почти по всем видам промышленной продукции¹².

Конечно, сверхиндустриализация потребовала напряжения всех сил советского народа и в социальном плане была очень тяжелой. Ее особенностью является то, что не только планирование народного хозяйства в годы первых пятилеток, но и выполнение пятилетних планов проходило на основе директивных указаний, определявших задачи, темпы, источники индустриальной модернизации. Но по существу выполнение планов было связано с достижением политических целей, ломкой всех общественных отношений, форм собственности. Ставилась задача укрепить таким образом командно-административную систему. Что и было сделано в результате сверхвысокой индустриализации. Вместо того чтобы сохранить достигнутое в годы нэпа, перешли на путь прямого администрирования в хозяйствовании. Это коснулось прежде всего составления пятилетних планов.

Еще в 1926/27 г. Госплан подготовил три проекта пятилетнего плана. Комиссия С. Г. Струмилина, готовившая материалы по планированию первого пятилетнего плана, руководствовалась методом постепенных приближений. По мнению Струмилина, план — это система директивных указаний и производственных заданий, выраженных в цифровой форме. Иными словами, с самого начала советское планирование оказалось ненаучным. Крупные специалисты в области экономики Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский, А. В. Чаянов и другие не только указывали на ошибки, но и стремились выправить положение, намечая свои перспективы социально-экономического развития России. Н. Д. Кондратьев писал, что такие расчеты делают план внешне на первый взгляд стройным, «однако внутренне, экономически он является противоречивым»¹³. Но идеи ведущих советских экономистов не были приняты во внимание, больше того, многие из них были репрессированы. Кондратьев умер в 1934 г. в Суздальском политизоляторе.

Можно отметить, что уже с первой пятилетки и до конца 30-х гг. не только снижаются темпы промышленного производства, но и уменьшается выпуск валовой продукции по некоторым видам производства. Это было связано во многом с переходом на новые технологии, когда нестандартность продукции, особенно в ведущих отраслях машиностроения, будь то авиационная промышленность или автомобилестроение, снижала выпуск машин и механизмов, а в целом и общий выпуск самолетов, станков, автомашин и т. д. Так, невыполнение плана второй пятилетки по чугуну объяснялось тем, что в эти годы 14 заводов черной металлургии свои планы и обязательства выпол-

нили не более чем на 20 %. А главная причина отставания заводов черной металлургии заключалась в замене одних марок чугуна, стали, проката другими, одних стандартов другими.

Такая картина индустриализации особенно была заметна в третьей пятилетке. Объем строительно-монтажных работ был большим. Около 3 тысяч строительных объектов планировалось сдать в эксплуатацию в 1938—1942 гг. (а их сдали в предвоенный период 1938—1940 гг.). Причем по тяжелой промышленности план был выполнен уже в предвоенный период на 92 %. При таких темпах трудно было производить продукцию на высоком технологическом уровне. Уже в 1936 г. заводы и фабрики начинают лихорадить из-за низкой технологической дисциплины. И это были не происки «врагов народа», как пыталось объяснить сталинское руководство. Это был закономерный процесс ненаучной организации всего дела индустриализации. В первом квартале 1940 г. сталелитейные цеха работали особенно плохо. Выплавка стали составляла 18—20 % годового плана, а по отдельным ее видам и того меньше. Основными причинами невыполнения плана и некачественных работ являлись: низкий уровень технологического процесса, колебания в составе предельного чугуна, неправильная шихтовка, нарушение графика выпуска стали и др. Такая индустриализация подрывала свои основы. Вместо планомерного, экономичного и высокотехнологичного процесса на предприятиях господствовала стихия, незнание и неумение осваивать производство. И как правило, брак продукции, поломки машин и оборудования.

Из первой особенности вытекает и другая характерная черта, отличающая индустриализацию России в 30-х и более поздних годах, — директивно устанавливается курс на преимущественное, первоочередное развитие средств производства, причем в пропорциях, никак не отражающих реальные потребности в них для достижения оптимальных экономических и социальных результатов. Все это определялось прежде всего в партийном порядке путем соответствующих решений и резолюций. Достаточно сказать, что только в 1937 г., согласно решениям XVII партийной конференции, нужно было дать стране не менее 100 млрд кВт·ч электроэнергии против 17 млрд в 1932 г., не менее 250 млн т угля против 90 млн в 1932 г., увеличить добычу нефти в 2,5—3 раза, получить не менее 22 млн т чугуна, увеличить продукцию машиностроения в 3—3,5 раза по сравнению с первой пятилеткой¹⁴.

В докладе В. В. Куйбышева «Второй пятилетний план» на XVII съезде ВКП(б) отмечалось, что «в течение второй пятилетки в промышленности будет строиться и реконструироваться более 175 машиностроительных заводов, будет строиться 248 каменноугольных шахт, 78 районных электрических станций, 18 крупнейших заводов черной металлургии, 25 заводов цветной металлургии, 313 наиболее крупных предприятий легкой промышленности и около 350 наиболее крупных предприятий пищевой промышленности»¹⁵.

Темпы индустриализации были сверхвысокими. Рабочий класс должен был построить и пустить, освоить 9000 предприятий в течение 1928—1942 гг. (об этом говорилось выше) при увеличении численности рабочих только на 22—24 % к уровню 1932 г.

Все внимание было сосредоточено на тяжелой индустрии, особенно на оборонном комплексе. Более 2/3 капитальных вложений в промышленность и 7/8 во все народное хозяйство уходило на развитие средств производства.

Другой отличительной особенностью индустриального развития России в 30-е гг. явилось возрастание удельного веса военных отраслей про-

мышленного производства. Это был курс на милитаризацию экономики. Именно на базе создания и развития металлургической, химической и других отраслей тяжелой индустрии усиленно развивалась оборонная промышленность: авиастроение, танкостроение, приборостроение, производство вооружений и боеприпасов. Если в годы второй пятилетки продукция промышленности возросла на 120 %, то в оборонной промышленности — на 286 %. Производство самолетов и авиационных моторов за пятилетку увеличилось в 5,5 раза, военных кораблей — в 3, артиллерийского и стрелкового оружия — в 4, боеприпасов — почти в 5 раз, танков — более чем в 2, пороха — почти в 7 раз¹⁶. А. К. Соколов отмечает, что уже в годы первой пятилетки «происходил разворот гражданских отраслей в сторону милитаризации при одновременном сокращении участков, призванных удовлетворить мирные потребности. Так, создаваемое в стране автотракторостроение приобретало четко выраженное военное направление»¹⁷. В 30-е годы на Ковровском машиностроительном заводе под руководством изобретателя отечественного автомата В. Г. Федорова и конструктора крупнокалиберного пулемета В. А. Дегтярева трудились слесари-экспериментаторы Г. С. Шпагин, С. Т. Симонов, А. И. Кузнецов. В 1933 г. пулемет Дегтярева пошел в серийное производство. В ноябре 1935 г. Дегтярев получил звание Героя Труда¹⁸. Ярославский шинный завод «обувал» артиллерию, бронеавтомобили, выпускал обрешиненные детали для танков и многое другое¹⁹. Только сейчас архивисты начинают выдавать для исследования архивные документы так называемых спецпроизводств, которые были почти на каждом предприятии гражданских отраслей промышленности, строительства, транспорта. Всем известно, что текстильная, а вернее, легкая промышленность в целом, пищевая индустрия снабжали армию и флот всем необходимым. А некоторые заводы и фабрики почти полностью работали на военное производство. Например, такими были в регионе Центральной России Кинешемский химический завод, Переяславская фабрика киноплёнки. С учетом этого, по неполным данным, 70 % всего комплекса производимой продукции шло на оборону. Таковы реалии 30-х гг.

Особенностью индустриального развития России являлось и то, что обширная программа строительно-монтажных и пусковых работ потребовала освоения предприятий в короткие сроки. А поэтому пришлось из тысяч новых объектов выделять главные из главных, на которые отпускались основные капитальные вложения, материальные ресурсы и рабочая сила. И часто два-три десятка таких предприятий «съедали» все капитальные вложения. Так, в 1936 г. было выдано денежных средств Ярославрезинстрою 225 млн руб., Сталинградскому тракторному — 224, Воскресенскому химкомбинату — 183, Туламеталлстрою — 152, Липецкметаллстрою — 141, Московскому заводу АМО — 141, Азовстали — 292 млн руб.²⁰ В 1934 г. на Новолипецком металлургическом заводе была пущена домна № 1, а в 1935 г. такая же домна объемом в 960 куб. м — на Тульском металлургическом заводе. Эти два завода обеспечили в основном потребление металла в регионе Центральной России.

Сложнейшие задачи стояли по строительству и освоению мощных металлургических комбинатов, заводов машиностроительной, химической, легкой и пищевой индустрии. Особенно быстро развивался Урало-Кузнецкий металлургический комбинат (УКК). Огромная программа реконструкции старых предприятий потребовала не меньше капитальных вложений, чем

новые предприятия. Повсеместно шло строительство новых и реконструкция старых заводов и фабрик, шоссейных и автомобильных дорог.

Разумеется, такая сверхиндустриализация потребовала больших социальных изменений. Прежде всего, за годы первых пятилеток увеличилась численность рабочих и служащих. Если в 1925 г. в СССР было 8,6 млн рабочих и служащих, то в 1937 г. их стало 28,6 млн человек²¹. Основные пополнения рабочего класса давала деревня. Вчерашние крестьяне приходили на производство в город или на стройку, в течение ряда лет становились кадровыми рабочими. Этот процесс был очень трудным и долгим. Партийные, профсоюзные, комсомольские организации, советы депутатов трудящихся и другие органы занимались этими проблемами. Приходилось решать многочисленные социальные вопросы: от заработной платы, жилья, продовольствия до детских садов, яслей, санаторно-курортного лечения. Все было ограничено. Все в сверхиндустриализации было брошено на производственное строительство, а жилищное строительство, при несомненных успехах, развивалось плохо. Когда нарком тяжелой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе приехал на Урал, на Магнитогорский металлургический комбинат, то увидел сплошь и рядом одни землянки и палаточные городки. На городской партконференции на вопрос Орджоникидзе, почему не строится настоящее жилье (квартиры и т. п.), ему ответили, что деньги выделяются, но осваивать их некому. Все рабочие и служащие заняты строительством и освоением Уральской Магнитки²². И такое положение было повсеместным.

В годы первых пятилеток не только увеличилась более чем в 2 раза численность рабочих и служащих. Была повышена их грамотность, подготовлены квалифицированные кадры рабочего класса через школы ФЗУ, на производстве. Только в годы второй пятилетки школы ФЗУ подготовили 1 млн 400 тыс. молодых рабочих. Каждая такая строка о социальных изменениях в период индустриализации достойна внимательного исследования. Каждый сюжет социального положения советского народа в 30-е гг. требует и требует новых исследователей, причем с привлечением новых, ранее засекреченных документов. В данной статье трудно показать все эти изменения. Но они были и остались в истории.

Тяжелые социальные последствия вызвало сооружение заводов-гигантов. В строящихся новых городах создавалось сложное положение, так как из-за слабой обеспеченности капитальными вложениями и рабочей силой (все бросалось на производственные объекты) многие из них не имели надлежащего жилья, воды, канализации, дорог, средств связи. Одновременно с этим малые города, где были относительно хорошее жилье и благоустройство, но не было предприятий индустрии, не могли обеспечить работой население. И люди вынуждены были ехать за тысячи километров в поисках заработка. А постепенно и эти города приходили в упадок, не имея большой программы индустриальной модернизации.

Особенностью индустриального развития России в 30-е гг. явилось то, что финансирование реконструкции народного хозяйства во многом шло за счет трудящихся путем подписки на заем пятилеток. В официальной пропаганде это объяснялось якобы особой сознательностью советского народа, который не жалел ни сил, ни средств на дело индустриализации. Однако хорошо известно, что материальное положение советских людей было плохим. А подписка на заем требовала значительных средств, которых, по существу, у населения не было. Только с сентября 1925 г. по октябрь 1930 г. госу-

дарство получило от народа по займам 2504,8 млн руб., или взяло в долг на индустриализацию в 7 раз больше, чем в начале индустриализации²³. В 1934 г. поступления по государственным займам составили 4325,4 млн руб., из них три четверти всей суммы (76,2 %) дали рабочие и служащие²⁴.

Отличительной особенностью индустриальной модернизации было и то, что финансирование проходило путем изъятия все больших и больших средств из деревни. Крестьяне вынуждены были отдавать не только излишки продукции, но порой самое необходимое для себя. Именно сельское хозяйство явилось важным источником накоплений. Л. Е. Файн пишет: «С каждым годом возрастал налоговый пресс на деревню. Кроме денежного налога с крестьян взималось натурой все больше произведенной продукции. У колхозов хлеб забирали сразу с токов, за малейшее невыполнение плана виновные наказывались вплоть до суда»²⁵. Уже с 1928 г. государство начинает принимать чрезвычайные меры по изъятию средств из деревни. Выступая на хозяйственном активе в Сибири, Сталин тогда еще, в начале 1928 г., определил репрессивную политику в отношении крестьян: «Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — 107 статья Уголовного Кодекса РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства»²⁶.

Социальная напряженность в деревне была из-за чрезвычайных и непосильных налогов на крестьян. Налоговая политика находилась в центре внимания руководителей государства и партии. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 февраля 1930 г. при обсуждении вопроса о налоге на кулаков (протокол № 116) было принято решение не только об индивидуальном обложении налогом кулацких хозяйств (примерно 3 % от всего состава крестьян), но и об особом налоге на сельских кустарей. Налоги были увеличены на 35—50 % к прежнему уровню налогообложения²⁷.

Но такая политика в отношении крестьянства непосредственно сказалась и на социальном положении рабочих и служащих в городе. Уменьшилось снабжение горожан по карточкам и талонам, к тому же многие рабочие не смогли привезти из деревни продукты питания, как они делали раньше. В тот момент, когда страна голодала, государство увеличило экспорт хлеба. В период 1931—1936 гг. главной статьей сельскохозяйственного экспорта продолжал оставаться хлеб в зерне, даже тогда, когда по тем или иным причинам его вывоз сокращался. В 1934 г. хлебный экспорт сократился на 13 % по сравнению с 1933 г. Его пришлось восполнять увеличением вывоза пушнины, продукции льноводства. То же самое имело место в 1938 г., когда сократившийся почти на 25 % экспорт хлеба пришлось восполнить резким увеличением вывоза пушнины, продукции льноводства и коровьего масла²⁸.

В процессе индустриализации значительно увеличилась миграция населения. Огромные потоки людей, особенно крестьян из деревни, были устремлены на промышленные и транспортные объекты в города и рабочие поселки. Не было никакого обустройства. Жили не только в землянках, но и в палатках. Так, в 30-х гг. появились целые палаточные городки у горы Магнитной на Урале, на берегу Амура на Дальнем Востоке. В поисках заработка люди кочевали с одной стройки на другую. Ежедневно по стране передвигались сотни тысяч людей. А ведь им нужно было иметь и еду, и одежду, и ночлег. Но все это они получали где придется и как придется. Ни о каких удобствах в устройстве не могло быть и речи.

Быстро росло население городов. Только за 1935—1936 гг. в города Свердловской области прибыло почти 2 млн человек. Численность населения Свердловска возросла с 1926 по 1939 г. с 131,7 тыс. до 423,3 тыс. соответственно, Челябинска — с 59,3 до 273,1 тыс., Перми — со 119,7 до 306 тыс., Нижнего Тагила — с 38,8 до 159,9 тыс. человек. В ходе социалистического строительства возникли новые города — Магнитогорск (146 тыс. населения), Березники (51,3 тыс.), Копейск (60,2 тыс.), Соликамск (30 тыс.), Красноуральск (35,8 тыс.), Асбест (29 тыс.), Каменск-Уральский (50,9 тыс.), Карабаш (38,3 тыс.) и другие²⁹.

Особенностью индустриального развития в 30-е гг. явилась социальная напряженность в трудовых коллективах из-за жесткой трудовой дисциплины. Только за один прогул в течение месяца рабочий подвергался не штрафу, а социальному наказанию: он лишался права пользоваться продовольственной карточкой и жилплощадью.

За малейшую провинность рабочего наказывали не только вынесением взысканий, но и увольнением с предприятия. Часто рабочие уходили и сами, по собственному желанию. Факт остается фактом: текучесть рабочих в 30-х гг. была очень высокой. Она доходила до 80—90 % и более к среднесписочному числу рабочих на производстве. А в отдельные месяцы и кварталы по некоторым заводам и фабрикам и в целом по отраслям народного хозяйства она достигала 100 и более процентов. Иными словами, приходило на работу в таком-то месяце три-четыре сотни рабочих, уходило примерно столько же или даже больше. При такой системе работы, то есть при полной текучести, трудно было не только выполнить план, но и, самое главное, поднять квалификацию рабочих.

Социальная напряженность в трудовых коллективах (наркоматах, учреждениях, центральных и местных государственных и хозяйственных, общественных организациях) и в целом по стране проявилась в массовых репрессиях. Уходили в небытие руководители промышленных предприятий, строек и транспорта, рядовые рабочие и служащие. Производство по-настоящему «лихорадило», так как новым работающим было трудно за короткий срок отладить технологический процесс.

Говоря о репрессиях 30-х гг., нельзя не вспомнить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту службы на срок до шести месяцев с удержанием до 25 % заработной платы. Самовольный уход с предприятия или учреждения — тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев. Суды рассматривали такие дела в пятидневный срок, а приговоры приводились в исполнение немедленно³⁰.

Особенностью индустриализации России явилось то, что строительство и реконструкция предприятий проходили за счет продажи за границу многих национальных богатств. Так, был продан за границу в 30-е гг. почти весь запас золота, платины, алмазов. То, что нация накопила за сотни лет, советское руководство продало за несколько лет. Были ограблены церкви и монастыри, императорские хранилища и музеи. В ход пошли иконы и драгоценности. Экспортировали картины великих мастеров Возрождения, коллекции бриллиантов, сокровища музеев и библиотек. Достаточно вспомнить о миссии американского бизнесмена и коллекционера Хаммера, который в 30-е гг. вывез за границу многие сокровища Эрмитажа³¹. Государство продавало на экспорт лес и уголь, никель и марганец, нефть и хлопок, икру, пушнину,

хлеб. Но и этого было недостаточно. Изыскивали другие товары, в том числе колхозный хлеб, отобранный в период коллективизации.

Разумеется, это сказалось на социальном положении не только рабочих, но и всего народа. И речь не только о снижении материального благосостояния рабочих и служащих, но и о последующей культурной деградации. Проходило перевоспитание крестьян, рабочих, интеллигенции, особенно старой интеллигенции. А у нее надо было учиться. Учиться строить, жить, не отбрасывая достигнутых высот культуры. Но этого не произошло.

Больше того, в 30-е гг. рабочий класс выступал не только как созидатель, строитель, но, выполняя полю правящей номенклатурной элиты, и как разрушитель памятников отечественной культуры. Начало в этом варварском деле было положено Л. М. Кагановичем. В ноябре 1933 г. лично он нажал кнопку взрывного устройства по уничтожению памятника победы 1812 г. — храма Христа Спасителя. Все бывшие губернские центры обязаны были уничтожить и уничтожили свои кафедральные соборы (кроме Астрахани и Тулы — по нерадивости). В Костроме из 73 памятников было снесено в 30-е гг. 16 шедевров русского зодчества, в том числе Успенский собор XVII—XVIII вв. Только в Москве с 1935 по 1941 г. было снесено 426 памятников архитектуры³². Были уничтожены многие церкви в селах, городах.

При осуществлении проекта «Большой Волги» — строительстве Рыбинского водохранилища — было затоплено в черте знаменитого Волголага восемь районов Ярославской области, четыре — Вологодской, Калининской (ныне Тверской), отошла значительная территория и от Московской области. Вырубили в поймах трех рек — Волги, Шеконы и Мологи — 4,5 млн кубометров леса. Выселили 220 тыс. человек. Свыше 700 населенных пунктов пошли на снос. Более 150 тыс. заключенных погибло на этом строительстве³³.

Если подсчитать экономический ущерб, нанесенный таким строительством, то это будет выражено в многомиллиардных суммах, не считая нравственных и культурных потерь.

Итак, индустриализация в России в 30-е гг. имела свои специфические особенности и социальные последствия. Они-то и отразились на жизни многих поколений советских людей. Распыление государственных средств на наиболее крупные промышленные и транспортные объекты, особенно в оборонной промышленности, не способствовало социальному развитию общества. Создание гигантов индустрии потребовало напряжения всех сил народа. Трудно было возводить корпуса заводов и фабрик в отдаленных районах Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, да и Центральной России, к тому же в плохих материально-бытовых условиях. Непосильные налоги на крестьян, рабочих, интеллигенцию делали процесс индустриализации болезненным. Человек, его интересы фактически игнорировались государством.

Примечания

¹ См., напр.: Локшин Э. Ю. Очерки истории промышленности СССР. М., 1964; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР: В 3 т. М., 1956. Т. 3; Хавин А. Ф. Краткий очерк индустриализации СССР. М., 1962; Кузьмин В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию 1926—1937 гг.: Экономическая политика Советского государства. М., 1976; История советского рабочего класса: В 6 т. М., 1984, Т. 3, 4.

² См., напр.: Лельчук В. С. 1926—1940 годы: завершённая индустриализация или промышленный рывок? // История СССР. 1990. № 4; Превращение Кузбаса в ин-

- дустриальный регион (1927—1937 гг.). Кемерово, 1995; *Коровин Н. Р.* Индустриализация СССР в 30-е годы. Иваново, 2001.
- ³ См., напр.: *Соколов А. К.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // *Отечеств. история.* 2003. № 4, 5; *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Тайное становится явным // Там же. 2003. № 2.
 - ⁴ См., напр.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 т., 1927—1939: Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000; Т. 3. Конец 1930 — 1933. М., 2001; *Общество и власть в 1930-е годы: Повествование в документах.* М., 1998; ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918—1960. М., 2000.
 - ⁵ *Рабочий класс России, 1907 — февраль 1917 г.* М., 1982. С. 21—22.
 - ⁶ Там же. С. 22.
 - ⁷ *История народного хозяйства Урала (1917—1945).* Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 18.
 - ⁸ *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М., 1974. С. 207.
 - ⁹ *История советского рабочего класса.* М., 1984. Т. 2. С. 141—142.
 - ¹⁰ Там же. С. 142.
 - ¹¹ *Промышленность СССР: Стат. сб.* М., 1957. С. 9.
 - ¹² *Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.).* М., 1996. С. 424—425.
 - ¹³ *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 169.
 - ¹⁴ КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 5. С. 36, 37.
 - ¹⁵ *Куйбышев В. В.* Второй пятилетний план // *Известия.* 1934. 7 февр.
 - ¹⁶ *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1985. С. 32; *История КПСС: В 6 т.* М., 1971. Т. 4. Кн. 2. С. 398.
 - ¹⁷ *Соколов А. К.* «Особое напряжение»: кадры советского военпрома в конце 1920-х — начале 1930-х годов // *Отечеств. история.* 2007. № 4. С. 84.
 - ¹⁸ *Анисков В. Т., Хаиров А. Р.* История ВПК в России в региональном аспекте: от начала первой до окончания второй мировой войны. На примере Верхневолжья. Ярославль, 1996. С. 60.
 - ¹⁹ Там же. С. 46.
 - ²⁰ *Лельчук В. С.* индустриализация СССР: История, опыт, проблемы. М., 1984. С. 184—185.
 - ²¹ *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса СССР, 1917—1940 гг. М., 1976. С. 109.
 - ²² *Слово о Магнитке.* М., 1979.
 - ²³ *Развитие советской экономики.* М., 1940. С. 272.
 - ²⁴ *Индустриализация СССР, 1933—1937 гг.: Документы и материалы.* М., 1971. С. 70—71.
 - ²⁵ *Файн Л. Е.* Проблемы «строительства социализма в СССР» в историографии пост-советского периода (1991—2007 гг.). М., 2008. С. 109.
 - ²⁶ *Сталин И. В.* Сочинения: В 13 т. М., 1949. Т. 7. С. 214.
 - ²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 775. Л. 18—19.
 - ²⁸ *Павлов К. М.* Роль государственной монополии внешней торговли в построении социализма в СССР, 1918—1937 гг. М., 1960. С. 167—168.
 - ²⁹ *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 169.
 - ³⁰ *Хлевнюк О.* 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования // *Коммунист.* 1989. № 9. С. 88. Указ был отменен только 25 апреля 1956 г.
 - ³¹ В начале 80-х годов Хаммер вернул в Эрмитаж несколько картин, но из них некоторые оказались фальшивыми.
 - ³² *Савеличев А.* Волжский потоп // *Лит. Россия.* 1991. № 12 (1468). 22 марта. С. 5.
 - ³³ Там же.

С. В. Точёнов

НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ — АВГУСТ 1941 ГОДА)

В настоящее время идеализированное представление о войне с привычными примерами повседневного массового героизма, трудовой самоотверженности, слепой веры в Победу уступает место реальному взгляду на события 1941—1945 гг. Война предстает перед нами прежде всего как всенародная трагедия. Ушли в прошлое мифы о выдающемся полководческом таланте И. В. Сталина, безграничной мощи Советской армии, отсутствии серьезных промахов при проведении боевых операций. Сегодня предпринимаются попытки отойти от стереотипов в освещении начального периода войны, развеять представления о всеобщем единении партии и народа, о безусловной поддержке населением всех инициатив, выдвигаемых властью.

Цель данной статьи — показать реальную, неприукрашенную картину настроений населения одной из центральных областей Российской Федерации в первые месяцы войны.

Источниковой базой данного исследования являются материалы архива областного Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Нам удалось обнаружить 22 документа, датированные июлем — августом 1941 года. Это спецзаписки, как правило, с однотипным содержанием и похожими названиями: «О настроениях населения в связи с военной обстановкой и антисоветских проявлениях в Ивановской области», «О настроениях населения и антисоветских проявлениях по Ивановской области в связи с военными действиями РККА», «О ходе мобилизации, настроениях и антисоветских проявлениях...» и т. п. Главными объектами информационного обеспечения со стороны органов НКВД—НКГБ в годы войны являлись первые секретари областных комитетов ВКП(б), персонально отвечавшие перед вышестоящими партийными органами за общее состояние дел в регионе. Имеющиеся в нашем распоряжении документы как раз и представляют собой материалы с грифом «Совершенно секретно» на имя первого секретаря Ивановской областной партийной организации.

Нужно пояснить, что с началом Великой Отечественной войны объективной необходимостью явилась перестройка одного из важнейших направлений деятельности органов госбезопасности — информационного обеспечения властей в центре и на местах по исключительно широкому кругу проблем. Одним из наиболее важных направлений информирования властей со стороны органов были сообщения о негативных политических процессах в обществе. Это были сведения об отрицательных высказываниях граждан о руководителях партии и правительства, проявлениях пораженческих, профашистских настроений, что во многом было связано с временными неудачами начального периода войны, переживаемыми населением в тылу, и т. п.

Нельзя не отметить, что в данном случае функции органов госбезопасности в значительной степени носили характер социологической службы, а мате-

риалы — характер социологических исследований, где достаточно правдиво, с большой степенью достоверности описывалась сложившаяся на данный момент ситуация. Но это касалось только констатационной части. Выводам и комментариям по-прежнему был присущ ряд моментов, характерных для предвоенного периода, — обвинительный уклон и чрезмерная политизация.

Кроме того, нужно понимать, что специфика информационной составляющей в деятельности органов безопасности подразумевала, что в подготовленных ими документах речь шла, как правило, об отрицательных моментах политической обстановки в регионе. Поэтому в качестве предмета исследования данной статьи будут выступать настроения населения, которые в основном могут быть охарактеризованы как «негативные» по отношению и к руководству страны в целом, и к власти на местах.

Испытания лета 1941 г. нанесли тяжелейшую психологическую травму миллионам советских граждан. Враг захватил значительную часть нашей территории, фактически подошел к столице. Развеялось сформированное под влиянием пропаганды представление о скорой и блистательной победе над врагом, достигнутой малой кровью и на его территории. Крушение идеологического мифа вызвало сомнения и колебания, породило растерянность и страх. Среди населения прилегающих к Москве районов и областей началась паника, усугубляемая отсутствием достоверной информации. События разворачивались в атмосфере всеобщего страха: и страха оказаться в зоне боевых действий, и страха голодной смерти, и чувства неуверенности в завтрашнем дне [1, с. 111].

Несмотря на то, что большинство населения страны с пониманием отнеслось к объективным трудностям начального этапа войны и встало на защиту своей Родины как на фронте, так и в тылу, значительная часть граждан, особенно в прифронтовых районах, по вполне понятным причинам, о которых говорилось выше, давала волю своим эмоциям, позволяла себе довольно жестко критиковать власть.

В этой связи становится понятно, почему в документах спецслужб объем материала, повествующего о подъеме патриотических чувств, стремлении попасть на фронт, трудовом героизме крайне незначителен.

В ряде документов присутствует сдержанный оптимизм. «Общее политическое настроение среди трудящихся области вполне удовлетворительное»¹ [2, д. 7, л. 17]. «Мобилизация рядового и начальствующего состава по области по-прежнему в основном проходит организованно и в порядке с имеющимися планами. Среди мобилизуемых и их родственников, как в семьях, так и на сборных пунктах, настроение вполне удовлетворительное (Вязниковский, Фурмановский, Южский и другие районы)» [2, д. 7, л. 3]. «На предприятиях и в учреждениях организован сбор средств на подарки бойцам Красной Армии. Этот сбор проходит успешно. В Вязниковском районе с развертыванием военных действий на предприятиях, в учреждениях и в артелях района в целях оказания более реальной помощи государству и ускорения разгрома фашистов начинает развертываться кампания по досрочной уплате подписки на заем» [2, д. 7, л. 10].

Звучат и более мажорные нотки. «С большим патриотическим подъемом встретили трудящиеся области назначение тов. Сталина Народным Комиссаром Оборона СССР. В Александровском и Киржачском районах на

¹ Во всех извлечениях из архивных документов сохранены стиль и пунктуация подлинника.

митингах и собраниях, прошедших по этому поводу, на фабриках, заводах и колхозах трудящиеся принимают обязательства самоотверженной работы на производстве и в сельском хозяйстве помогать фронту в быстрейшем разгроме фашистских полчищ Гитлера» [2, д. 6, л. 2]. «Коллектив работников Ивлеспромторга единодушно одобрил назначение тов. Сталина И. В. Народным Комиссаром Обороны считая, что в настоящее время вся власть должна быть сосредоточена в руках вождя народов» [2, д. 6, л. 63]. «Настроение населения области в связи с военными действиями Красной Армии против немецко-фашистских войск, вероломно напавших на нашу Родину, бодрое, пропитанное высоким патриотическим духом... Трудящиеся ряда районов горят желанием оказать всяческую помощь советскому правительству в деле разгрома зарвавшегося врага и окружают Красную Армию своей любовью и заботой о бойцах» [2, д. 7, л. 9]. «Нагло-разбойничье нападение фашистской Германии на советскую территорию вызвало неудержимый гнев и возмущение рабочих и служащих предприятий города... В ответ на кровавую вылазку зарвавшегося врага работницы швейного производства стали работать еще лучше. Наряду с подъемом производства, они наполнены патриотизмом к своей Родине... Ненависть к фашизму настолько велика, что в производстве среди работников зачастую можно слышать возгласы: “Растерзать эту гадину!”» [2, д. 7, л. 10].

Основная же часть (более 90 %) текста спецзаписок на имя руководителя областной парторганизации тов. Пальцева содержала информацию о негативных настроениях и действиях населения. Чем же были недовольны простые люди, жители Ивановской области, в первые месяцы Великой Отечественной войны?

Во-первых, теми ошибками и просчетами, которые допустило союзное руководство в отношениях с Германией, в предотвращении войны, в подготовке к ней. Учитель Васильевской школы Шуйского района З.² говорил: «Двадцать лет мы готовились к войне, урезали себя во всем. И если теперь на один немецкий танк СССР не выставит десять своих, то грош цена нашему правительству. Наше правительство ошиблось в своей политике и оказалось недальновидным, заключая дружественный договор с Германией. Эта война нас захватила врасплох» [2, д. 7, л. 15]. Ему вторил рабочий железнодорожной ветки станции Меленки М.: «Вот так друг Гитлер-то Советскому Союзу! А наши дураки в течение двух лет кормили, обували, военное снаряжение отправляли, а нас морили голодом» [2, д. 7, л. 21]. Схожее мнение и у некоего Ж.: «Я вот тебе говорил, что накормим себе врага на шею. Договор заключили, а все равно вспыхнула война» [2, д. 7, л. 6].

В ряде высказываний прослеживается неверие в то, что войну начала Германия. «Война началась от нас» (рабочий Южской фабрики К.) [2, д. 7, л. 23]. «Германия не виновата. Если бы Советский Союз не затронул, то Гитлер не напал бы на нас» (сторож Ивхолодильника М.) [2, д. 7, л. 12]. «Я все же думаю, что мы сами напали на Германию, иначе не могло быть. Германия не могла бы решиться напасть первая» (начальник Владимирского горжилуправления, член ВКП(б) Б.) [2, д. 7, л. 12]. «Война не навязана нам, а вызва-

² В соответствии с п. 3 ст. 25 закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. на срок до 75 лет ограничивается доступ к сведениям, содержащим информацию о частной жизни гражданина или создающим угрозу его безопасности. Поэтому фамилии в данной статье будут обозначаться начальной буквой.

на с нашей стороны. Наши властители сами этого захотели» (рабочий пригородного совхоза К.) [2, д. 7, л. 5].

Выражается сомнение по поводу незнания нашим руководством даты нападения. «Неужели наше правительство не знало о нападении? Я об этом знал за две недели. Мой сын, являясь доцентом Минского университета и зная немецкий и английский языки, слушал немецкие и английские радиопередачи, в которых говорилось о нападении на СССР со стороны Германии» (эвакуированный из прифронтовой полосы М.) [2, д. 6, л. 10]. Студент энергоинститута К. заявил, что он знал, что война начнется в июне, со слов начальника управления трудовыми резервами, и добавил: «Так, как наши “прошляпили” нападение Германии на СССР, еще не “шляпила” ни одна страна. Не было истории войн, чтобы уничтожили 374 самолета в три дня. Так могло получиться только с нами» [2, д. 7, л. 13].

Второе, что так не нравилось населению области, это то, как освещался начальный период войны в средствах массовой информации. Обижало и даже оскорбляло, что от народа скрывают правду, не дают реальной картины боевых действий на фронтах. Упомянувшийся выше учитель Васильевской школы Шуйского района З. в беседе с односельчанами говорил: «Наш народ не знает, что делается на фронте. Целый день только кормят речью Молотова. Наше правительство тем и сильно, что держит народ в неведении» [2, д. 7, л. 15]. В котельной ОКСа завода имени Киркиж группа рабочих обсуждала выступление по радио тов. Сталина. Старший кочегар П., принимая участие в обсуждении, заявил: «Из выступления ничего не поймешь. У них только одни лозунги — “Наше дело правое”, “Победа будет за нами” — а немец все прет и прет. Вот тебе и ни одной пяди своей земли не отдадим. Немец Ленинград и Одессу возьмет, а Москву сами отдадут. Вот говорят, что победа будет за нами, а правды о войне по радио не передают. Только и слышно, что противник потерял столько-то самолетов, а о наших потерях ничего не говорят» [2, д. 7, л. 18]. Такого же мнения придерживался рабочий котельного филиала того же завода Р.: «По радио можно слышать одно вранье, только и говорят — тут взяли, тут отогнали, а на самом деле немцы продвинулись на 300 км... Наши же бегут совсем нагие» [2, д. 7, л. 18]. Схожих высказываний довольно много. «По радио сейчас стало нечего слушать — кругом одно вранье» (рабочий Ш.) [2, д. 6, л. 17]. «Радио и газеты только и пишут о наших победах, на самом деле положение иное, только ни о чем говорить нельзя» (учитель Родниковской школы А.) [2, д. 6, л. 164]. «Наши только пишут про Гитлера, да обманывают народ. Я каждый день записываю, сколько бьют немцев. Конечно это ложь и обман, столько побито наших, а не немцев» [2, д. 7, л. 23]. «Эта передача — чепуха. Надо слушать германскую передачу и делать нужные выводы» [2, д. 6, л. 80].

Понимая и принимая претензии населения к власти на предмет отсутствия правдивой информации, в ее оправдание надо сказать, что такая ситуация вполне обычна и предсказуема для любого государства, которое испытывает большие трудности на начальном этапе войны. И в самом деле, как должна была вести себя пропагандистская машина Советского государства в этот сложный период? Ежедневно сообщать о проигранных сражениях и сданных городах? Рассказывать о десятках и сотнях тысяч погибших и попавших в плен?

Тем не менее, именно отсутствие правдивой информации, а то и откровенная дезинформация порождали такие явления, как слухи и паника. значи-

тельная часть слухов была посвящена изменам наших военачальников, массовому предательству бойцов и командиров. «Тимошенко отказался от командования Западным фронтом, так как фронт очень тяжелый и приходится все время отступать. На фронт поехал сам Сталин» (рабочий цеха № 5 фабрики Искождеталь И.) [2, д. 6, л. 6]. «В Плесе открыто говорят, что Тимошенко предатель. Смотрите, какое продвижение немцев на фронте» (заведующий пригородным хозяйством фабрики «Красный Октябрь» Б.) [2, д. 7, л. 20]. «В нашей Красной Армии среди командного состава много измены. На Юго-Западном фронте многих из командного состава поснимали, снят и маршал Тимошенко» (житель деревни Путятино Гаврилово-Посадского района Л.) [2, д. 6, л. 142]. «На фронте 15 тысяч наших войск добровольно сдались в плен. Ворошилов отказался воевать. Наше правительство продало страну» (жительница села Аньково С.) [2, д. 6, л. 142]. «Со стороны наших командиров — предательство. Например, один командир дивизии сам повел дивизию, подошел вплотную к противнику, вызвал своего помощника, тут же пристрелил его. А к нему подъехала немецкая машина, посадила его и увезла. Наши бойцы оказались в кольце, и много было убито» (работник велосипедной мастерской М.) [2, д. 6, л. 8].

Популярны были слухи, относящиеся к ситуации в Москве. «Вся Москва горит. Люди все загнаны в подвалы и сидят там голодные» (жительница поселка Обедово Комсомольского района К.) [2, д. 6, л. 163]. «Немцы во время налетов на Москву бросают бомбы, начиненные песком, в которых находятся листовки, призывающие русских бросить оружие и получить свободу и хлеб» (жительница деревни Шухра Гаврилово-Посадского района) [2, д. 6, л. 88]. «Сын Сталина перешел на сторону фашистов и сейчас занимается распространением антисоветских листовок среди рабочих Москвы. Летчик Леваневский совместно с фашистскими летчиками неоднократно бомбил Москву. В последний налет на Москву его самолет подбили, и сейчас Леваневский арестован органами НКВД» (эвакуированная из Москвы Е.) [2, д. 6, л. 162].

Еще более бредовые слухи касались Иванова и области. «Сегодня в городе спустились два парашютиста. Ходили и отравляли воду в колодцах» (рабочий Южской фабрики И.) [2, д. 7, л. 23]. «В Иванове ловят шпионов. Поймали одного в милицейской форме и женщину, у которой оказались непроявленные снимки банков и других учреждений города Иванова. В Иваново приехал наркомат текстильной промышленности в количестве 7500 человек» (работник Ивановского управления кинофикации С.) [2, д. 7, л. 22]. «Вчера около Кольчугино сел самолет. Самолет этот немецкий, так как на Кольчугинском заводе раскрыли большое вредительство — группа инженера хотела взорвать этот завод, а он военного значения» (монтер ГЭС П.) [2, д. 7, л. 16]. «В Юрьев-Польском районе около села Кузьмадино спустились на парашютах немецкие шпионы. Один из них бежал мимо села Кузьмадино, а за ним бежали женщины. Чтобы их остановить, шпион бросил из чемодана шелковую блузку и 86 рублей денег и убежал. В чемодане у шпиона было много золота и другие интересные вещи» (ученик-наборщик типографии К.) [2, д. 7, л. 16].

Тяжелое положение на фронтах, сложная экономическая ситуация в области, многочисленные разного рода непроверенные слухи, естественно, порождали панику среди части населения. Начальник механической мастерской Владимирского химзавода С. высказывался в присутствии инженерно-технических работников: «При таких темпах немцы могут дойти до Москвы за 10—12 дней» [2, д. 6, л. 5]. Секретарь Александровского райсовета З. пы-

тался использовать для перекрытия бомбоубежищ деревья из городского парка. На замечание сотрудника НКГБ, что этого делать нельзя, он ответил: «Еще не то будет, постройки разбирать будем» [2, д. 6, л. 3]. Секретарь Александровского райкома ВКП(б) И., разделяя настроения своей жены, «сеюшей панические слухи среди жителей многоквартирного дома», справлялся у начальника МПВО о том, не слышно ли чего об эвакуации населения из города. [2, д. 6, л. 3]. Врач туберкулезного санатория Б. призывала своих сотрудников: «Сейчас ни одного дня мешкать нельзя, необходимо из города Вязники эвакуироваться, а то через несколько дней этого сделать будет нельзя — транспорт будет перегружен» [2, д. 6, л. 8]. Доведенная до отчаяния работница кирпичного завода П. говорила: «Я вчера не достала ни куска хлеба. Дети просят есть, а есть нечего. Мужа взяли на фронт. Вот выкопали убежища, закопали бы в них нас с детьми» [2, д. 6, л. 6].

Одним из основных показателей отношения людей к складывающейся в стране ситуации в первые месяцы войны были так называемые «пораженческие настроения». Вопреки существовавшей долгие годы в советской историографии точке зрения, они были довольно распространены среди различных слоев и социальных групп общества.

По документам четко прослеживается неверие в способности нашего высшего партийного руководства и генералитета, в возможность действенной реорганизации вооруженных сил. «Собрались бездарности, терпят поражения и стараются оправдаться... У руководителей мякина в голове, генералы негодные. Если не годитесь, то нужно убираться и не мучить человечество. Бывало генерал пройдет, так сразу определит все. А это парни деревенские, выучились в генералы, а на деле оказались негодными» (учительница средней школы № 1 Т.) [2, д. 6, л. 7]. «Введение в армии комиссаров доказывает разложение в армии, что в армии все держатся в куче благодаря страху... Назначение Ворошилова и Буденного командующими фронтами — это вытаскивание старых героев, которые уже сумели скомпрометироваться во время финской войны» (рабочий артели Текстильгалпрома К.) [2, д. 6, л. 7]. «Говорили, что на фронт выехали наши маршалы, а что-то не слышно, где они командуют» (рабочий механического цеха фабрики 8 Марта П.) [2, д. 6, л. 17]. «И что у нас за командование? Ворошилов — слесарь. Все остальные люди, которые воевали в гражданскую войну, не способны к командованию, так как война сейчас совершенно другая и нужно знание военного искусства» (бухгалтер Ногинского клуба Б.) [2, д. 7, л. 19].

Много высказываний о неудачах на фронте. «Вот уже четыре недели, как идет война, а наши и с места не двигают. Хлопают нашего брата. Весь фронт загружен одной молодятиной. “Товарищи” ничего не говорят о том, сколько убито наших и сколько без вести пропало» (рабочий П.) [2, д. 6, л. 17]. «Видимо, наша армия слаба, не может отогнать немцев с занятой им нашей территории. Топчется на одном месте, а вперед ни шагу» (бухгалтер фабрики «Красный Октябрь» З.) [2, д. 7, л. 20]. «Что говорить о фронте, бьют нас как котят» (бухгалтер конторы лесторга Н.) [2, д. 6, л. 66]. «Из исхода военных действий видно, что Германия нас победит» (плотник конторы промстроя Н.) [2, д. 7, л. 13].

Явственно вырисовывается полное неверие в победу. «Нашим войскам все равно не устоять. Гитлер ловко нас обманул, и нам с ним нечего и воевать. Ему еще подсобит Япония, и будет конец советской власти. Война эта скоро кончится, наших победят. Тогда опять запоем в церкви по-старому»

(церковник города Макарьева З.) [2, д. 6, л. 9]. «Немцы разобьют нас к черту. Германия вооружена гораздо сильнее, а наши только болтают, да хвастаются» (мастер фабрики имени Дзержинского Ш.) [2, д. 6, л. 17]. «Война неминуемо должна кончиться нашим поражением, так как у нас не обеспечен тыл...» (начальник планового отдела завода № 260 Т.) [2, д. 7, л. 11]. «Военные действия продлятся не больше, чем месяц, так как бойцы нашей армии проявляют трусливость перед немцами» (конструктор отдела главного конструктора завода № 2 А.) [2, д. 7, л. 18].

«Пораженческие настроения» подразумевали и славословие в адрес Германии, признание мощи ее экономического потенциала и вооруженных сил, возвеличивание фигуры Гитлера и признание его заслуг.

Похвалы в адрес немецкой техники, продовольственного обеспечения на фронте и в тылу, порядка и дисциплины — одна из самых распространенных тем в разговорах простых людей. «С Германией придется долго бороться потому, что она держава техническая» (бухгалтер фабрики «Красный Октябрь» З.) [2, д. 7, л. 20]. «Что бы мы ни делали, а все-таки нас Гитлер победит, так как у него техника лучше нашей. Да и немец больше патриотичен, чем мы» (житель города Меленки Д.) [2, д. 7, л. 21]. «В Германии умеют руководить страной, у них никогда недостатков ни в чем не было» (председатель колхоза «Рассвет» Киржачского района Н.) [2, д. 6, л. 7]. «А все-таки нам от немца попадет. Смотри, как он идет вперед, несмотря на то, что воюет уже 2 года. Там дисциплина, культура и организованность, а от нашего мужика этого добиться трудно» (заведующий отделом снабжения Ивановского машиностроительного завода О.) [2, д. 7, л. 13].

В высказываниях наблюдается бесконечно наивное желание представить немцев высококультурной расой, абсолютное непонимание сути фашизма и тех целей, которые были поставлены при вторжении на нашу территорию. «Немцы — не дураки как русские, которые все церкви разгромили. По приказу Гитлера у нас ни одна церковь немцами не разрушается» (рабочий одного из Кинешемских заводов К.) [2, д. 6, л. 142]. «Немцы не допустят, чтобы крестьяне были в колхозах, а рабочие жили в нужде и неволе. Они-то вот действительно дадут нам полную свободу и снабдят нас всем необходимым» (портниха Пестяковской артели инвалидов Ф.) [2, д. 6, л. 162]. «Гитлер любит свой народ, бережет его. Он хлебом их обеспечил, они не голодают и дерутся стойко» (медсестра горбольницы города Вязники) [2, д. 7, л. 14]. «Гитлер — гений, не как наш. Он тоже возможно будет строить социализм, но только по-другому... Я люблю Гитлера, совершенный гений. Все речи его я вырезаю из газет и храню» (табельщик Фурмановской фабрики № 2 С.) [2, д. 7, л. 7]. «Немцы русских не трогают, обращаются хорошо» (слесарь комбината искусственной подошвы А.) [2, д. 6, л. 65].

И, может быть, самое неприятное для советской власти — многие просто ждали, когда придет Гитлер, захватит власть и установит новые порядки. «Скорей бы война кончилась, пускай нас Гитлер победит» (рабочий Писцовской фабрики А.) [2, д. 6, л. 163]. «Весь народ ждет от немцев освобождения. Нужно бы развернуть агитацию для того, чтобы вразумить людей, что немцев нечего бояться, что хуже, чем сейчас, никогда не будет... Коммунизм забрал у людей всю радость жизни, и единственное спасение для народа только в победе немцев» (гражданка города Александрова И.) [2, д. 6, л. 83]. «Я очень был бы рад, если бы Гитлер победил и взял нас в свои руки. Нам все равно работать, что сейчас, что при Гитлере, только у него питание будет лучше»

(рабочий Кинешемского анилзавода К.) [2, д. 6, л. 142]. «Нам все равно, что большевики, что Гитлер. А может быть при нем лучше будет, и хлебом кормить будут досыта» (работница прядильной фабрики Родниковского комбината К.) [2, д. 6, л. 142]. «...Я вот уверена, что советская власть существует последние дни, затем к власти придет Гитлер, с которым жить будем по-старому хорошо» (портниха Пестяковской артели инвалидов Ф.) [2, д. 6, л. 162]. «Немец обязательно победит, он сильный. Бояться нечего, установится немецкая власть, и мы должны будем их порядкам подчиняться» (бывший военнопленный А.) [2, д. 6, л. 6].

Возникает вопрос: почему у значительной части населения так сильны были иллюзии относительно нового немецкого порядка? Куда подевался воспетый в советское время русский патриотизм? В связи с чем «пораженческие настроения» носили массовый характер? Объяснений и причин, безусловно, много. Но одна, может быть наиболее значимая, — ностальгия по прежней жизни, нежелание мириться с установившимися после революции и гражданской войны порядками, откровенно враждебное отношение к советской власти. По объему высказывания на эту тему составляют большую часть текста исследуемых документов.

Воспоминания о прежней жизни, видимо, берегут сознание той части населения, которая успела в сознательном возрасте пожить при царе. «Сшибут эту проклятую власть и поставят царя, будет капитализм и жить будет лучше. При царе жить было лучше, а при этой каторжной жизни, при сталинском праве — не жизнь, а петля на шее» (жительница деревни Литвинцево С.) [2, д. 7, л. 15]. «Бывало у Николая воевали больше четырех лет, а народ был сыт. А сейчас провоевали три дня, и ничего не стало» (домохозяйка из города Комсомольска Ю.) [2, д. 6, л. 84]. «...Скоро нами будет управлять Гитлер, скоро наступит крах советской власти, и жить будем по-старому, как жили при Николае Романове» (разнорабочий деревни Юрьево Сокольского района Ш.) [2, д. 6, л. 85].

Естественно, что в сравнении с прежней дается картина жизни при большевиках. «Скорее бы разгромили советскую власть, а то сейчас хорошо живут одни коммунисты, а мы с голоду издыхаем» (домохозяйка из Комсомольска Ю.) [2, д. 6, л. 84]. «Вон до чего довели сволочи — ничего не стало, пей и ешь одну воду... Революция просуществовала 23 года, а дошли до того, что людей посадили на 400 граммов хлеба» (рабочий Кинешемского анилзавода К.) [2, д. 6, л. 142]. «Даже не верится, что наконец-то настала война. Все думаешь, не сон ли это? Нет. Все-таки действительно война. Ведь народ так измучился в этих колхозах. Неужели Советский Союз выйдет победителем, и опять мы будем жить так, как мы жили и мучились. Я прихожу в ужас от этого» (кузнец из деревни Панино М.) [2, д. 7, л. 14]. «20 лет при этой власти нагие и голодные. Я лучше буду дезертировать, а не пойду. Все кричат “Родина! Родина!”, а я не признаю этой Родины и умирать за нее не хочу. Она нам ничего не дает, кругом нищета, голод» (конструктор завода имени Королева В.) [2, д. 6, л. 66]. «У нас все недовольны этой властью. Никому жизни нет. Всех сжали. А что теперь в колхозах? В некоторых нет ни лошади, ни коровы, и все развалено. Кто же будет воевать за такую жизнь? Наши одно знают: как бы посадить в тюрьму, в ней все перебивали...» (бывший торговец-колбасник П.) [2, д. 6, л. 17].

Начало войны, неудачи на фронтах, тяжелая ситуация в тылу способствовали очень жестким словесным проявлениям недовольства в отношении

партии и коммунистов. «Надо бы скорее резать и давить всех коммунистов, скорее бы приходили немцы» (житель города Тейково К.) [2, д. 6, л. 85]. «Скорее бы пришел Гитлер. Я бы всех коммунистов выдал, пусть бы их вырезали с корнем» (работник пожарной команды Горко-Павловской фабрики Родниковского района С.) [2, д. 6, л. 167]. «Скорее бы брал Гитлер СССР. Как только он возьмет, я сразу запишусь в карательный отряд и буду ремни вырезать из спин наших руководителей» (грузчик фабрики № 1 Кинешемского района) [2, д. 6, л. 166]. «Ваши мужья являются коммунистами и сейчас на фронте. Вот скоро придет Гитлер, и мы с вами, как с женами красноармейцев-коммунистов расправимся. Всем вам головы поломаем» (колхозница П.) [2, д. 6, л. 142].

Ну и конечно, ответственность за катастрофу первых месяцев войны возлагается на руководство страны и лично на Сталина. «Сталин является вредителем и хочет скрыться от народа» (ткачиха К.) [2, д. 7, л. 20]. «Он — паразит народа, всю советскую власть провалил» (работница Вязниковской фабрики «Парижская Коммуна» М.) [2, д. 7, л. 21]. «Сталина с Калининым надо бы сжечь на костре. Они плясали под дудку Гитлера. Два года писали по указу Гитлера законы. За 20-минутное опоздание тебе — тюрьма. И все это делали для того, чтобы возмутить русский народ» (житель города Юрьев-Польского И.) [2, д. 6, л. 85]. «Сталин призывал нас сплотиться вокруг партии Ленина—Сталина, то есть вокруг самого себя. Наставил себе заживо памятников, а что сделал для рабочих? Откровенно говоря я разочаровался в Сталине и во всем» (заведующий лесозаводом ИВГРЭС, член ВКП(б) Я.) [2, д. 6, л. 163]. «Гитлер прет и будет переть до победы, и уж тогда мы снимем Сталина. В этой войне, безусловно, повинен Сталин. Нам нужно помочь Гитлеру, а для этого надо сделать восстание. Народ ведь политикой недоволен и даже недовольно большинство коммунистов, только верхушка творит, что вздумает» (колхозник деревни Хлябово Гаврилово-Посадского района Ш.) [2, д. 6, л. 142]. «Нашему правительству так бросить власть стыдно, вот и сделали бойню. А потом скажут — народ не хотел войны» (рабочий Южской фабрики К.) [2, д. 7, л. 24].

Ненависть к режиму проявляется и в нежелании идти на фронт, встать на защиту Родины. «Этих паразитов коммунистов защищать не будем, их самих нужно расстреливать... Будете на фронте, переходите на сторону Гитлера...» (мобилизованный С.) [2, д. 6, л. 142]. «Воевать я все равно не буду, защищать мне некого, при первой возможности сдамся в плен. Сталина я защищать не буду, потому что он создал плохую, мучительную жизнь для рабочих» (высланный из Московской области К.) [2, д. 6, л. 161]. «Давайте все как один откажемся от защиты Родины. Защищать советскую власть не за что, нас при этой власти всех уморили с голоду» (мобилизованный С.) [2, д. 6, л. 141].

Какова же была судьба всех тех, кто упоминался в спецзаписках как «антисоветский элемент»? Понятно, что она была незавидна. В документах есть пометки: «задержан», «арестован», «привлекается к уголовной ответственности». Большая часть высказывающихся была арестована и осуждена по статье 58-10 («антисоветская агитация»). По этой статье арестовывали потенциальных представителей так называемой «пятой колонны». Это могли быть рабочие, колхозники, единоличники, творческая и техническая интеллигенция, студенты, военнослужащие, бывшие помещики, торговцы, церковники и т. д.

При постановке на оперативный учет, последующем аресте и уголовном наказании по статье «антисоветская агитация» основанием являлись как

призывы к свержению и подрыву советской власти или к совершению государственных преступлений (подготовка вооруженных восстаний, террористических актов против представителей власти и т. п.), так и зафиксированные агентурой и осведомителями настроения граждан: раздражительность, злость, отчаяние на почве безысходности и измотанности, сопровождаемые «клеветническими контрреволюционными измышлениями и антисоветскими высказываниями». Это могли быть реплики в адрес высшей номенклатуры, критические оценки ее деятельности (прежде всего хозяйственной), недовольство своим положением, прогнозы ожидаемых перемен в жизни страны и т. д.

Большинство тех, о ком идет речь в спецзаписках, были привлечены к уголовной ответственности в начальный период войны, а в 80—90-е гг. полностью реабилитированы и признаны жертвами необоснованных репрессий по политическим мотивам.

Подводя итоги и анализируя все многочисленные «антисоветские высказывания», необходимо прежде всего ответить на вопрос: чем же были вызваны такие настроения значительной части населения Ивановской области летом 1941 г.? Однозначно ответить невозможно. Вероятно, это объяснялось целым рядом обстоятельств: малограмотностью и низкой культурой, определяющими уровень сознательности, объективно сложной экономической ситуацией, крайне низким уровнем жизни и социальной защищенности населения в первые месяцы войны. Кроме того, немаловажную роль играла информация о поражениях Красной Армии, продвижении немцев к Москве и сопутствующие этому панические настроения и слухи о вывозе оборудования с предприятий, боязнь потерять работу, острая нехватка продовольствия и т. п.

Имеющиеся архивные материалы не позволяют выявить и проанализировать весь комплекс причин. При этом, как нам представляется, основной причиной вышеуказанных настроений являлась экономическая составляющая, а именно резкое ухудшение продовольственного снабжения при большом росте рыночных цен на продукты питания, плохая работа торговых организаций и фабричных столовых, заметное снижение заработной платы и невозможность прокормить семью. Но нельзя не отметить, что присутствовал и политический аспект. Многочисленные высказывания антисоветского и антикоммунистического характера в адрес партийного и военного руководства, «пораженческие настроения», звучавшие неоднократно упоминания о Гитлере и о возможности работы при нем нельзя объяснить только всплеском эмоций и отсутствием разъяснительной работы. Безусловно, в данном случае речь идет о складывавшейся годами нелюбви (а временами и ненависти) части населения к советской власти и коммунистам. Все это в значительной степени подрывает сложившийся в советской историографии миф о единстве советского общества и отсутствии каких-либо проявлений недовольства властью в начальный период Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Смятение осени сорок первого года: Документы о волнениях ивановских текстильщиков // Исторический архив. 1994. № 2.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ивановской области. Ф. 11. Гр. 3. Оп. 5.

А. В. Степанов

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Проблемы теории научного исследования относятся к числу неизменно актуальных в каждой области знания, и история здесь не служит исключением. В предлагаемой статье автор попытался подвести некоторый итог четверти века собственных изысканий в сфере отечественной истории и опыта общения к исследовательской работе двух поколений студентов. Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность своему старшему коллеге, профессору ИвГУ И. Я. Биску, чьи труды в области методологии истории стали отправной точкой для многих размышлений [1].

Как и в любой научной дисциплине, одним из первичных вопросов теории исторической науки следует считать вопрос о границах, доступных ее познанию. Речь идет, по сути, о *предметных, территориальных и хронологических* рамках изучения прошлого.

Наиболее сложным и спорным представляется здесь вопрос о *предметных* рамках исследований. В XIX веке историческая наука была еще слабо структурирована внутренне и претендовала — наряду с философией — на роль интегрирующей обществоведческой дисциплины.

Однако в XX веке положение значительно изменилось. Во-первых, ряд специальных видов источников, ранее изучавшихся в рамках исторической науки, стал предметом исследования отделившихся от нее дисциплин. Если В. О. Ключевский, наряду с общеисторическими проблемами, плодотворно изучал вопросы исторической метрологии, нумизматики, топонимики, то сейчас эти науки существуют как вполне самостоятельные области знания, плодами которых историкам остается только воспользоваться. Во-вторых, в XX столетии историческая наука обратилась к изучению новых (с позиций современников Ключевского) проблем: истории экономики, социальных групп, революционного движения, культуры и т. п.; зачастую они находятся на стыке со смежными обществоведческими дисциплинами. При этом другие социальные науки тоже не стояли на месте, а энергично осваивали новые исследовательские области. В результате в начале нового столетия перед теорией исторической науки с особой актуальностью встает вопрос о *предметных рамках* собственно исторических исследований.

К примеру, классическая для историков XIX века тема — эволюция законодательства — давно уже может быть оспорена юристами как принадлежащая в первую очередь им. Исследование историками хозяйственного развития страны встречает упреки в дилетантизме со стороны профессиональных экономистов. Народные движения, революции, партийная жизнь с появлением политологии также перестали быть монополией историков. Их попытки найти новые исследовательские направления подчас приводят к открытию, что «перспективная площадка» уже освоена иной обществоведческой дисциплиной. Так, представляющаяся относительно новой (по крайней мере, в отечественной традиции) тема истории повседневной жизни на поверку оказывается «этнографией, обращенной в прошлое». С позиций совре-

менного обществоведения оглавление учебника истории выглядит как «шведский стол» для представителей многих научных дисциплин и одновременно как претензия историков на свои исследовательские права — претензия, имеющая своим единственным и небесспорным основанием лишь утверждение, что этими предметами «традиционно занимались историки».

Универсального ответа на вопрос о том, где проходят границы собственно исторического исследования, а где историк должен уступить место специалистам в иных областях, у автора нет. Однако он рискует высказать некоторое общее предположение: история начинается там, где носителями исходной информации служат источники, возникшие в прошлом, или отражившие факты прошлого, и где для их изучения применяются методы, свойственные прежде всего собственно исторической науке.

Данное утверждение приводит нас к вопросу о том, что есть историческое прошлое, или к вопросу о временных границах исторических исследований. Иными словами, это вопрос о дате, на которой заканчивается наука «история» и начинаются иные дисциплины, подчеркивающие свою актуальную, злободневную направленность: политология, социология, конфликтология и т. п. Этот вопрос как нельзя более остро стоит именно в области отечественной истории, где он принимает брутальную форму: следует ли заканчивать изучение *истории* России 2000 годом? Или 1991-м? Или 1985-м?

Вопрос о *ближнем хронологическом рубеже* исторических исследований выглядит сходным с вопросом о границе между литературоведением и литературной критикой. Вероятно, литературоведение ограничивается изучением наследия тех писателей, чей путь в литературе завершился, тогда как литературная критика исследует тексты авторов, продолжающих работать в области словесности. Вняв суждениям критиков, последние могут внести изменения в направление творчества, в свой стиль и т. п.; литературоведы уже лишены возможности влиять на изучаемый ими литературный процесс.

По аналогии ближайшую по времени (верхнюю) границу исторической науки следовало бы проводить по линии активной жизни нынешнего поколения исторических деятелей, а заодно и их рядовых современников. Для такого подхода найдется немало убедительных доводов — от хрестоматийной строки С. Есенина «лицом к лицу лица не увидать...» до грубоватой поговорки: «Кто следует за историей по пятам, рискует получить по зубам». В пользу такого предложения найдутся и более серьезные доводы: ограничение доступа ко многим источникам по новейшей истории, опасение ученых затронуть своими суждениями ныне здравствующих людей, предать огласке их неблагоприятное прошлое, а то и (страшно сказать) дать основание для их привлечения к судебной ответственности. Нельзя исключать, что труды, посвященные еще не остывшим вопросам недавней истории, способны усилить межэтнические и межгосударственные конфликты, дать основания для новых претензий или пищу для старых обид. В таких условиях и сам исследователь рискует утратить научную объективность, поддаться давлению конъюнктуры или собственных эмоций. Одним словом, может показаться, что историку лучше дистанцироваться по времени от изучаемых им событий, приняв на себя роль беспристрастного наблюдателя за отстоявшимся от пены потоком фактов.

Однако, по мнению автора, такая позиция, сколь бы академичной она ни казалась, в наши дни способна стать губительной для исторической науки. В условиях, когда за интерес общества (и за выражающие его денежные средства) идет острая конкуренция все возрастающего числа обществоведче-

ских дисциплин, отстранение истории от изучения недавнего прошлого чревато потерей ее места в научном мире и превращением этой науки в раритет, достойный находиться только на складе курьезов былых времен, где-то рядом с попытками найти мировой эфир или построить биологию «по Лысенко». В случае, если историки откажутся изучать «историю современности», их место могут занять дельцы от обществоведения, легко создающие на потеху просвещенному обывателю все новые квазинаучные теории и доктрины.

Иными словами, если в XXI веке история не хочет оказаться на обочине научного мира, ей необходимо обращаться к актуальным проблемам самого недавнего прошлого, какими бы трудностями исследования в этой области ни сопровождалось. Если воспользоваться хрестоматийными словами В. Б. Кобринина, историк не вправе вести себя так, чтобы избежать вопроса «Кому ты опасен?» В то же время научная общественность, вероятно, не должна предъявлять к историческим работам актуального характера столь же суровые академические требования, какие она обоснованно выдвигает к исследованиям сюжетов, отдаленных по времени от наших дней, и опирающихся на традиционные виды источников. (Это замечание, например, может быть отнесено к идущей в наши дни дискуссии по поводу нового учебника послевоенной истории России для средних школ, к которому различные общественные круги предъявляют политически полярные требования, но при этом сходятся в одном: статья, наконец, истиной в последней инстанции.)

Вероятно, историкам следует также задуматься над *дальней хронологической границей* своих исследований. В советский период традиция начинать изучение истории с периода «первобытнообщинного строя» опиралась на формационную теорию исторического процесса. Она жестко требовала от историков реконструировать события и явления того времени, которое в массовом сознании считается доисторическим. Не пытаясь оспорить эту традицию, представленную не утратившими и поныне значения трудами Б. А. Рыбакова, автор все же считает нужным заметить, что собственно истории лучше начинаться с той эпохи, которая оставила достаточный массив *текстовых* (письменных) источников, и не претендовать на «историческое» истолкование данных археологии или палеолингвистики. К счастью для нас, письменный период отечественной истории насчитывает почти тысячу лет и дает достаточно материалов для исследователей весьма отдаленных времен.

Частной, но немаловажной подпроблемой временных границ исторических исследований можно считать вопрос *периодизации исторического процесса*. В советское время дискуссии по этому поводу нередко служили средством имитации борьбы мнений в однополярной по сути отечественной историографии и предназначались не в последнюю очередь «на экспорт». Однако и в наши дни проблема периодизации не утратила актуальности.

Падение догматической теории исторического процесса вернуло науку на позиции рубежа XIX—XX веков: в иных обобщающих трудах наших современников история России вновь делится на периоды царствования отдельных государств. Другие авторы учебных пособий продолжают пользоваться понятиями «период капитализма» и «советский период», игнорируя явное различие оснований деления событий, которое они допускают. Не имея возможности вступать в эту полемику, носящую все же довольно схоластический характер, автор считает необходимым лишь предположить, что для обобщенных трудов по истории России наименее травматическим представляется ее деление на период Древней Руси (IX—XII вв.), удельный период (XII—середина XV в.), период Московско-

го царства (середина XV — XVII в.), период империи (XVIII — начало XX в.; не исключено, что в недалеком будущем «периодом империи» историки будут считать и весь XX век по 1991 год). Хронологические рубежи *внутри* этих периодов следовало бы намечать в зависимости от того, этапы какого процесса хочет выделить исследователь. Очевидно, например, что рубежные даты развития государственного аппарата могут не совпадать с переломными моментами эволюции экономики страны.

По сравнению с трудностями определения проблемных и хронологических рамок исторических исследований вопрос об их *географических* рамках может показаться второстепенным и даже надуманным. Однако распад СССР наглядно показал, что отмахиваться от территориального аспекта историографии было бы ненаучным. В самом деле, для стран СНГ пребывание их территорий в составе Российской империи и СССР стало теперь делом прошлого и будет занимать в их истории все более скромное место, становясь в один ряд с периодом до вхождения этих земель в состав России в XVII, XVIII или ином веке. Процесс «территориально-исторического переосмысления» наблюдается и в общественном сознании ряда народов, проживающих ныне на территории Российской Федерации. Возможно, самым ярким выражением этого процесса стало учреждение в Республике Татарстан дня памяти взятия Казани войском царя Ивана Грозного в 1552 году.

Это означает парадоксальную, на первый взгляд, необходимость осторожно пользоваться именем «Россия» при изучении исторических явлений на территории современной Российской Федерации в разные эпохи. Не только в удельные времена, но даже в XVI веке — по крайней мере, до покорения Казанского и Астраханского ханств и начала завоевания русскими Сибири — государственное образование со столицей в Москве следовало бы именовать топонимом, не вызывающим ассоциаций с Россией XVII и последующих веков, границы которой простирались от Балтики до Тихого океана. В роли такого топонима могут выступать «Московская Русь» или «Московия».

Столь же осторожно следует применять название «Россия» при изучении истории РСФСР, входившей в 1922—1991 годах в состав Советского Союза. Достаточно напомнить, что в советский период частью Российской Федерации были земли Туркестана (до 1936 г.) и Крымский полуостров (до 1954 г.). Это формальное замечание, впрочем, служит лишь дополнением к более важному обстоятельству: до распада СССР Россия не пользовалась в рамках этого государства даже многими из тех внешних атрибутов суверенитета, которыми были наделены другие союзные республики. В таких условиях именовать РСФСР 1920—1980-х годов топонимом «Россия» или отождествлять ее со всем Советским Союзом представляется некорректным.

Вопросы проблемных, хронологических и территориальных рамок исторических исследований носят важный, но все же достаточно служебный характер. Гораздо более фундаментальной представляется проблема *методов* исторических исследований, т. е. способов получения исторических знаний. В условиях отказа научного сообщества от единой исторической доктрины, претендующей на постижение истины, методология исторических исследований вновь становится предметом раздумий и споров. Они простираются от попыток заменить «вечно живое учение» некоей новой системой, якобы гарантирующей науку от ошибок, до отрицания необходимости методологии как таковой. Подробное рассмотрение всех теоретико-методологических

проблем исторических исследований далеко выходит за рамки одной статьи. Автор готов высказаться лишь по ряду частных вопросов.

Прежде всего отметим, что задача выработки методов получения достоверных знаний стоит перед всеми науками и успешно решается большинством из них. При всем многообразии конкретных дисциплин и направлений генеральный способ сделать это заключается в последовательном проведении трех действий: первичного поиска фактов, построения на их основе научной гипотезы и ее проверки с помощью новых фактов. Вариантом этой исследовательской парадигмы можно считать подтверждение или опровержение высказанных ранее гипотез с помощью вновь установленных фактов или новой интерпретации уже известных фактов. При подобном (достаточно абстрактном) подходе к процессу научного исследования действия ученого-историка не отличаются от действий естествоиспытателя.

Широко распространено представление, согласно которому принципиальное различие между естествознанием и историей кроется в способах сбора фактов. Естественные науки и сегодня представляются многим как науки исключительно экспериментальные, основанные на опытах, тогда как историк лишен возможности эксперимента. В этом различии и усматривают главную трудность получения историком научных, объективных, неопровержимых, неспекулятивных и т. п. знаний. По мнению автора, такой подход в XXI веке нельзя считать оправданным.

В самом деле современное естествознание далеко ушло от своего лабораторного детства. Оно все чаще обращается к изучению явлений, которые нельзя смоделировать *in vitro*. Экспериментальная проверка многих новых научных гипотез становится невозможной либо из-за непомерной стоимости потребных на это средств, либо по причине физической невозможности такого рода опытов (например, в геологии или астрономии), а иногда и в силу прямой опасности их проведения для человека. С середины прошлого века, когда в лаборатории ученых пришли компьютеры, представители все большего числа естественнонаучных дисциплин предпочитают дорогим и долгим экспериментам изучение интересующих их процессов на математических моделях, которые существуют только виртуально. Как будет показано ниже, метод моделирования возможен и в исторических исследованиях, причем там он даже не требует применения компьютеров.

Впрочем, и когда ученые-естествоиспытатели имеют возможность поставить эксперимент, они все чаще сталкиваются с проблемой интерпретации его результатов. Наглядным примером тому служит ядерная физика. На протяжении более чем полувека каждый новый (и очень дорогой) прибор, созданный для исследований в этой области, не столько «закрывал» имевшиеся вопросы, сколько порождал новые гипотезы, основанные на различной интерпретации результатов опытов. Иными словами, успехи естествознания XIX—XX веков привели к парадоксальному положению, когда ученый все чаще вынужден искать замену «королю науки», «его величеству эксперименту». Естествознание начала XXI века оказывается в чем-то ближе к исторической науке, чем оно было сто лет назад.

В то же время утверждать полную тождественность методов естественных наук и истории было бы, конечно, несправедливо. Специфика доступных историку источников делает главным способом получения научных фактов не эксперимент, а наблюдение, да к тому же наблюдение за *не повторяющимися дважды* явлениями. При этом становится намного труднее, например,

установить зависимость явления А от явления В, поскольку на процесс А, возможно, влияют также процессы С, D, E и т. д. Классический эксперимент, собственно, и заключается в том, что ученый в условиях лаборатории искусственно выделяет только процессы А и В, защищая их от воздействия посторонних факторов. Для историка «эксперимент» ставит сама жизнь — бесконечно разнообразная система, которую образуют подчас миллионы людей. Выделить в этой системе отдельные процессы оказывается относительно просто, тогда как установить функциональную зависимость между ними («в интервале от X до Y показатель А растет, и обратно пропорционально этому показатель В уменьшается») нередко вообще не удается.

Это ключевое для исторической науки обстоятельство налагает на ученого важное ограничение. Историк не вправе утверждать, что процессы А и В связаны между собою, если это не подтверждается обнаруженными им фактами. Утверждать это без фактов нельзя, даже если такую зависимость постулирует то научное направление, к которому принадлежит сам историк или его научный руководитель, или если подобная зависимость выглядит логичной с позиции «здравого смысла». Автору этих строк довелось искать зависимость между стачечным движением в Ивановском крае на рубеже XIX—XX веков и социальной стратегией местных фабрикантов. Исходной гипотезой при этом служило предположение о том, что чем более скупым был наниматель, тем чаще бастовали рабочие его предприятия. Исследование охватило не один десяток фабрик региона и дало неожиданный результат: устойчивой зависимости числа забастовок от достатка рабочих не было обнаружено; в стачечном движении примерно одинаково участвовали текстильщики тех фабрик, при которых хозяева держали школу, больницу, столовую и общежития, и тех предприятий, где ничего подобного не практиковалось [4, с. 97—99].

То обстоятельство, что «экспериментальным материалом», или базой фактов, для историка служат *источники*, делает особенно актуальной задачу поиска их новых разновидностей и совершенствования приемов извлечения информации из уже известных. Не останавливаясь специально на проблемах исторического источниковедения, автор может сделать здесь лишь несколько замечаний теоретического характера.

Прежде всего хочется оспорить еще бытующее среди историков именованное текстовых источников термином «письменные». В канун тридцатилетия появления персонального компьютера пора признать, что информационная ценность документа мало зависит от того, каким способом выполнен его текст — процарапан ли он на бересте, начертан ли гусиным пером на пергаменте или написан шариковой ручкой на бумажной салфетке. Главным становится именно текст — набор символов, содержащий информацию и *одинаково с автором понимаемый* многими читателями. «Легализовав» в источниковедении понятие текста, мы сделаем тот же шаг, какой уже достаточно давно сделали филологи.

Рассмотрим теперь проблему информационной ценности отдельных видов текстовых источников по истории России. Отметим, что по сравнению с документами западноевропейского и североамериканского происхождения, на изучении которых выросло современное источниковедение, отечественные текстовые источники существенно уступают количественно. Показательно, например, что земляки Наполеона оставили значительно больший объем воспоминаний о неудачной для них кампании 1812 года, чем русские победители «Великой армии».

Причин тому немало: низкий уровень грамотности, дороговизна главного писчего материала — бумаги (ее массовое производство в России началось только во второй половине XIX века), небрежное хранение и умышленное уничтожение книг и рукописей авторами и владельцами. Заметим только, что в XX веке россияне стали быстро преодолевать это количественное отставание, и обратимся к анализу *качества* отдельных видов источников.

Заслуженными «любимцами» ученых-историков вот уже полтора столетия остаются памятники права, прежде всего акты общегосударственного законодательства. Однако пришедшая к нам из немецкой историографии первой половины XIX века традиция кропотливо изучать акты должна быть скорректирована применительно к условиям России: наряду с анализом правовых норм историк не следует упускать из виду вопрос о том, насколько широко и последовательно они применялись на практике. Это особенно важно в исследованиях по истории Советского Союза, чья законодательная практика была богата принятием декларативных актов пропагандистского характера, подобных Закону о защите мира от 12 марта 1951 года. В то же время недопустим нигилистический подход к российскому законодательству второй половины XIX и особенно начала XX века, которое (едва ли не впервые в отечественной истории) отражало реальные правоотношения и достаточно последовательно проводилось властями в жизнь.

Следует также помнить, что в условиях хронического кадрового дефицита и неискоренимой коррупции в органах правопорядка большая часть населения России веками жила не по писаным законам, а по нормам обычного права; его существование было официально признано, например, просвещенными творцами крестьянской реформы 1861 года. При этом нормы обычного права существенно различались в зависимости от местных традиций (скажем, на Кубани и в Сибири), этнического состава населения, специфики социальной среды (студенчество, армия, революционный кружок, заключенные), видов правоотношений (семейные, имущественные, долговые) и т. п.

От подозрений в информационной ущербности несвободен и другой вид текстовых источников — делопроизводственные документы, особенно те, что возникли в стенах государственных учреждений. Автору уже приходилось отмечать, что по крайней мере до середины XIX века, когда казенные депеши помчались по «чугунке», а то и по телеграфу, в среде отечественной бюрократии не одно столетие практиковалось составление служебных документов таким образом, чтобы они не утрачивали актуальности даже после долгой дороги. К этой вынужденной обтекаемости формулировок дьяческих «сказок» и «отписок» добавлялось несовершенство языка, которым пользовались чиновники, но который сложился в церковной среде и подчас не обладал нужными для мирских дел средствами выразительности [7]. В советский период главной бедой казенного делопроизводства, наряду с не поддающимися оценке приписками в статистике, стал лукавый новояз, в который начальство облакало заведомо невыполнимые распоряжения, а подчиненные прятали неприятную для «верхов» правду.

Все это не означает, что документы делопроизводства государственных учреждений, коммерческих предприятий и общественных организаций не заслуживают анализа. Напротив: там, где их фальсификация не приносила прямой выгоды исполнителям, они могут быть вполне достоверными. Это блестяще доказал, например, Б. Н. Миронов, использовав материалы антропометрии русских рекрутов начала XVIII века для оценки социальной цены реформ и войн,

которые вел в те годы Петр I. Подчас даже само направление фальсификации подобных документов (если его удастся установить) способно сообщить исследователю некую полезную информацию. Например, официальные данные о явке избирателей на участки для голосования показывают, насколько государство уважает своих граждан (чем эта цифра ближе к 99,9 %, тем уважение меньше), или о том, насколько избирательные комиссии зависимы от властей.

Своя источниковая специфика имеется и у материалов отечественной прессы. Прежде всего отметим, что собирательная рубрика «Материалы прессы», принятая в классификации источников, не вполне точна. На страницах газет наряду с материалами, подготовленными их сотрудниками (репортажи, отчеты о пресс-конференциях, обзоры событий), могут появляться аналогичные по форме материалы, предоставленные информационными агентствами, а также официальные сообщения, коммерческая реклама, частные объявления, письма читателей. Для исследования некоторых исторических явлений и процессов могут оказаться полезными именно такие публикации, а не тексты штатных газетчиков. Это тем более справедливо, что за последние сто лет русская журналистика была относительно свободной от цензуры или самоцензуры едва ли более четверти века.

Однако главными бедами российской печати, которые заставляют осторожно использовать ее в качестве источника, надо признать ее партийность (в «солидных» газетах) и тягу к сенсации (в массовых изданиях). Партийность и до 1917 года была врагом журналистской объективности, требовала сгущать краски, искать компромат, восхвалять своих и унижать противников. Тяга к сенсации выносит на первые полосы газет уголовную и судебную хронику, светские сплетни, катастрофы и скандалы. Без учета этих особенностей медийные источники могут оказать историку медвежью услугу. В самом деле, строить исследование уровня жизни населения СССР только на материалах официальной печати — значит попасть на удочку незатейливой пропаганды и поверить, что, за исключением отдельных мелких недостатков, советские граждане год от года жили все лучше и веселее. Изучать культурную жизнь постсоветской России по страницам таблоидов — значит свести все ее многообразие к бракоразводным делам и имущественным тяжбам поп-звезд.

Едва ли не самым динамичным комплексом текстовых источников за последние годы оказались материалы личного происхождения — письма, дневники, мемуары. Не имея необходимости повторять давние истины о субъективности как неотъемлемой черте всех частных текстов, отметим лишь некоторые особенности *мемуаров*, которые реже иных учитываются при анализе их происхождения. Это в первую очередь вопрос о цели создания мемуаров, который по традиции остается вне поля зрения ученых. Между тем сейчас мемуары все чаще пишутся ради авторского вознаграждения. Для лучшей продажи такого сочинения мемуарист строит его по законам бульварной журналистики, грешит против истины, отказывается освещать узкоспециальные сюжеты, неинтересные рядовому читателю. Другой вопрос, который нельзя упускать из виду при изучении условий появления мемуаров, — правовая обстановка их публикации. Если автор или издатель имели основания опасаться судебного преследования за предание огласке тех или иных фактов, они могли сознательно умолчать о них. Опасение гражданской ответственности в последнее десятилетие заменило для мемуаристов гнет цензуры, на который справедливо жаловались их предшественники.

Особым подвидом нарративных источников личного происхождения служат записки иностранцев — дипломатов, коммерсантов, журналистов, путешественников, разведчиков, в разные времена посетивших Россию. По традиции ученые широко пользуются этими записками, когда изучают историю XVI—XVIII веков. Однако и в более близкое нам время, в том числе в самом недавнем прошлом, глаз наблюдательного (и почти всегда небеспристрастного) иностранца замечал в отечественной действительности немало деталей, которые проходили мимо внимания местных жителей. Выявить такие свидетельства и включить их в научный оборот значило бы существенно пополнить источниковую базу исследований не только по русской истории, но и по проблеме зарождения и развития национальных стереотипов, предрассудков и этнофобий у многих наших соседей.

Таким образом, корпус текстовых источников по отечественной истории обладает рядом количественных и качественных особенностей, которые обуславливают необходимость относиться к каждому документу одновременно особо бережно и особенно критично. Новые виды текстовых источников, появившиеся в последние 15—20 лет, требуют от исследователей новых методов их собирания, атрибуции, верификации и анализа. Одно правило в этой связи остается неизменным: источниковый корпус любого научного исследования должен быть адекватен его целям и задачам. Натиск популярной истории, готовой делать самые смелые суждения на основании самых скудных источников, делает это нехитрое правило по-новому актуальным.

Выше уже отмечалось, что главным методом исторического исследования служит сравнение. Однако оно нередко понимается в нашей науке весьма упрощенно: автор, особенно начинающий, сравнивает вновь найденный им исторический факт с уже известными, устанавливает его новизну, публикует его и считает свою задачу выполненной. В результате работа приобретает примерно такой вид: «В 1878 г. на фабрике N имелось 1,5 тысячи станков, в 1886 г. их насчитывалось уже свыше 3 тыс., а в 1900 г. — почти 5 тысяч» (далее следуют ссылки на архивные фонды, дела и страницы). Между тем сами по себе эти цифры еще не свидетельствуют о быстром или медленном росте изучаемого предприятия; они требуют сравнения с темпом развития аналогичных предприятий в том же населенном пункте, в соседних городах и регионах, в стране в целом.

Еще более продуктивным может оказаться соотнесение числа станков с количеством рабочих на предприятии, с затратами мощности на единицу оборудования, со съемом продукции с одного станка, с продолжительностью работы машин в течение года и т. п. Такие *относительные* показатели могут привести к неожиданному выводу: рост числа станков еще не свидетельствует о высокой эффективности работы фабрики, дела на которой в изучаемый период велись, возможно, не лучшим образом. Простые *абсолютные* цифры увеличения станочного парка не выявили бы этот факт. Автору уже доводилось продемонстрировать познавательную ценность приема расчета именно относительных экономических показателей [2].

В любом случае применение компаративного метода ставит перед историком непростую проблему поиска взаимно адекватных объектов сравнения. Печальным примером ненаучного выбора таких объектов можно считать излюбленное советскими авторами сопоставление выработки электроэнергии в СССР и в России в 1913 году. Академическая корректность требует, чтобы при поиске объектов сравнения неукоснительно соблюдался принцип историзма.

Вершиной применения компаративного метода в историческом исследовании можно считать сопоставление вновь найденных ученым фактов с его же гипотезой или с бытующими в науке представлениями. Однако подчас такое применение сравнительного метода способно дать ошибочные результаты. Речь идет о так называемой «сверхконцептуальной» истории, сторонники которой готовы объяснить с ее позиций едва ли не любые факты, а если это уже никак не удастся, то просто игнорируют их или объявляют фальшивкой. Сверхконцептуальная история вовсе не нова. Сто лет назад ее пионером в отечественной историографии выступил Н. П. Павлов-Сильванский, уверенно обнаруживший в Средневековой Руси едва ли не все признаки европейского феодализма. Недалеко ушел и его ровесник М. Н. Покровский, толковавший русскую историю в духе прямолинейно понятого марксизма.

Сверхконцептуальной была и едва ли не вся советская историография. На протяжении десятилетий наши авторы считали своей научной задачей поиск новых подтверждений тезисов В. И. Ленина. Если попутно обнаруживались иные факты, то они сортировались: те, что явно расходились с высказываниями вождя, отправлялись «в корзину», а идейно нейтральные подавались как «гарнир» к основному «блюду», доказывающий научную добросовестность и эрудицию историка. Однако и в наши дни сверхконцептуальная история не исчезла — изменились лишь ее «священные догмы». Теперь в этой роли выступают, например, «новая хронология» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, «пассионарность» Л. Н. Гумилева или теория «ледокола революции» В. Суворова. Впасть в грех сверхконцептуализма рискует каждый, кто некритично относится к собственному или чужому мнению в науке.

Вот почему, сравнивая найденные в источниках факты со своей исследовательской гипотезой, историк должен быть на стороне фактов и иметь мужество признать, что они не подтверждают его предположение. Это, конечно, не означает, что в будущем некие не известные пока науке факты не докажут правоту исследователя. Поэтому выдвижение научных гипотез должно стать неотъемлемой частью требований, предъявляемых к трудам историков, особенно молодых.

Опровержение бытующих в науке представлений может быть выполнено различными способами. Один из самых убедительных — доказательство «от противного», когда оспариваемый тезис доводится до логического конца и входит в противоречие с реальными фактами.

Например, в современной историографии еще встречается утверждение о том, будто созванная в 1906 году Государственная Дума была «вырвана у царизма натиском революции», а потому после ее поражения не играла существенной роли в жизни государства. Однако, если бы создатели избирательного законодательства 1905 года стремились только «бросить кость революционной улице» и не собирались делиться властью с народным представительством, они даровали бы право избирать членов Думы всему населению страны. Подобный ход выбил бы оружие из рук самых радикальных революционных сил, требовавших «четыреххвостки», и ничем не грозил бы режиму, коль скоро избранная таким образом Дума должна была стать лишь местом риторических упражнений. Между тем хорошо известно, что законы 1905 года предоставляли избирательное право довольно ограниченному кругу лиц. Такой порядок выборов позволял сделать Думу работоспособной, однако мало годился в качестве демагогического жеста и давал революционерам повод заявлять недовольство «куцей конституцией» [6].

Хочется попутно заметить, что традиция корректного и доказательного ведения научной полемики в отечественной историографии так и не сложилась. По-прежнему оппоненты прибегают к таким приемам, как выдергивание цитат из оспариваемых работ, навешивание их авторам оскорбительных ярлыков и использование административного ресурса. Не потому ли так неубедительно выглядят иные попытки представителей официальной науки «разоблачить» тех же А. Т. Фоменко или В. Суворова?

Метод сравнения не является, конечно, единственным в исторической науке. Весьма полезным может, например, стать «ретроспективный анализ» — метод, в некоторой степени обратный применяемой в математике экстраполяции. Суть его заключается в том, что для изучения некоего явления давнего прошлого, которое оставило недостаточно много источников, историк обращается к аналогичному явлению в относительно менее далеком прошлом (хорошо обеспеченному источниками или уже известному в науке), а затем переносит свои выводы с необходимыми поправками на исходный материал. Если аналог или эталон выбран корректно, метод ретроспективного анализа может давать очень интересные результаты.

Например, со времени введения в России казенной винной монополии на рубеже XIX—XX веков официальная статистика продажи водки населению стала весьма надежной. Используя ее данные, исследователь может достаточно точно оценить масштабы потребления спиртного и за несколько десятилетий до конца XIX века. Необходимо только сделать поправку на меньшие денежные доходы населения, менее густую сеть торговых точек, иной характер занятий людей, уровень урбанизации и т. д.

Разумеется, метод ретроспективного анализа следует применять продуманно. Он может привести к ошибкам в том случае, когда между двумя историческими явлениями — изучаемым и эталонным — оказывается заключенным некий важный политический или общественный надлом. Например, отношение граждан СССР к плановой экономике в 1989 году (а оно достаточно хорошо известно по материалам первых опросов общественного мнения) не может служить указателем отношения к ней, бытовавшего пятнадцатью годами ранее, в середине 1970-х годов: события перестройки резко изменили состояние умов миллионов людей. Однако даже наличие между изучаемым и эталонным явлениями очевидного общественного перелома подчас не мешает применять ретроспективный анализ. Так, зная многие негативные явления жизни в советском городе 1920-х годов, исследователь может достаточно смело предполагать их наличие и в предреволюционной России: последствия событий 1917—1921 годов провинциальный мещанский мир «переварил» довольно быстро, а по-настоящему «советским» стал только в 1930-е годы.

Еще одним методом исторических исследований, который приобрел широкое распространение лет 30—35 назад, является количественный. Его суть заключается в использовании вычислений, в том числе математической статистики, для точного описания исторических процессов или количественной оценки фактов. Поначалу новые методы вызвали немало шума: как известно, цифры имеют особую доказательную силу, существенно превосходя в сознании массовой аудитории силу слов. Многим историкам казалось, что математика выведет их науку на путь безусловной истины, впервые даст истории прочное обоснование. Однако за эйфорией вскоре последовало охлаждение, и тому было несколько причин.

Квантитативные технологии пришли в отечественную науку из Западной Европы и США, где они опирались на богатую базу статистических ма-

териалов. В США, например, переписи населения проводятся с 1790 года с интервалом в 10 лет, а итоги переписей широко публикуются. Весьма надежна и статистика, собранная в XIX—XX веках в странах Европы (особенно в Германии, Австрии, Бельгии) правительственными и общественными организациями. Однако в российских условиях массив достоверных данных начал формироваться лишь в последней четверти XIX века, но и тогда страдал многими недостатками. Даже знаменитая земская статистика собиралась в разных губерниях по-разному, да к тому же публиковалась после предвзятой обработки. Весьма различались от года к году и справочники по фабрично-заводской промышленности, состоянию железных дорог и т. п. В 1930-е годы прямая фальсификация итогов всесоюзных переписей стала обычной практикой, а полнота публикации их материалов не шла ни в какое сравнение с тем, как это делалось в предреволюционной России.

Однако главная проблема с применением математических методов заключается даже не в недостатке надежных баз данных, а в спорной интерпретации результатов расчетов. Оказалось, что при желании и новыми методами можно легко «подтверждать правоту ленинских слов», т. е. получать наперед заданные выводы. Там же, где математические методы применялись к историческим исследованиям без оглядки на авторитеты, они подчас давали курьезный итог, как это и получилось у А. Т. Фоменко.

Тем не менее в современной науке математические методы занимают вполне достойное место. Как и любой иной метод, они лишь требуют грамотного применения и готовности исследователя принять любой результат. Например, автор еще недавно разделял бытующее в отечественной историографии мнение о том, будто пореформенный русский крестьянин «стонал под гнетом выкупных платежей». Между тем, чтобы понять всю безосновательность подобного утверждения, оказалось достаточным просто поделить сумму поступлений в бюджет Российской империи по статье «выкупные платежи» на число проживавших в стране крестьян. Простейший расчет показал, что, например, в 1890-е годы потомок бывших крепостных вносил в казну не более 4—5 руб. выкупных платежей в год. За тот же срок крестьянин делал покупок на 30—35 руб. (в том числе покупал водки на 6—8 руб.) и мог заработать от 40—45 руб. (плата батраку за полевой сезон во Владимирской губ.) до 100—150 руб. (годовая зарплата ткача) и более. «Стонать» при этом под «гнетом» 4—5 рублей было бы более чем странно. Впрочем, этот подсчет одновременно подтвердил правоту тех критиков реформ П. А. Столыпина, кто утверждал, что полная отмена выкупных платежей в 1907 году не принесла крестьянам существенного облегчения: после первой русской революции пять рублей и впрямь стали казаться пустяковой суммой [5, с. 201].

Выше уже упоминался еще один метод исторического исследования, необоснованно редко применяемый учеными, — метод моделирования. Он состоит в том, что, опираясь на свою гипотезу и законы логики, исследователь строит модель изучаемого события или явления, а затем «прогоняет» через нее исторические факты. Если факты соответствуют модели, она признается точной; если нет, то модель (и лежащая в ее основе гипотеза) остаются недоказанными.

Например, в исторической науке бытует представление, что едва ли не главной причиной неудачи попыток русских дружин отразить нашествие Батые в XIII веке было отсутствие единства наших князей, раздробленность Руси. Однако несложное моделирование ситуации заставляет усомниться в этой «непреложной истине». Действительно, если бы в декабре 1237 года

земли Заокской Руси входили в состав единого «централизованного» государства со столицей, например, во Владимире и подверглись нападению неизвестного противника, то «сидевший» в Рязани наместник великого князя должен был отправить ему известие об этом. Рязанский гонец доставил бы депешу во Владимир не ранее чем через пять дней: по зимнему снегу конный всадник не проскачет за светлое время суток более ста верст. Получив с дальней окраины страны неясное паническое известие, глава государства отправил бы из Владимира в Рязань отряд дружинников для уточнения обстановки. Вместе со сборами в поход это заняло бы еще как минимум неделю. К тому времени, когда отряд прибыл бы в район разведки, от Рязани остались бы одни головешки, а владимирский князь узнал бы об этом от вернувшихся к нему еще через пять-шесть дней гридней буквально накануне подступа татар к самому его стольному граду.

Кстати, эта же ситуация позволяет применить метод ретроспективного анализа. В самом деле, если даже в 1570 году, после ста лет развития Московского государства, объединившего все русские земли, войско Крымского хана Девлет-Гирея легко пробивалось к Москве, то что могла дать тремястами тридцатью годами ранее номинальная «централизация» Руси для борьбы с несравненно более многочисленным противником?

Заканчивая рассматривать отдельные методы исторических исследований, следует лишь добавить, что между ними (как и между разными видами исторических источников) нет глубоких, непреодолимых границ. Один метод может дополняться другим. Важно только, чтобы методы исследования соответствовали его целям и его источниковой базе. Не менее важно, чтобы исследователь помнил о возможных погрешностях каждого из методов и о том, как правильно его применять.

Задача теории научного познания состоит не только в том, чтобы установить границы своей науки, выявить ее информационную базу и определить точность отдельных исследовательских приемов. Теория должна также указать ученому на те опасности, которые могут его подстергать. Анализ научных ошибок прошлого и настоящего следует признать важнейшей задачей любого теоретико-методологического труда. Не претендуя на решение такой задачи, автор ограничивается лишь кратким перечнем тех «ловушек», которых историку следует избегать.

Уверенно можно сказать, что сейчас отечественная историография рассталась с вульгарным социологизаторством и «классизмом». Однако им на смену пришли беды нового времени, которыми обернулся застигший нашу науку врасплох идейный плюрализм, например: нумерология, конспирология, этноцентризм, гендерный шовинизм, неомонархизм, клерикальный фундаментализм. Среди таких бед особое место принадлежит некритическому заимствованию теорий, сложившихся в зарубежных научных школах. Изучать их достижения, конечно, необходимо. Весь вопрос в том, как это делать.

Стремясь упростить работу, скороспелые адепты новомодных научных веяний (на поверку зачастую оказывающихся уже подзабытыми у себя на родине) не подвергают кропотливому анализу конкретно-исторические труды своих учителей с целью выявить оригинальные исследовательские приемы или плодотворные научные концепции, а переводят на русский язык теоретические манифесты и декларации, сформулированные (по традиции евроамериканской социологии) в предельно абстрактных выражениях, напоминающих слог приказной переписки русского средневековья. Чтобы сделать про-

ще и сам перевод, сторонники «новых подходов» просто калькируют или транслитерируют ино- (и косо-) язычные слова: «симулякр», «конструкт», «дискурс», не задумываясь о том, понятен ли будет итоговый текст отечественному читателю. Целью такой работы служит не приобщение своих соотечественников к подлинным научным достижениям, а снисходительное (но материально весомое) одобрение со стороны экспертных советов международных благотворительных фондов, предоставляющих «продвинутым представителям становящихся научных школ» денежные средства на дальнейшую «просветительскую деятельность». В результате нетворческого овладения заемной премудростью в статье авторитетного столичного ученого можно встретить такой пассаж: «История повседневности в изучении ментальных макропроцессов есть форма историзации коллективного бессознательного в большей степени, нежели этнографическая история конкретно-бытовых навыков и обыкновений» [8]. Комментарии тут просто излишни.

Другая беда нашей раскрепощенной исторической науки — нескрываемая пристрастность многих исследователей, подчас не уступающая в тенденциозности «классовому подходу» былых времен. Такую пристрастность еще можно принять в статье, написанной в порядке полемики или в рамках дискуссии. Однако в учебной литературе тенденциозность представляется совершенно недопустимой. Нельзя вырастить историка XXI века, если в его студенческом учебнике встречается такой текст, принадлежащий перу уважаемого московского автора: «К началу учебы в университете Владимир Ульянов являлся уже убежденным ненавистником России... Его с детских лет отличала нелюбовь к России, которую он презирал» [3, с. 350].

Эта статья не претендует на то, чтобы «закрывать» хотя бы часть теоретических вопросов, стоящих перед современной отечественной исторической наукой. Автор счел бы свою цель достигнутой, если бы его скромный труд вызвал размышления и споры коллег и всех читателей, которым не безразлично то, как мы изучаем наше прошлое.

Библиографический список

1. Биск И. Я. Методология истории. Иваново, 2007.
2. Вестник Научно-промышленного общества. М., 2006. Вып. 10.
3. История России с начала XIX века до начала XXI века / Под ред. А. Н. Сахарова; Ин-т Российской истории РАН. М., 2008.
4. Проблемы отечественной и зарубежной истории. Иваново, 1998.
5. Россия: Энцикл. слов. Л., 1991.
6. Степанов А. В. Думское избирательное законодательство 1905 года: опыт непредвзятого анализа // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2005. Вып. 2.
7. Степанов А. В. Власть, пространство и информация в России XVII — начала XX века // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2007. Вып. 2.
8. Этнографическое обозрение. 2004. № 1.

А. В. Карасёва

ЧАСТНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ВРЕМЕНИ ЦИЦЕРОНА

Литературная работа, которой отдавали дань друзья и близкие знакомые Цицерона, требовала немало времени, сосредоточенности и, конечно, доступа к источникам информации. До середины II века до н. э. в Риме не было институтов, сфокусированных на интеллектуальной деятельности в сфере культуры, таких как Ликей в Афинах, Мусейон в Александрии, как институт эфебии в Древней Греции, не было даже публичных библиотек¹. Взаимодействие с греческим миром оказало колоссальное влияние на развитие римской культуры и общества [20, *passim*; 21, p. 422—476; 23, p. 361—405; 24, p. 194—196; 5, с. 305—326; 15, *passim*; 16, p. 159—192], вместе с греческими интеллектуалами пришли греческие книги, греческое знание, греческая система образования. В Риме начали формироваться условия для постепенного развития названных выше институтов, в первую очередь библиотек: накопление книг, создание достаточно большой читательской аудитории для них, появление и освоение в качестве досуга свободного времени, как для чтения, так и для написания книг; развитие торговли и системы коммуникаций для доставления в Рим необходимого количества книг, оборудования и материалов для библиотек, общее повышение уровня культуры и расширение кругозора населения и в первую очередь правящей элиты. Еще в 146 году до н. э. римляне не смогли использовать попавшую в их руки после падения Карфагена обширную библиотеку. Так как находившиеся там книги были написаны на незнакомых языках, римляне оставили себе только 28 томов сочинений Магона по агрикультуре, а остальные или уничтожили, или подарили мелким африканским царькам (*Pl. N.H. XVIII, 22*).

Те из римских нобилей, кто участвовал в военных походах и близко соприкоснулся с Грецией, после возвращения в Рим создавали у себя библиотеки. Основу таких библиотек составляли книги, вывезенные в качестве военной добычи [9, p. 23—24; 13, p. 69; 3, с. 9; 4, с. 221, 232]. Плутарх рассказывает, что Эмилий Павел «не пожелал даже взглянуть на груды серебра и золота, которые извлекли из царской сокровищницы. Он только разрешил сыновьям, большим любителям книг, забрать себе всю библиотеку царя» (Эмилий Павел, 28; пер. С. Маркиша). Библиотека Персея, вывезенная в 167 году до н. э., — первая, относительно которой сохранились сведения о количестве и качестве собрания. Элизабет Раусон предполагает, что в нее не были включены книги современных Персею авторов и этим, может быть, в частности, объяснено тяготение римлян к греческой литературе классического, а не эллинистического периода [21, p. 464]. Предшественники Персея и сам царь не отличались изысканностью литературного вкуса, но ядром библиотеки могло быть собрание Архелая, покровителя Эврипида и других греческих поэтов; кроме того, в IV веке до н. э. македонский двор поддерживал отношения с Академией и

© Карасёва А. В., 2008

¹ Существовали своеобразные «библиотеки» — собрания исторических летописей и законов, таких как «Анналы понтификов», которые были объединены в 80 томов около 120 г. до н. э. и хранились в официальной резиденции Великого Понтифика; «книги магистратов» хранились в храме Юноны Монеты на Капитолии, но подобные собрания были явно недостаточны [13, p. 68].

Аристотелем. Сципион Эмилиан, без сомнения, не ограничивался чтением только Гомера и Ксенофонта, но, по свидетельству Полибия, он цитировал исключительно их и не выпускал из рук «Киропедию» Ксенофонта. Возможно, в библиотеке Персея были труды стоика Персея, писавшего о царской власти и Спартанской конституции, и других стоиков, которым покровительствовал Антигон Гонат, а также киника Биона. Благодаря библиотеке Персея римляне могли познакомиться с трудами астронома, поэта и философа Арата, пользовавшихся большой популярностью в I веке до н. э. — I веке н. э. Появление библиотеки Персея в Риме создало возможности для интеллектуальных занятий на досуге и положило начало новому увлечению состоятельных римлян — собиранию библиотек [13, р. 67—70; 10, р. 21]. В I веке до н. э. библиотека Персея, по мнению Э. Раусон [20, р. 40], все еще находилась в руках потомков сыновей Эмилия Павла — Фабиев или Сципионов. Цицерон встретил уже после смерти Лукулла в библиотеке Сципионов Катона Утичского, роющегося в книгах по стоицизму (*Cic. De fin. III, 7, 10*).

В 60-е годы II века до н. э. в Рим по приглашению Сената прибывает Кратет из Маллы, бывший в то время и главой пергамской школы грамматиков, и библиотекарем царской библиотеки в Пергаме. Его выступления, затрагивавшие проблемы грамматики и филологии, оказали глубокое влияние на научные изыскания римлян в этой области [22, р. 16; *Suet. De grammat., 2*]. Элмер предполагает, что Кратет проявил интерес и к собраниям книг, что также повлияло на римлян. Вполне вероятно, свою библиотеку имел и Метелл Македонский [13, р. 69].

Следующее крупное собрание привез в Рим в 84 году до н. э. Луций Корнелий Сулла после штурма Афин. В его руки попала часть библиотеки Аристотеля (о библиотеке Суллы см.: [3, с. 9; 1, с. 172; 12, S. 416; 13, р. 69; 25, р. 28; 19, р. 540; 17, р. 64; 14, р. 404]). Книжное собрание Аристотеля было одним из самых значительных частных собраний в греческом мире. Как отмечает Страбон в своей «Географии», Аристотель первым стал собирать книги по определенному плану и их классифицировать [*XIII, 1, 59*; 4, с. 221; 13, р. 53]². Он приобрел за 3 таланта книги Свесиппа — преемника Платона и руководителя Академии (*Diog. Laert. IV, 1*). В составе библиотеки Аристотеля были труды последователей Платона и собственные сочинения Аристотеля, сочинения восточных авторов, переведенные на греческий язык. По сообщению Авла Геллия (*N.A. XIII, 5*), умирая, он завещал свою школу и библиотеку Феофрасту. От Феофраста библиотека попала к Нелею и тот увез ее в г. Скепт в Троаде. Страбон в «Географии» (*XIII, 54*) подробно описывает печальную судьбу собрания. После смерти Феофраста наследники, не желая, чтобы книги достались царю Пергама, спрятали их под землей в какой-то яме. Позднее их потомки, люди столь же заурядные, продали испорченные сыростью и червями книги Алелликону из Теоса за большую сумму. Тот попытался восстановить утраченное, но, будучи скорее любителем книг, чем любителем науки, выпустил книги, полные ошибок. Уцелевшие книги из собрания Аристотеля — Феофраста — Апелликона были помещены Суллой в его Кумском поместье [Плутарх. Сулла, 26; 20, р. 40]. Библиотека заключала в себе до 30 000 свитков. Грамматик Тираннион получил доступ в эту библиотеку, привел ее в порядок и переиздал часть книг [*Strabo, XIII, 54*; 13,

² Библиотека насчитывала более 400 свитков и пополнялась подарками друзей и учеников Аристотеля.

р. 69; 3, с. 9]. Сулла оставил свои книги сыну Фавсту, в чьем доме Цицерон видел ее и часто занимался³.

Третье крупное книжное собрание появилось в Риме в результате войны с Митридатом Евпатором. Лициний Лукулл привез библиотеку царей Понта как часть военной добычи и поместил ее в своем пригородном поместье в Тускуле. Он присоединил к ней «множество прекрасных рукописей». Плутарх (Лукулл, 42) сообщает о библиотеках Лукулла, важная из которых, а может быть и две — латинская и греческая, была на его вилле в Тускуле [20, р. 40]. После потери политического влияния и положения Лукулл открыл свою библиотеку и сады для друзей и ученых, особенно для греков, которые собирались там, как в храме Муз [18, р. 81]. Часто Лукулл сам заходил в портики для прогулок и беседовал с любителями учености (Лукулл, 42). После смерти Лукулла книги достались его сыну, Лукуллу Младшему, Цицерон посещал и эту библиотеку (*Cic. De fin. III, 7, 10*).

Таким образом, греческие библиотеки составили основу первых частных собраний Рима [26, р. 104]. К середине I века до н. э. частные библиотеки стали общим увлечением зажиточных римлян [10, р. 20—21; 6, с. 277—278]⁴. В образованных кругах книга так высоко ценилась, что нередко в награду или как знак внимания преподносилась в качестве подарка⁵, тем более что, по замечанию Гастона Буассье [2, с. 160], любовь к хорошим книгам «тогда, как и теперь, была очень дорогая прихоть»⁶. Большинство римских писателей имели хорошо подобранные библиотеки, содержащие также и их собственные произведения, и часть корреспонденции. Есть свидетельства, что и многие другие римляне, в том числе юристы и врачи, подбирали себе неплохие библиотеки. Размер их колебался в зависимости от доходов владельца от нескольких десятков свитков (поэт Марциал имел всего 120) и сотен свитков (после поэта Персия осталось 700) до десятков тысяч [8, с. 92; 13, р. 73; 6, с. 278]⁷. Наиболее интересные сведения о частных библиотеках первой половины I века до н. э. содержатся в переписке Цицерона. Сам Цицерон страстно любил книги⁸ и заботился о создании больших и хорошо подобранных библиотек [1, с. 182—187; 19, р. 54; 17, р. 68], находил в них утешение во время политических невзгод [7, с. 238]⁹. Он имел библиотеку в Риме, Анции и Тускуле¹⁰. Цицерон стремился приобрести ценные рукописи и даже целиком скомпонованные библиотеки¹¹, в чем ему помогал его друг и издатель Тит Помпоний Аттик, имевший прекрасный скрипторий¹² и живший долгое время в Греции, где он мог покупать редкие рукописи в хорошем

³ *Cic. ad Att. IV, 10, 1: Ego hic pascor bibliotheca Faustii...*

⁴ *Cic. ad fam. IX, 4; ad Q. fr. I, 1, XIII, 37; ad Att. I, 20, 7; II, 1, 12.*

⁵ *Cic. ad fam. III, 9, 3; ad Att. I, 20, 7; II, 1, 12; II, 4, 1; Suet. De grammaticism, 17, 1.*

⁶ См. также: *Cic. ad Att. II, 4, 1; I, 10, 4; I, 4, 3; Cic. ad fam. XIII, 77, 3.*

⁷ У воспитателя императора Гордиана Младшего Сирена Саммоника было 62 000 свитков.

⁸ *ad Att II, 6, 1: libris me delecto- quorum habeo Antii festriam copiam; ad Att. IV, 10, 1: Ego hic pascor bibliotheca Faustii; ad Att. I, 10, 4: arcem amatorem; ad Att. I, 11, 3: Libros vero tuos cave cuiquam tradas... Summum me eorum studium tenet.*

⁹ *Cic. ad fam. VII, 33, 2.*

¹⁰ *Cic. ad Att. IV, 8, 2; ad fam. VII, 22; IX, 4; XVI, 18, 3.*

¹¹ *Att. I, 7; I, 10, 4; I, 11, 3; I, 4, 3.*

¹² *Nep. Att., 13, 3.*

издании. Э. Раусон предполагает, что Цицерон мог унаследовать библиотеку от Фавста Суллы [20, р. 40—41] так же, как он унаследовал через Папирия Пета греческие и латинские книги его брата, ученого Сервия Клавдия [22, р. 22]¹³. Часть книг Цицерон получал путем обмена (*Cic. ad Q. fr. III, 4, 5*), многие пересылали ему в качестве подарка¹⁴ или для того, чтобы рабы-переписчики сделали для библиотеки Цицерона копию (*ad Att. II, 20, 6*). Пополнение библиотек доставляло Цицерону большое удовольствие¹⁵, т. к. он, по его словам, с каждым днем все больше отдыхал за чтением книг¹⁶, наслаждаясь «общением с музами» (*ad Att. II, 4, 2; II, 5, 2*; пер. В. О. Горенштейна). Для устройства библиотеки Цицерон обращался к помощи своего друга грамматика Тиранниона (*ad Att. IV, 8, 2*), вольноотпущенника Тирона (*ad fam. XVI, 20*) и Аттика, присылавшего по просьбе Цицерона обученных рабов и дававшего ценные советы [22, р. 22]. Дионисий и Менофил под руководством Тиранниона расставили книги, снабдили их ярлычками — ситтибами, на которых были названия произведений и имена авторов, составили каталог книг¹⁷. Цицерон признавался друзьям, что от вида приведенных в порядок полок с ситтибами он получает эстетическое удовольствие¹⁸ и ему кажется, что комнаты библиотеки получили разум¹⁹. Большое внимание Марк Туллий уделял украшению библиотек гермами, статуями, картинами²⁰. В Тускульском имении к библиотеке примыкали крытые галереи. По замыслу Цицерона им придали сходство с греческими гимназиями, один из которых получил название Академии (*Cic. De fin. III, 10*), а другой — Ликея (*Cic. De div. I, 8; II, 8*) в честь прославленных философских школ. Украшения библиотек Цицерон подбирал в соответствии со своими занятиями²¹. Так, для Академии ему нужна была герма с головой Афины Паллады, ибо изображение богини мудрости больше всего подходило, по его мнению, для оформления этого помещения (*ad Att. I, 4, 3*). Цицерон просил Аттика прислать в возможно большем числе и другие предметы, способные стать отличительным украшением именно этого гимназия.

Вероятно, у Цицерона была библиотека в Помпейской вилле²². После продажи имения в Анции Цицерон купил виллу известного римского оратора Гортензия на острове в течении реки Астуры, и книги из Анция скорее всего переместились сюда²³. Таким образом, всего у Марка Туллия было не менее четырех собственных библиотек.

Его брат, Квинт Цицерон, приобрел две виллы около Арпина, одна из которых имела палестру. Так же, как и в Тускульской вилле Марка, палестра использовалась скорее ради интеллектуальных, а не физических упражнений

¹³ *Cic. ad Att. I, 20, 7; II, 1, 12.*

¹⁴ *Cic. ad fam. III, 4; III, 9, 3; ad Att. XV, 15, 2.*

¹⁵ *supero Crassam divitius atque omnium vicos et prata contemno (ad Att. I, 4, 3).*

¹⁶ *ad Att. I, 20, 7: ego autem quotidie magis... in his studiis conqiesco.*

¹⁷ *ad Att. IV, 8, 2; ad Att. IV, 4a, 1; IV, 5, 3.*

¹⁸ *ad Att. IV, 8a, 2 — nihil venustius. quam illa tua pegmata...*

¹⁹ *Mens addita videtur meis aedibus — ibid.*

²⁰ *Cic. ad Att., I, 6; I, 5, 7; I, 7; I, 8, 2; I, 9, 2; I, 10, 3; I, 11, 3; I, 3, 2; I, 4, 3; I, 1, 5; ad fam. VII, 23, 1—3.*

²¹ *ad fam. VII, 23, 2 — studiis nostris congruens.*

²² *Cic. ad Att. IV, 11, 2; nos hic voramus litteras cum... Dionysio.*

²³ *ad Att. XII, 15; XII, 16; XII, 18, 1.*

[20, р. 40—41]. На основании писем можно утверждать, что среди книг Квинта Цицерона были философские труды Феофраста и исторические труды Каллисфена и Филиста²⁴.

Имел библиотеки и известный ученый, литератор, автор 74 сочинений в 640 книгах Марк Теренций Варрон Реатинский. Марк Туллий Цицерон был с ним дружен и высоко ценил его огромные знания (*Cic. Acad. I, 9; Brut, 205*). Варрон, как и Цицерон, имел виллы в Тускуле и Кумах. В пригородном поместье у Казина он устроил «Мусейон», подобный Академии и Ликейю Цицерона в Тускульской вилле. Так же, как и у Цицерона, при библиотеке был разбит сад (*Cic. ad fam. IX, 4*). Именно там Варрон написал большую часть своих трудов. В Тускульском поместье он проводил большую часть времени после гибели Помпея и, возможно, также устроил там библиотеку [20, р. 41]. Варрон написал сочинение в трех книгах «О библиотеках» (ныне утерянное), которое было источником всех последующих работ об античных библиотеках Светония, Плиния Старшего [13, р. 73; 26, р. 10]. Не случайно именно Варрону в 47 г. до н. э. Цезарь поручил создание первой общественной греческой и латинской библиотеки (*Suet. Div. Jul., 44*). Участие в гражданской войне стоило Варрону прекрасных библиотек, уничтоженных во время проскрипций при разгроме его поместий (*Aul. Gell. N. A. I, 18; III, 10, 17*).

Тит Пинний, друг Цицерона и Варрона, которому Варрон посвятил вторую книгу «*De rebus rusticis*», имел виллу, стены которой были украшены свитками сочинений, в том числе и самого Пинния (*Varr. RR. III, 1, 10*). Можно упомянуть также библиотеку Тиранниона [20, р. 42; 12, S. 416]²⁵ и Азиния Поллиона, друга Вергилия и Горация. После смерти Октавиана Августа он основал две общественные библиотеки — одну на Марсовом поле, другую — на Палатинском холме (*Pl. N.H. VII, 30*), сделав тем самым, по словам Плиния Старшего, «таланты людей общественным достоянием»²⁶. Азиний Поллион предложил украсить библиотеку бюстами знаменитых писателей, и из его современников такой чести удостоился лишь Теренций Варрон (*Pl. N.H. VII, 35, 10*). Светонием приписывается Азинию Поллиону также строительство *Atrium Libertatis* на Авентинском холме, в котором была размещена библиотека из греческих и латинских книг [10, р. 12; 13, р. 70]. К уже помещенному там общественному архиву Азиний Поллион добавил собранные им книги и открыл библиотеку для публики в 37 году до н. э., создав первую известную публичную библиотеку в Риме.

Одной из самых великолепных и по качеству собрания, и по организации библиотечного дела была, без сомнения, библиотека Тита Помпония Аттика в Риме (*Cic. ad Att. XII, 14, 3*). Она насчитывала более 20 000 свитков [13, р. 73] и была подобрана в соответствии со склонностями и интересами Аттика. В ней были собраны труды философов различных философских школ²⁷, многочисленные трактаты об устройстве государства²⁸, географиче-

²⁴ *Cic. ad Att. II, 3, V* и труды исторические (*ad Q. fr. II, 11, 4*). Не случайно одну из вилл под Арпином — в Латерии — Марк Цицерон называет *tamquam philosopha videtur esse, quae objurget ceterarum villarum insaniam* (*ad Q. fr. III, 1; II, 5*).

²⁵ Принято считать, что в ней было до 30 000 свитков.

²⁶ *Ingenia hominum publicam fecit*.

²⁷ *Cic. ad Att. XII, 14; XII, 38, 4; XIII, 8; XIII, 31, 2; XIII, 33; XIII, 39, 2; XV, 2, 6; XV, 27*.

²⁸ *ad Att. XIII, 32, 2; XIII, 44, 3*.

ские трактаты и поэмы²⁹, сочинения Деметрия из Магнесии³⁰, Дикеарха (*ad Att. XIII, 31, 2*), Варрона (*ad Att. IV, 14, 1*); исторические труды и анналы греческих и римских писателей³¹, а также выписки из них и комментарии (*ad Att. XIII, 8*). Была неплохая подборка писем³², речей³³ и политических памфлетов (*ad Att. XII, 44, 1*). В библиотеке имелось большое количество рукописей греческого происхождения [12, S. 416]. По свидетельству Корнелия Непота, Аттик подобрал и особо обучил многочисленный штат рабов — библиотекарей и переписчиков и с его помощью хорошо восстанавливал или делал проверенные копии с латинских и греческих текстов (*Nep. Att. 13, 3*). Копии с сочинений Эсхина, Демосфена и Платона были такого высокого качества, что впоследствии они стали известны под наименованием аттиковых. Аттик часто одалживал книги друзьям и для пользования, и для снятия копий³⁴ и разрешал наиболее близким пользоваться библиотекой. В одном из писем Цицерон просит Аттика, чтобы его допускали в библиотеку в отсутствие хозяина для работы над трактатом «О государстве» (*Cic. ad Att. IV, 14, 1*). Таким образом, Аттик становился незаменимым для своих образованных друзей, и в то же время библиофильство Аттика поддерживало и укрепляло его репутацию знатока и любителя литературы, что соответствовало его интересам. Библиотека Аттика была украшена изображениями писателей (*Cic. ad Att. IV, 10, 1*).

Для размещения библиотек римляне строили особые помещения как в городских, так и в пригородных поместьях. Витрувий в трактате «Об архитектуре» настаивает на том, что знатные, занимающие государственные должности римляне должны иметь подобающие их статусу просторные и великолепные, сооруженные с пышностью библиотеки, картинные галереи и базилики (*VI, 5*). Планируя дом, Витрувий неизменно отводил место для библиотеки в восточной части здания, с тем чтобы можно было начинать занятия ранним утром и чтобы книги не портились из-за сырости, плесени и червей (*VI, 4*).

Римляне унаследовали от греков любовь к соединению досуга, посвященного чтению и занятиям науками, с красотой природы. Поэтому в пригородных виллах рядом с библиотекой разбивался сад, здание и колонны портика увивались плющом³⁵. От греков же пришел обычай помещения изображений знаменитых писателей в виде бюстов и статуй — уже в Пергамской библиотеке были изображения Гомера, Алкея, Геродота, Тимофея Милетского [3, с. 17]. Со времени Азиния Поллиона в залах находились и статуи современников [*Suet. Tib., 70; 3, с. 17—18*]³⁶.

²⁹ *ad Att. II, 4, 1; II, 20, 6; II, 22, 7; XII, 31, 2.*

³⁰ *ad Att. IV, 11, 2; VIII, 11, 7.*

³¹ *ad Att. XII, 3, 1; XIII, 30, 3; XIII, 32, 2; XIII, 44, 3.*

³² От писем Дикеарха к Аристоксену (*ad Att., XIII, 32, 2*) до писем современников Аттика, например Люция Сауфея (*ad Att. XIV, 18, 4*) или Цицерона (*ad Att. XIII, 6, 1—3*).

³³ *ad Att. XIII, 48, 2; VI, 3, 10.*

³⁴ *Cic. ad Att. VIII, 11, 7, 12, 6; IX, 9, 2.*

³⁵ *Cic. ad fam. IX, 4; ad Q. fr. I, II, 3, 5; III, 1; IV, 14; ad Att. II, 3, 2.* Обращаясь к Варрону, Цицерон замечает: «Если у тебя при библиотеке есть сад, ни в чем не будет недостатка» (*Cic. ad fam. IX, 4*; пер. В. О. Горенштейна).

³⁶ Цицерон любил сидеть в библиотеке Аттика в «креслице под изображением Аристотеля» (*Cic. ad Att. IV, 10, 1*). Великолепная коллекция небольших, размещае-

Персонал библиотек первоначально состоял из высокообразованных рабов или пленников из Малой Азии и Греции. Позднее библиотекарями становились римские ученые и писатели. Все библиотекари Тита Помпония Аттика были рабами [20, р. 45]³⁷. Хрисипп, вольноотпущенник Цицерона, возможно, был его библиотекарем (*Cic. ad V, б*). Тираннион, помогавший навести порядок в библиотеках Цицерона, пострадавших во время изгнания, был захвачен Лицинием Лукуллом на острове Родос и привезен в Рим около 72 году до н. э. Ему вскоре удалось получить свободу и стать учителем греческого языка. Позднее он разбогател и как книгоиздатель и ученый стал другом и доверенным лицом римских ученых и государственных деятелей. Тираннион давал советы по устройству библиотек многим знатным библиофилам, в том числе и Луцию Корнелию Сулле, и его сыну Фавсту Сулле. Андроник Родосский, учитель Страбона, составил каталог библиотеки Суллы [13, р. 81], изучил и переиздал дошедшие благодаря этой библиотеке сочинения Аристотеля.

Книги в римских библиотеках располагались по разделам, но классификация их неизвестна, т. к. многочисленные библиографические труды периода Поздней Римской республики — Ранней Римской империи как на греческом языке (Геренния Филона), так и на латинском (Теренция Варрона, Светония, Плиния Старшего) дошли до нас только в названиях [3, с. 11; 13, р. 82].

Первоначально многие собиратели библиотек часто сами переписывали для себя научные и литературные сочинения [13, р. 53; 20, р. 43—44; 4, с. 229]³⁸. С появлением большого количества образованных и специально обученных рабов из Греции и эллинистического Востока можно было заказать копии у владельца скриптория или купить в книжной лавке [8, с. 89]³⁹. Далеко не каждый переписчик мог тщательно выполнить такую работу⁴⁰, поэтому не всегда в распоряжении владельцев оказывались копии приемлемого качества. К тому же книжная торговля в Риме периода Поздней республики все же была не развита [20, р. 44]. Приобретать книги помогали путешественники: поэт Цинна во время путешествия по Малой Азии нашел и подарил своему другу хорошую копию поэмы Арата [*ibid.*]; как уже отмечалось при рассмотрении библиотеки Цицерона, часть книг библиофилы получали путем обмена, другие — в подарок. Кроме того, владельцы значительных частных библиотек охотно позволяли пользоваться своими книжными собраниями друзьям и хорошим знакомым и пересылали книги во временное пользование.

Собранные таким образом библиотеки способствовали насыщению досуга интеллектуальными занятиями и качественному усложнению интеллектуального труда. Стиль жизни и виллы, домусы, библиотеки, сады демонстрировали приверженность ученым занятиям, уподобляли обитателей греческим мудрецам и писателям, учившим и обучавшимся в Ликее и Академии. Книги,

мых на полках и столиках бюстов греческих и римских философов, поэтов, писателей представлена в Национальном археологическом музее в Неаполе, в чем могла убедиться автор статьи в октябре 2007 г.

³⁷ Друман перечисляет по именам рабов — переписчиков и библиотекарей Аттика [11, S. 68—70].

³⁸ *Cic. ad Q. fr. III, 4, 5; ad Att. II, 4, 1; II, 21, 7; III, 12, 2.*

³⁹ Копии и заказ копий в скриптории (*ad Att. II, 20, 6; XV, la, 2; XIII, 21, 5*), в книжных лавках (*ad Q. fr. III, 5, 6*).

⁴⁰ *Cic. ad Q. fr. III, 5, б — дело это трудное, оно для очень прилежного человека — Cic ad Q. fr. III, 4, 5.*

дружеские связи, литературная работа связывали образованных людей; общность занятий и интересов порождала и особенности образа жизни (любовь к книжным собраниям и возможность общаться с избранными друзьями, совместные рецитации, стилизация пространства и поведения и т. д.). Сама изучаемая группа интеллигенции конституировалась в результате культивирования особого стиля жизни и напряженной интеллектуальной деятельности.

Библиографический список

1. *Борухович В. Г.* В мире античных свитков. Саратов, 1976.
2. *Буассье Г.* Цицерон и его друзья. СПб., 1993.
3. *Вехов С.* Библиотеки в древнем мире. Варшава, 1899.
4. *Винничук Л.* Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.
5. *Гаспаров М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1.
6. *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена империи). СПб., 1899. Т. 1.
7. *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1986.
8. *Ярвыш Ф.* Книжное дело у греков и римлян // Сб. ст. по классической древности / Изд. Киев. отд-ния о-тва классической филологии и педагогики. Киев, 1887. Вып. 3.
9. Cambridge history of classical literature: Vol. 2. Latin history / Ed. by E. J. Kenney. Cambridge, 1983.
10. *Clark J. W.* The Care of Books. Cambridge, 1901.
11. *Drumann W., Groebe P.* Geschichte Roms. Leipzig, 1912. Bd. 5.
12. *Dziatzko K.* Bibliotheken // RE. 1899. Bd. 3.
13. *Elmer D.* History of libraries in the Western World. N. Y., 1970.
14. Encyclopedia of library and information science. N. Y., 1967. Vol. 1.
15. *Gruen E. S.* Culture and national identity in Republican Rome. L., 1993.
16. *Gruen E. S.* Greek culture and Roman policy. Leiden; N. Y.; Köln, 1990.
17. *Johnson E. D.* History of libraries in the Western World. N. Y.; L., 1965.
18. *Kenyon Fr.* Books and readers in Ancient Greece and Rome. Oxford, 1951.
19. *Pinner M. L.* The world of books in Classical Antiquity. Leiden, 1949.
20. *Rawson E.* Intellectual life in the Late Roman Republic. Baltimore, 1985.
21. *Rawson E.* Roman tradition and the Greek world // CAH. 1989. Vol. 3².
22. *Reynolds L. D., Wilson N. G.* Scribes and scholars: A Guide to the transmission of Greek and Latin literature. Oxford, 1986.
23. *Scullard H. H.* A History of the Roman world 753 to 146 BC. L., 1980.
24. *Scullard H. H.* From the Gracchi to Nero: A history of Rome from 133 BC to AD 68. L., 1970; L., 1980 (4 rev. ed.).
25. *Thompson I. M.* Ancient libraries. Berkeley, 1940.
26. *Vleeshauwer H. I.* History of the library in Antiquity // Mousaion. 1963. Vol. 71. Pt. 2.

В. А. Евсеев

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНИХ И МЕЛКИХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АНГЛИИ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

История перехода английского общества от феодализма к капитализму предполагает рассмотрение широкого круга вопросов. Один из них — социально-экономическое развитие городов на рубеже Средневековья и Нового времени (XVI—XVII вв.).

Период с XVI по XVII в. был чрезвычайно сложен для английских городов. Переходная эпоха оказала огромное влияние на всю их последующую историю, т. к. в то время происходило разложение старых (феодалных) отношений и возникновение новых (капиталистических). Эти решающие факторы привели к значительным изменениям во всех сферах городской жизни — от экономики до идеологии. Начался новый этап в развитии городов, изучение которого нашло свое отражение в обширной литературе, опубликованной историками за последние десятилетия [1, с. 3—15, 136—139].

Перед английским обществом XVI—XVII вв. стоял ряд важных проблем. Упадок экономики в старых корпоративных городах, особенно в первой половине XVI в., обусловленный дальнейшим замыканием цехов, ужесточением муниципальной и цеховой регламентации, конкуренцией сельского ремесла был одной из них. В то же время наряду со старыми корпоративными городами возникали новые, где не было цехового и муниципального регулирования и уже на капиталистических началах развивались новые центры промышленности, организованные в виде рассеянной и централизованной мануфактуры.

В городской иерархии в Восточной Англии после Нориджа стояли четыре старых корпоративных города — Кингс Линн и Ярмут в Норфолке, Ипсуич и Бери Сент Эдмундс в Суффолке. Все они были важными центрами в своих графствах. Первые три являлись также крупными портами, через которые шел вывоз продукции региона и ввоз товаров из других стран и районов Англии. Эти города обычно входили в первую десятку по богатству и населению среди провинциальных английских городов XVI—XVII вв., т. е. стояли непосредственно после городов-графств, занимавших первые пять мест [6, р. 176—177]. Их население росло в этот период такими же темпами, как и в Норидже, т. е. в течение XVI в. оно почти удвоилось.

Кингс Линн вырос с 4,5 до 8 тысяч жителей, Ярмут — с 4 до 8 тысяч, Ипсуич — с 3,1 до 5 тысяч, и только население Бери Сент Эдмундса, судя по данным Дж. Пэттена, росло более медленными темпами, увеличившись всего на 27 % (с 3,5 до 4,5 тысяч человек) (табл. 1). Разрыв в населении между этими городами и их провинциальной столицей увеличился с 3,5 тысяч в начале XVI в. до 7 тысяч человек в начале XVII в. Экономическое и социальное развитие данных городов было более ограниченным, чем Нориджа, который, например, притягивал учеников со всего региона, особенно в радиусе 30 миль, и даже из более отдаленных графств — Йоркшира, Уэстморленда и Камберленда, дававших примерно 5 % всех учеников [2]. Подобная картина характерна и для Бристоля, тогда как Ярмут и Ипсуич привлекали учеников из своей округи радиусом в 15 миль [9, р. 111—129]. Все эти города имели значительное коли-

© Евсеев В. А., 2008

чество разных специальностей, которых, по подсчетам Дж. Пэттена, в XVI — первой половине XVII в. было от 77 в Ярмуте до 101 в Кингс Линне [8, р. 251, 273]. Указанные города были также известными центрами торговли, промышленности и рыболовства. Кингс Линн стоял посредине огромной речной системы, проникавшей в Восточную и Центральную Англию, по которой шла торговля зерном. Ярмут являлся центром судостроения и рыболовства, а с начала XVII в. стал принимать участие в углеторговле Ньюкасла. Ипсуич в XVI в. занимал значительное место в экспорте сукна, хотя в XVII в. его экономическое развитие пострадало от упадка старого сукноделия, сосредоточенного на границе Суффолка и Эссекса. С начала XVII в. он стал также иметь большое значение в снабжении Лондона продуктами, в первую очередь маслом и сыром. В отличие от портовых городов, Бери Сент Эдмундс не имел заметного промышленного уклона, но зато был конкурентом Ипсуича в Суффолке как административный, социальный и тем более религиозный центр.

Таблица 1

Население некоторых городов Восточной Англии в XVI—XVII вв. [8, р. 251]

Город	Год					
	1524		1603		1670	
	Население (абс.)	Изменение населения, %	Население (абс.)	Изменение населения, %	Население (абс.)	Общее изменение, %
Норидж	8 000	+37	15 000	+81	20 000	+150
Кингс Линн	4 500	+33	8 000	+50	9 000	+100
Ярмут	4 000	+37	8 000	+81	10 000	+150
Бери Сент Эдмундс	3 550	+26	4 500	+37	6 200	+74
Ипсуич	3 100	+61	5 000	+58	7 900	+154
Уэймондхет	1 450	+10	1 600	+93	3 100	+113
Хадлейх	1 500	+16	1 750	+20	2 100	+40
Биклес	1 200	—8	1 100	+59	1 750	+45
Садбери	1 200	+12	1 350	+48	2 000	+66
Дунвич	1 150	—26	850	—64	300	—73
Литл Уолсингем	1 100	—27	800	+6	850	—22

В начале XVI в. эти города, как и многие другие провинциальные центры их ранга, испытывали экономическую стагнацию. Ярмут имел трудности с заиливанием его гавани в XVI в., а на Ипсуич воздействовали колебания морской торговли. Бери Сент Эдмундс в значительной степени пострадал от Реформации как крупный религиозный центр паломничества, ибо было закрыто его огромное аббатство, а оно давало работу специалистам 40 ремесел (от портного до паяльщика) [8, р. 266].

В качестве типичного примера развития городов этого класса в Восточной Англии XVI—XVII вв. рассмотрим историю Ипсуича. Уже в XIII в. это был крупный порт, куда поставляли вино из Бордо, лес, железо, кожи из Гамбурга, шелк из Италии. В XIV в. с развитием сукноделия Ипсуич стал вывозить не только шерсть и шкуры, но и сукно. В XV в. купцы города уже посылали свои суда к Исландии за рыбой. В эти века город был больше посредником в торговле между европейскими купцами и производителями из внутренних районов Суффолка, чем центром промышленности [10, р. 31—32; 13, р. 648—650].

В XVI—XVII вв. богатые сукноделы Суффолка давали кредиты купцам Ипсуича, которые торговали сукном от Испании до России. К началу XVI в. сукноторговля города достигает своего зенита, а разбогатевшие купцы начинают перестраивать свои дома [10, р. 33].

К началу XVII в. в Ипсуиче была комплексная экономика без особого преобладания каких-либо отраслей. Об этом говорит структура занятости населения города в первой половине XVII в. (см. табл. 2.). Сукноделы (12 %) и текстильщики (10,2 %) вместе составляли 22 %, моряки — 18 %, кожевники — 15 %, металлисты — 8,4 %, торговцы и транспортники — 7,1 %, продовольственные ремесленники — 6,8 %, строители — 5,4 %. Наличие большого количества моряков и кораблестроителей говорит о значимости Ипсуича в морских перевозках. Его корабли плавали в Испанию, Францию, Нидерланды и Балтийские страны. Поэтому судовладельцы, кораблестроители, моряки и связанные с ними ремесленники были, конечно, наиболее важны для экономики города в XVII в. В регистре учеников города в XVII в. записан 381 человек, из них 203 — у моряков и 49 — у кораблестроителей [11, р. 102], что говорит о важности мореплавания для Ипсуича.

Таблица 2

Структура занятости населения Ипсуича в XVII в., % [11, р. 102]

Виды занятий \ Год	1603—1660	1661	1662—1714
Моряки	18,3	15,6	11,7
Торговцы и транспортники	7,1	11,3	8,8
Текстильщики	10,4	8,2	2,4
Сукноделы	11,8	5,4	4,1
Кожевники	15,2	12,2	12,2
Металлисты	8,4	5,7	6,2
Деревообработчики	3,4	2,3	2,8
Строители	5,4	4,5	5,7
Продовольственные ремесленники	6,8	7,9	14,1
Интеллигенция	3,6	2,8	5,2
Слуги	0,3	0,9	0,8
Джентри	1,9	13,6	6,5
Остальные (различные)	7,4	9,6	20,7
Общее количество (абс.)	1007	353	1096

Тоннаж флота города с 1582 по 1702 г. увеличился более чем в 6 раз, выдвинув Ипсуич на 3-е место после Лондона и Бристоля и обогнав Ньюкасл и Ярмут [4, р. 35]. В 1582 г. тоннаж кораблей Лондона был больше тоннажа Ипсуича в 6,5 раз, а в 1702 г. в 12 раз.

В начале XVII в. Ипсуич играл ведущую роль в углеторговле между Ньюкаслем и Лондоном. Он имел флот в 50 с лишним угольщиков грузоподъемностью от 200 до 300 тонн, и каждый из них делал по 6 рейсов в год [7, р. 26]. Ипсуич являлся также одним из главных торговых центров Восточной Англии по вывозу продукции текстильной промышленности из Суффолка. Сукноторговля находилась в основном в руках Восточной компании,

которая монополизировала рынок Балтийских стран, а среди ее членов были и купцы Ипсуича. Таким образом, благосостояние купцов, судовладельцев и шкиперов города в значительной степени зависело от процветания сельской текстильной промышленности Суффолка, которая к этому времени стала разрушаться с двух сторон. Во-первых, это внутренняя конкуренция между старым сукноделием, преобладавшим в течение почти всего XVI в. и выпускавшим тяжелые виды сукна, частично окрашенного, и новым сукноделием, которое вырабатывало более дешевые, легкие, различные по текстуре и цвету ткани. Эти виды сукна стали очень популярны в Англии и на континенте. Их экспорт увеличился в 5 раз с 1600 по 1640 г. [11, р. 104]. От такой конкуренции старое сукноделие Суффолка очень пострадало. После 1600 г. длинные сукна почти полностью исчезли из экспорта. Во-вторых, это внешний фактор, ибо процветание текстильной промышленности Восточной Англии в основном базировалось на экспорте ее продукции и благоприятных условиях на заморских рынках. Тридцатилетняя война, порча польской и германской монеты принесли хаос на рынки Балтики. В 1622 г. сукноделы Суффолка потеряли более 30 тысяч фунтов из-за банкротства купцов Ипсуича [10, р. 37], т. к. сукно оказалось непроданным. Например, Восточная компания в 1626 г. экспортировала из Ипсуича 3340 кусков сукна, а в 1627 г. только 728 кусков [14, р. 268]. В результате этого для города наступил почти полный упадок торговли текстилем на Балтике. В частности, это отразилось на падении доходов от пошлин на сукно [12, р. 228—243].

Таблица 3

Каботажные перевозки масла и сыра в Лондон в 1687—1688 гг., % [3, р. 29]

Снабжающий регион	Масло	Сыр
Северо-Восточное побережье	70,4	10,1
Суффолк	23,9	9,3
Норфолк	0,2	—
Северо-Западное побережье	—	80,4
Другие	1,0	0,2
<i>Всего</i>	100	100

Сдвиги в местной промышленности в середине XVII в. привели к изменению направления и форм торговой активности судовладельцев и купцов Ипсуича. Посредническая углеторговля перешла в Ярмут и растущие северные порты — Сандерленд и Уитби, а экспорт тканей в Балтийские страны почти исчез. Но эти изменения не означали упадка морского транспорта, который теперь почти полностью стал использоваться для каботажной торговли. В конце XVII в. Ипсуич превратился в важного экспортера сельскохозяйственной продукции в Лондон, т. к. бурный рост его населения поднял спрос на продовольствие и стимулировал его вывоз из других регионов, в том числе и из Восточной Англии. В итоге судовладельцы и шкиперы Ипсуича получили новое направление их деятельности вместо пришедших в упадок старых [4, р. 56; 16, р. 44]. В XVII в. сыр, масло и зерно шли из Суффолка в Лондон. На долю Суффолка приходилось почти 1/4 ввозимого в Лондон масла и сыра (табл. 3). В то же время порт продолжал выполнять роль регионального центра, импортируя широкий круг товаров и затем распределяя их по внутренним районам графства. Таким образом, мы видим, что каботажные плавания стали преобладающими в морской торговле города.

Таблица 4

Имущественная структура в Ипсуиче по инвентариям в 1583—1714 гг.
[11, p. 116]

Общая сумма инвентарий, ф. ст.	1583—1600 гг.	1601—1660 гг.	1661—1714 гг.	Всего
	Количество инвентария, %			
Более 1000	—	—	2,1	1,4
751—1000	—	—	1,4	0,9
501—750	—	2,1	3,5	2,7
250—500	3,2	6,4	6,9	6,3
101—250	6,5	12,8	19,4	16,2
51—100	9,7	27,7	15,9	17,6
26—50	16,1	17,0	4,1	11,7
До 25	64,5	34,0	41,7	43,2
Общее количество (абс.)	31	47	144	222

В Ипсуиче всегда было много моряков, но они редко занимали посты в управлении городом. Они различались по имущественному положению: от простого бедного матроса до богатого судовладельца. Другие ремесленники тоже были тесно связаны с морским флотом — это кораблестроители, канатчики, изготовители парусов и такелажа. В начале XVII в. Ипсуич являлся вторым по важности центром судостроения в стране. Торговцы в городе также имели различия между собой. Одни торговали оптом, а другие в розницу. К последним можно присоединить возчиков, которые занимались исключительно перевозкой грузов. К оптовикам относились купцы, занятые в заморской торговле, в основном на Балтике. Они занимали ведущее положение в политике и экономике города в начале XVII в. Некоторые из этих купцов были очень богаты (табл. 4). Упадок Балтийского направления торговли Ипсуича подорвал основу их политической власти, и после 1660 г. правящая группа стала более разнородной [11, p. 106]. Тем более что в Ипсуиче не существовало компаний купцов-авантюристов, которые были в региональных столицах и укрепляли их правящую элиту.

Следующая группа городов Восточной Англии — это многочисленные рыночные центры, которых насчитывалось в регионе более 40. Их население колебалось от 500 до 1500 человек. В этих городках был рынок, который работал один или два раза в неделю, а в некоторых из них проходили и ярмарки. Почти все рыночные местечки имели текстильные специальности ткачей и портных [8, p. 254], т. е. значительная часть населения была занята в ведущей отрасли промышленности региона — сукноделии. Некоторые городки на западе Суффолка, например Хадлейх и Садбери, были в XVI в. известными центрами по производству старого и нового сукна [14, p. 267], а Вудбридж — важным портом в прибрежной торговле графства. В регионе существовало около десятка таких крупных городков с населением в 1000 или чуть более жителей. В каждом из них имелся рынок и насчитывалось более двух десятков торгово-ремесленных занятий [8, p. 251—254]. В основном это были наиболее распространенные специальности — ткачи, портные, плотники, башмачники и кожевники. Население рыночных городков росло, хотя и не такими большими темпами, как в крупных городах региона. Из 42 мелких городков 12 удвоили свое население, а в двух оно сократилось в тече-

ние XVI—XVII вв. За этот же период разрыв в количестве жителей между рыночными и корпоративными городами региона увеличился в два раза: с 1500 до 3000 человек (табл. 1).

В первой половине XVII в. в рыночных городках появляются специальности, которые в XVI в. были только в крупных городах — это продуктовые ремесленники (пивовары, мясники, пекари), содержатели постоянных дворов, аптекари, различные торговцы. В формах торговли происходят важные сдвиги: быстро растет количество различных лавок, не только в городах, но и в деревнях Восточной Англии [8, р. 278]. Лавки стали появляться тогда, когда уровень ежедневного спроса уже не мог удовлетворяться еженедельным рынком и бродячими коробейниками, чей запас товаров был невелик и неразнообразен. Лавки открылись даже в деревнях. Они постепенно брали на себя функции рыночного местечка, где продавались товары галантереи и бакалеи. В то же время сырье и продовольствие по-прежнему покупались и продавались на рынках. Улучшение транспортных возможностей в середине XVII в. способствовало укреплению регулярной торговли, усилению более крупных торговых центров, откуда распределялись товары, а это, в свою очередь, ослабляло позиции мелких рыночных городков в торговле. Кроме того, рыночные местечки несли в себе деревенские черты, т. к. были тесно связаны с сельской округой через аграрные занятия самих жителей, местную промышленность и через манориальные формы управления. Все это вело к их постепенному упадку в середине XVII в.

Итак, в Тюдоровскую эпоху мы можем выделить некоторые специфические черты развития восточноанглийских городов. Во-первых, следует отметить, что процветание региона и его городов базировалось на успешном экономическом развитии в предшествующие века, а это способствовало тому, что в Восточной Англии оказалось больше всего крупных корпоративных городов. Кроме того, здесь располагались три важных морских порта в устьях рек, через которые шел вывоз промышленной и сельскохозяйственной продукции региона и, соответственно, ввоз различных товаров и сырья из других стран и районов Англии.

В отношении средних корпоративных городов — Кингс Линна, Ярмута, Ипсуича и Бери Сент Эдмундса — можно сказать, что первые три, являясь крупными морскими портами и вывозя продукцию, сумели за счет этого сохранить в регионе свое экономическое значение и другие функции, присущие городам данного типа.

Ведущей отраслью промышленности в Восточной Англии являлось сукноделие, которое в значительной степени было разбросано по деревням и мелким городкам региона. Однако в Восточной Англии, как и в Юго-Западной, ни одно из рыночных местечек не превратилось в крупный промышленный город, как это произошло с селениями Уэст-Райдинга в Йоркшире, где находился третий центр сукноделия в стране. В последнем, вероятно, не было такой острой конкуренции между ними и сильного давления со стороны крупных городов, которых там было мало. В то же время Восточная и Юго-Западная Англия отличались наибольшей урбанизацией и плотностью населения, а поэтому в них не было таких благоприятных условий, как в Уэст-Райдинге. В результате этого в Восточной Англии в рассматриваемый нами период не возникли новые промышленные города. Дальнейшее экономическое развитие региона пошло по другому пути, нежели в остальных районах. С конца XVII в. Восточная Англия — один из главных поставщиков сельхоз-

продукции в бурно развивающийся Лондон. В XVIII в. основой для развития промышленности становятся полезные ископаемые, которых в Восточной Англии не было в отличие от других регионов. Именно поэтому эти восточноанглийские графства с XVIII в. больше ориентируются на аграрное производство, а промышленное развитие начинает отставать от хозяйственной жизни в Уэст-Райдинге и Западном Мидленде (на Севере и Западе страны), где оказались основные запасы минерального сырья.

Библиографический список

1. *Евсеев В. А.* Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995.
2. *Apprentice indentures at Norwich, 1510—1672.* Norwich, 1959.
3. *Charters J. A.* Internal trade in England 1500—1700. L.; Basingstoke, 1977.
4. *Davis R.* The rise of English shipping industry in the 17-th — 18-th centuries. L.; N. Y., 1962.
5. *Fisher F. J.* The development of London food market, 1540—1640 // *EcHR.* 1954. Vol. 5.
6. *Hoskins W.* Local history. L., 1959.
7. *Nef J.* The rise of British coal industry. L., 1932. Vol. I.
8. *Patten J.* English towns in 1500—1700. Folkestone, 1978.
9. *Patten J.* Patterns of migration and movements of labour to three East Anglia towns // *J. of historical geography.* 1976. Vol. 2.
10. *Redstone L. J.* Ipswich through the ages. Ipswich, 1969.
11. *Reed M.* Economic structure and change in the 17-th century Ipswich // *County towns in pre-industrial England.* Leicester, 1981.
12. *Stephens W. B.* The cloth export of the provincial ports, 1600—1640 // *EcHR.* 1969. Vol. 22.
13. *VCH of Suffolk.* L., 1911. Vol. 1.
14. *Ibid.* 1912. Vol. 2.
15. *Wrigley E. A.* People, cities and wealth: The transformation of traditional society. Oxford; N. Y., 1987.
16. *Wrigley E. A.* A simple model of London's importance in changing English society and economy, 1650—1750 // *Past and present.* 1967. Vol. 37.

Д. А. Смирнов

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. В РАБОТАХ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА

В первые десятилетия после Русской революции 1917 г. взгляд европейских интеллектуалов на Россию в значительной мере определялся происходившими в стране переменами. Именно в контексте создания «нового мира» оценивались и прошлое, и настоящее, и будущее России. Не явились исключением и работы немецкого мыслителя Вальтера Беньямина, известного своим положительным отношением к левому движению и стоявшего у истоков формирования теоретической базы Франкфуртской школы социальных и политических исследований, оказавшей сильное влияние на развитие этого движения в XX в.

© Смирнов Д. А., 2008

Однако его симпатии к марксизму и другим левым идеям не стали препятствием на пути к более масштабному восприятию России — наблюдению, изучению и анализу происходившего в нашей стране: в ее истории, политике, культуре и социальной жизни. Одним из таких явлений, на которые обратил внимание Беньямин, был русский консерватизм, представлявший собой широкий комплекс идей и концепций, далеких от тем основных научных интересов мыслителя, и преодолевший к началу XX в. путь в несколько столетий.

В середине XIX в. консерватизм стал одним из важнейших течений общественной мысли в России. Яркое определение консерватизма в первые послереволюционные годы истории России дал русский философ Н. А. Бердяев: «Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Революционизм поверхностен... Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. Никогда не могли они держаться на революционной поверхности». В связи с этим он представляет консерватизм как «одно из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества»¹.

В условиях радикальных перемен 20—30-х гг. прошлого века идеи русского консерватизма получили отклик в разных сферах социальной жизни, и Беньямин, знакомясь с Россией во время своей поездки в Москву, читая русскую литературу, наблюдал это. Впоследствии наблюдения за происходившими в нашей стране событиями легли в основу его работ о России, где на первый план выходила именно реакция общества на радикальные изменения, часто контрреволюционная и консервативная. И хотя образ русского консерватизма не получил у Беньямина законченного оформления, его оценки отдельных сторон этого идейного течения позволяют исследовать общее отношение философа к русскому консерватизму.

Необходимо отметить, что у мыслителя нет своего определения консерватизма, ни европейского в целом, ни русского: он никогда не занимался его изучением непосредственно. Для него это было скорее своеобразным внутренним мотивом исследователя, стремящегося расширить горизонт наблюдения, анализа и оценки — и прошлого, и настоящего, и будущего. Например, его неприятие историзма и идеи прогресса в некотором роде сближало Беньямина, стоявшего на позиции исторического материализма, с консервативной идеей и, возвращаясь к Бердяеву, ее заботой о «духовной глубине», «древних истоках жизни», «связи с корнями» и ее «верой в существование нетленной и неистребимой глубины». Так, в своих историко-философских тезисах «О понятии истории» Беньямин писал: «Исторический материалист принимает в расчет их [культурные достояния] с позиции отстраненного рассмотрения. Поскольку то, что он обзирает в культурных достояниях, все без исключения имеет для него происхождение, которое нельзя осмыслить без ужаса. Они обязаны своим существованием не только старанию великих гениев, создавших их, но и безымянному подневольному труду их современников. Никогда документ культуры не является таковым, не представляя собой одновременно документ варварства. И как он сам не свободен от варварства, так не является таковым и процесс

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства: (Письма к недругам по социальной философии): Письмо пятое. О консерватизме // Собр. соч. Париж: YMCA-Press, 1990. Т. 4. <http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/05.html>

передачи предания, когда документ переходил от одного к другому. Исторический материалист поэтому по мере возможного отмежевывается от этого. Он считает своей задачей гладить историю против шерсти»².

Близок Бенъямин к Бердяеву и в оценке «революционной поверхности». И хотя важность собственно революций он не отрицал, но, вступая в полемику с Карлом Марксом, говорившим о революциях как о «локомотивах всемирной истории», считал, что «возможно, совсем наоборот»: «...революции — это удар едущего в поезде рода человеческого по стоп-крану»³.

Представляется необходимым ответить на следующие вопросы: какие черты выделял Бенъямин в русском консерватизме? что говорил немецкий мыслитель о теоретической ценности течения? как оценивал он перспективы практического применения его идей в социальных условиях и политической борьбе 20—30-х гг. прошлого века?

При этом важно учитывать, что свои мысли о России и русском консерватизме Бенъямин выражал в работах различного плана, ставших отражением его многоплановой интеллектуальной деятельности, а именно: 1) в конкретных исследованиях, посвященных России; 2) многочисленных журнальных заметках, комментариях и рецензиях, касающихся культурных событий и явлений, например книг или театральных представлений; 3) письмах, в которых он высказывал мысли о нашей стране во время своей известной поездки в Москву, а также наблюдая издали происходившие в России события.

Знакомство с Россией для Бенъямина было бы невозможно без знакомства с русской культурой, и конкретно художественной литературой. Объясняется это не только спецификой научной деятельности мыслителя, его особым вниманием к произведениям искусства, но и расстоянием, которое отделяло его от нашей страны. Значительную роль сыграло положение самой художественной литературы в русской общественной жизни на протяжении нескольких веков, когда социальные и политические идеи развивались в тесном соприкосновении с литературным процессом. Эти традиции получили продолжение и в начале XX в.

Еще одним обстоятельством, повлиявшим на знакомство Бенъямина с культурой и общественной жизнью России, явилось незнание им русского языка. Он был ограничен в своем интересе к нашей стране только тем кругом русской литературы, которая была переведена на немецкий язык. Такими книгами были прежде всего произведения русских классиков, в значительной мере стоявших на позициях консерватизма.

Результатом одной из первых попыток проникнуть вглубь, как писал сам Бенъямин, «русского духа» стал его очерк, опубликованный в конце 1921 г. в журнале «Argonauten» и посвященный вышедшему в Германии роману Ф. М. Достоевского «Идиот». К моменту знакомства с этим произведением мыслитель достаточно хорошо представлял себе творчество писателя, а также других русских классиков, например А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. Это обстоятельство позволило ему выйти за рамки рецензии и

² Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte // Benjamin W. Gesammelte Schriften: In 7 Bd. Frankfurt am Main, 1974—1989. Bd. 1. S. 696—697. Далее ссылки на это издание даются с использованием принятой в работах о Бенъямине аббревиатуры собрания сочинений (Gesammelte Schriften — GS), с указанием тома и страницы.

³ Ibid. S. 1232.

выразить в очерке свои мысли не только о книге, но и о самом писателе, а также о русской культуре в целом.

В начале очерка Беньямин объясняет, почему его особое внимание привлек роман «Идиот»: «Судьбу мира Достоевский представляет через судьбу своего народа. Это типичный образ мысли крупного националиста, по мнению которого человеколюбие может развиваться только благодаря народному духу. Величие романа обнаруживает себя в абсолютно взаимной зависимости, в которой представлены метафизические законы развития человечества и народа. Поэтому не проявляет себя порыв глубокой человеческой жизни, которая не нашла бы свое решающее место в ауре русского духа»⁴.

Беньямин полагает, что отдельный человек в мировоззрении Достоевского оказывается величиной невозможной, поскольку всегда является частью народа, вырастает из его природы: «Это народная личность, человек родины, индивидуальная и социальная персона с детства склеены друг с другом... Психология героев Достоевского... как бы только нежная сфера, в которой из огненного первичного газа национального в процессе перехода рождается человечность. Психология — только выражение пограничного бытия человека»⁵.

Эту мысль Беньямин дополняет размышлениями непосредственно о судьбе героя романа «Идиот». Он видит в нем отражение некой социальной тенденции, чрезвычайно важной для истории России. Судьба князя Мышкина представляется ему судьбой поколения, которое в молодости не реализовало себя в России и теперь — «не оставленное и не впитанное Россией», «выброшенное на чужую землю» — отправляется в Европу, в «эту ветреную Европу». Однако и это не приносит успеха герою «Идиота» как представителю поколения. И Беньямин заключает, что у Достоевского «человечество может обогатиться только в своем катастрофическом самоуничтожении»: «Связь человеческой жизни с живущим до самой его смерти, как необыкновенной бездны кратер, из которого мощные силы имеют возможность однажды по-человечески мощно высвободиться, является надеждой русского народа»⁶.

Такая оценка Беньямином мировоззрения Достоевского, увиденного им в романе «Идиот», близка современному пониманию русского консерватизма XIX в., к одному из направлений которого — почвенничеству — относят и писателя как проявляющего уважение к глубинным, органическим формам жизни, утверждающего приоритет национального интереса над личным и признающего ценность нации, а также традиции и обычая.

Критика романа Достоевского позволяет Беньямину прийти к выводу, что рост популярности русского консерватизма был бы невозможен в России без расширения контактов с Европой. Консервативные идеи получают поддержку после падения интереса к идеям своих оппонентов, прославлявших Европу и ругавших отсталую Родину. В некотором роде и «комчванство» 20-х гг. представляется Беньямину результатом именно этой тенденции, поскольку основу для него составили высокомерие и пренебрежительное отношение даже к своим союзникам — левым политикам и интеллектуалам Западной Европы.

Еще одну тенденцию, сыгравшую, по мысли Беньямина, важную роль в развитии русского консерватизма, мыслитель обнаруживает при изучении произведений Н. Лескова. Свои мысли по этому поводу Беньямин представил

⁴ Benjamin W. «Der Idiot» von Dostojewskij // GS. Bd. 2. S. 237.

⁵ Ibid. S. 237.

⁶ Ibid. S. 240.

в очерке, касающемся социальной роли рассказчика, летописца, носителя воспоминаний о прошлом для сохранения обществом уверенности в себе, а также для формирования образа народа во время знакомства с ним его соседей: «Крупный рассказчик всегда укоренен в народе, прежде всего в ремесленных слоях... Но как они охватывают крестьянские, рыбацкие, городские элементы на различных стадиях своего экономического и технического развития, так многообразно расчлняются понятия, в которых для нас выражается богатство их опыта. При этом всем крупным рассказчикам присуща беспечность, с которой они продвигаются по ступеням своего опыта, как по лестнице, вверх и вниз. Лестница, которая проникает в земные недра и теряется в облаках, является образом коллективного опыта, для которого даже глубочайший шок любого индивида, смерть, представляет ничтожный толчок и препятствие... Первым настоящим рассказчиком был и остается рассказчик сказки... Немногие рассказчики имеют такое глубокое родство с духом сказки, как Лесков»⁷. «Так, наблюдая, идет рассказчик среди учителей и способов действий. Он дает совет — не как пословицу на многие случаи, но как способ для всех. Поэтому к нему можно всю жизнь прибегать. (Жизнь, впрочем, это не только собственный опыт, но немало чужого в себя включает. Рассказчику подчиняется и то, что он случайно услышал, сделав своим собственным.) Его талант — это его жизнь, его заслуга — это способность рассказывать всю свою жизнь. Рассказчик — это человек, который фитилю своей жизни мягким огнем своего рассказа мог бы вполне позволить зачухнуть. На этом покоится несравненное настроение, которое у Лескова так хорошо, как у Хауффа, у По, так хорошо, как у Стивенсона, вращается вокруг рассказчика. Рассказчик — это облик, в котором сам себя встречает праведник»⁸.

Оценка русского консерватизма Беньямином обнаруживает интересную особенность в его восприятии взаимосвязи между политикой и искусством в современной жизни общества и истории. Изучая еще в ранние годы научной деятельности европейское искусство, в частности немецкий романтизм или немецкую драму, Беньямин для придания большей убедительности своим суждениям об отражении в истории искусства обстоятельств общественной жизни той или иной исторической поры приводил факты из сферы политики. Так, в размышлениях о немецкой драме появлялись мысли о развитии идеи суверенитета в Германии, дополненные взглядами Карла Шмитта на этот процесс; или же в размышлениях о художественных достоинствах произведений Гете упоминались консервативные убеждения их автора. Но эти примеры скорее отражали собственное восприятие мыслителем взаимосвязи между политикой и искусством. Даже в работах о Шарле Бодлере, где фактор влияния политических событий на творчество поэта отмечен как один из главных, практически не говорится о поэте как о политическом деятеле, он определенно выступает как «лирик высокого капитализма», и его поэтическая «специализация» обуславливает его творчество.

Однако в исследованиях Беньямина, посвященных России, ситуация выглядит совершенно иначе. Мыслитель представляет творчество русских писателей как пространство для демонстрации ими своих политических и общественных взглядов. Впрочем, он не объясняет, почему его внимание не

⁷ Benjamin W. Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolai Lesskows // GS. Bd. 2. S. 457—458.

⁸ Ibid. S. 464—465.

привлекли работы именно на политические или исторические темы. Но сам факт достаточно примечателен. Беньямин ограничивается лишь изучением взглядов русских писателей и анализом их представлений. Кроме того, их отношение к общественным процессам позволяет ему продолжить свое исследование позиции и роли критики, но именно не в качестве аналитика особенностей развития художественного процесса, а шире, как наблюдателя и исследователя обстоятельств развития общественной жизни.

Эта же тенденция в изучении культуры была продолжена Беньямином и в изучении процессов развития искусства в Советской России. На материале непосредственных наблюдений за советской действительностью оценка отношения культурной среды и политического пространства могла измениться. Но мыслитель находит подтверждение своим методологическим установкам и продолжает изучать характер их взаимоотношений в том же свете, оценивая поэтов и писателей прежде всего как выразителей определенных политических взглядов, а с другой стороны, уделяя значительное место исследованию государственной культурной политики.

Поездка Беньямина в Москву в 1926—1927 гг. и знакомство с реалиями «нового мира» обогатили взгляд мыслителя, зачастую имеющего скептический и даже негативный оттенок, не только впечатлениями о результатах левых реформ в нашей стране, но и фактами отношения к ним в новом, советском обществе. Справедливо будет отметить, что Беньямин, направляясь в Советскую Россию, ожидал большего — и в плане содержания (с точки зрения результатов реформирования России), и в плане формы (с точки зрения подходов к реализации новаций).

Богатый материал для анализа его наблюдений представлен в работах, созданных во время и вскоре после путешествия в нашу страну. Можно назвать конкретные исследования, посвященные России, многочисленные журнальные заметки, касающиеся культурных событий и явлений, а также письма, в которых Беньямин высказывал мысли о нашей стране, находясь в Москве. Крупнейшей работой среди них стал «Московский дневник».

Нужно отметить, что сам Беньямин во время путешествия в Советскую Россию все еще находился на политическом перепутье: вступить или нет в компартию? определить четко свою позицию или же сохранить возможность критики? Увиденное на улицах Москвы и услышанное при общении с ее жителями заставили его отказаться от вступления в компартию. Многие для этого дали, с одной стороны, оценки проявлений реакционных настроений у вчерашних радикальных революционеров, а с другой — наблюдения за стойкостью консерватизма в повседневной жизни формально почти уже советских людей.

О «реакционном повороте в делах культуры» Беньямин⁹ впервые услышал в Москве от своего коллеги Бернхарда Райха. Это случилось в первые дни его пребывания в России и было для него неожиданностью, поскольку он ехал в столицу «нового мира». Ни о какой свободе слова говорить не приходилось, все определяла партия со своей идеологией. И это уже была вполне консервативная черта общественной жизни.

В другом разговоре с Райхом была поднята тема, близкая к рассуждениям Беньямина в очерке о романе Достоевского, тема о «собственной структуре “величия” у великих писателей»: «Они “великие”, поскольку их воздей-

⁹ Benjamin W. Moskauer Tagebuch // GS. Bd. 6. S. 294.

стве имеет исторический характер, но не наоборот, будто историческое воздействие обусловлено их писательской мощью. Как этих “великих” писателей видят только через линзы столетий, которые обращены к ним для увеличения и раскрашивания. Далее: как это ведет к абсолютно консервативному отношению к авторитетам и как вновь это консервативное отношение может обосновать только лишь материалистически»¹⁰.

Рассуждения Райха о контрреволюции Беньямин дополнил собственными наблюдениями за тем, как государство стремится «деполитизировать повседневную жизнь, так далеко, как это только возможно»: «Предпринята попытка приостановить динамику революционного процесса — вошли, желая того или нет, в процесс реставрации, но, несмотря на это, хотят скопить революционную энергию с молодежи, как электрическую силу в батарее. Это не проходит. Отсюда в молодых людях, часто первого поколения, которое имеет более чем скудное образование, развивается коммунистическое высокомерие, для которого уже имеется в России собственное название». Беньямин имел в виду такое явление, как «комчванство», проявившееся у молодых партийных и государственных функционеров и ставшее следствием того, что «революционное приходит к ним не как опыт, а как лозунг»¹¹.

Факты для анализа контрреволюционных тенденций в Советской России Беньямин обнаружил также в искусстве, в большей степени в литературе, в меньшей — в других сферах культуры. Теперь это уже была советская литература, в массиве которой Беньямин обратил внимание на группу «Правых попутчиков» (по аналогии с «Левыми попутчиками»). Он охарактеризовал ее как «в узком смысле националистическую, даже “патриотическую”»¹².

Среди ее представителей Беньямин назвал поэта С. А. Есенина: «Можно сказать, что Есенин, покончив с собой, непрерывно держит литературную общественность в напряжении... Есенин представляет собой яркое и эффективное воплощение “старого” русского типа, скорбно будоражащего, до глубины и хаотично разрушающего русскую почву мечтателя, который несовместим с новым человеком, совершившим революцию в России. Борьба против призрака Есенина и его огромного влияния могла бы отдаленно напоминать ставшую снова очень актуальной защиту от хулиганов. Во всяком случае, речь идет в обоих случаях об уничтожении асоциального типа, в котором Россия увидела призрак своего прошлого, преградившего ей путь в новый рай машин»¹³.

Беньямин негативно относился к влиянию Есенина на общественную жизнь, критически оценивая не столько его творчество, сколько отклик, который находили его стихи в народных массах. При этом он считал, что ответственность поэта велика, хотя он сам находился в плену исторических обстоятельств и был подвержен влиянию общественных тенденций. В другой работе на эту тему Беньямин еще острее характеризует поэта как символ реакционных настроений в Советской России: «Есенин, крестьянский поэт, пытался дискутировать с революцией, но оказался при этом в пропасти нигилизма мировой скорби и стал, в конце концов, идолом романтической контрреволюции»¹⁴.

¹⁰ Ibid. S. 320.

¹¹ Ibid. S. 338.

¹² Benjamin W. Die politische Gruppierung der russischen Schriftsteller // GS. Bd. 2. S. 745.

¹³ Ibid. S. 745—746.

¹⁴ Benjamin W. Neue Dichtung in Russland // GS. Bd. 2. S. 760.

Объяснение такому качеству общественной жизни Беньямин обнаружил, возможно, гуляя по московским улицам: «В них прячется русская деревня. Если войдешь в одну из больших подворотен — часто они закрываются железными коваными воротами, но я ни разу не видел их закрытыми — то окажешься на окраине большого поселка... Так улица получает еще одно — сельское — измерение»¹⁵. Этот неожиданный ракурс внешнего фасада улиц нашел продолжение и в радикальных реформах, и в революционной риторике в Советской России. Зачастую громкими голосами и объявлением о серьезных шагах власти и ограничивались, и внутреннее содержание социальной жизни оставалось прежним, проявляя себя и в политике, и в экономике, и в культуре.

Русский консерватизм с его вниманием к традиции, воспоминаниям о прошлом и глубокой исторической памятью обнаруживает себя для Беньямина прежде всего в литературе. Наряду с Достоевским, указавшим, по мнению мыслителя, на одну из главных причин утверждения консерватизма в общественной русской среде — разочарование в Европе и утрату поддержки прогрессивных идей, Беньямин с особым вниманием анализирует творчество Николая Лескова, не столь масштабного писателя, как русские классики, но ставшего для мыслителя отправной точкой в его рассуждениях о фигуре рассказчика, его роли «праведника» в сохранении традиции и ответственности в этом качестве за содержание исторической памяти.

Работы, посвященные Достоевскому и Лескову, отделяет значительный по «Веймарским» меркам период времени. Между этими работами произошло и очное знакомство Беньямина с Советской Россией. Сам мыслитель проделал большой путь: от роста симпатий к левым идеям до охлаждения к ним. Ему предстояло во многом переосмыслить прошлое мира и его возможные перспективы с позиции марксизма. Важную роль в этом как раз и сыграла поездка в Москву, столицу, как он полагал, «нового мира».

Но то, что он увидел, мало соотносилось с образом, нарисованным им для себя накануне поездки под влиянием новостей, приходивших с востока Европы. Советская Россия была отнюдь не «новым миром», а вполне традиционным, по мнению Беньямина, реставрационным режимом, самодовольным и высокомерным. Население в значительной своей массе отторгло реформы и симпатизировало контрреволюционным тенденциям — и в искусстве, и в политике, и в общественной жизни вообще. Популярный в народе поэт Сергей Есенин символизировал этот поворот, во многом продолжая традицию почвенничества, хотя и в упрощенном, близком массам варианте.

Именно в таком варианте русский консерватизм создавал политические препятствия для прогрессивного развития страны, даже формируясь в сфере культуры, что было привычно для России. О сохранении основ для дальнейшего движения вперед или расширении влияния критика, озабоченного этим, в отличие от Достоевского или Лескова, по мнению Беньямина, подобный консерватизм не задумывался.

¹⁵ Benjamin W. Moskau // GS. Bd. 4. S. 343.

И. А. Буданова

КОНСТРУИРУЯ НОВОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ДИСКУРС MONOTOPIA

Введение

Процесс глобализации поставил под сомнение такие хорошо известные и устоявшиеся понятия, как «национальное государство», «национальный суверенитет», «национальная идентичность», «национальные границы»... Список можно продолжить, но неоспоримо одно — изменения происходят вследствие трансформации пространства и территории, приобретения ими новых функциональных качеств, ранее им не присущих.

В каждом «большом регионе» процессы реструктуризации (экономики, политики, культурной сферы) имеют свою специфику и наполнение. Особый оттенок они приобрели в Европе, где интеграция и глобализация являются взаимодополняющими факторами развития. В европейском контексте эти процессы оказались тесно переплетены с регионализацией европейского пространства. Многочисленные *регионализмы* в ЕС стали порождением, с одной стороны, деятельности наднациональных структур, а с другой — переориентации лояльности региональных и местных элит с национального на супранациональный уровень.

Однако создаваемый «европейский дом» пока не отличается территориальной гомогенностью. Традиционно уже на протяжении более полувека развития интеграционного процесса выделяют «сильные» и «слабые» в экономическом плане регионы, территории с ярко выраженной или завуалированной региональной идентичностью, пространства «открытые» или «закрытые» для трансграничного сотрудничества. Но региональная разнородность, как показывает европейская практика, не является системным препятствием для воплощения грандиозного пространственного проекта. Новые стратегии, разрабатываемые совместно тремя уровнями власти, приводят к переосмыслению положения территории и, в частности, региона, который все чаще воспринимается как социальный, политический и экономический конструктор (подчас искусственный), имеющий *raison d'être*.

Ускользящее понятие. В поисках территории

Глобализация, все более пронзающая современное человеческое сообщество, несет наряду с несомненными преимуществами немало негативных моментов. Одним из них становится размывание понятия «территория». Сегодня территория является системой коммуникаций, рамкой восприятия политических проблем и экономическим каркасом. Вместе с тем она по-прежнему остается и неотъемлемым свойством политики.

Глобализация не только меняет значение и суть территории, она заставляет по-другому взглянуть на это измерение. Подход, согласно которому территориальный критерий уступает функциональному [4, с. 179], кажется устаревшим. В начале XXI в. экономические, технологические и социальные перемены служат не уничтожению территории, но изменению ее социальной значимости. Следует учитывать, что территория — важнейшая основа политической мобилизации из-за своей связи с идентичностью.

Эти размышления имеют реальное практическое применение в интеграционных проектах ЕС. Одним из приоритетных направлений евростроительства на современном этапе является территориальное (пространственное) планирование, точнее, создание новых *территориальных конструктов*.

Как было указано выше, особым типом территории является регион. Вместе с тем регион, как справедливо отметил М. Китинг, — «это ускользающее понятие» [5, с. 75]. Все зависит от того, что вкладывать в его понимание: административное, культурное, функциональное или социальное содержание.

В европейском контексте регион приобретает все большее значение в качестве «костной ткани» ЕС. Всплеск «нового регионализма» в середине 1980-х гг. — не случайное явление. Он был вызван новыми формами политической мобилизации и пересмотром социального и экономического значения территории. Но на этот раз контекст задавался не национальным государством, а общими интеграционными потребностями.

Регионализация вписалась в проект пространственного планирования (*перепланирования*). Государство в ходе интеграционных процессов и под воздействием взаимозависимости само переживает период трансформации и утрачивает прежнюю способность справляться с пространственными изменениями и развитием. Его власть и авторитет размываются интернационализацией, региональными и местными притязаниями, развитием рыночного и гражданского общества [там же, с. 80—81]. Изменение структуры территориальной политики приводит к усилению значимости регионального фактора, а стремление регионов найти свое место в рамках множества различных национальных и наднациональных социально-политических структур усиливает своеобразие феномена.

Таким образом, регионы — это не данность или исторический пережиток, а *социальная конструкция*, постоянно создаваемая и изменяемая (*изменяющаяся*). Исторические элементы зачастую используются, но даже их назначение обусловлено действием современных сил. По-прежнему есть функциональные, политические и нормативные причины, по которым политика возвращается к территории. *Функциональная причина* заключается в том, что даже в эпоху массовых коммуникаций и высоких технологий многие процессы перемен связаны с территорией. *В политическом отношении* территория по-прежнему служит наиболее эффективной базой для выработки компромиссов и соглашений. *В нормативном плане* она предоставляет рамку для «хорошего правления».

Переосмысление территории в рамках общеевропейского дома связано с проведением региональной политики в ЕС. Становление региональной политики идет от Римского договора 1957 г., однако о *собственно* региональном измерении деятельности Союза можно говорить лишь с момента подписания Маастрихтского договора, который привнес в политическую практику перепланирования европейского пространства два ключевых момента — стратегию сплочения и совещательный орган — Комитет регионов. Неофициальный лозунг регионального направления деятельности ЕС — «единство в многообразии». Распространение принципа субсидиарности в решении проблем отчасти сняло страх перед единообразием и унификацией.

Оформление региональной политики шло в «мягком касании» к компетенциям национальных государств. Но вплоть до начала XXI в. собственно *региональная политика* не была приоритетным видом активности ЕС, однако в новом столетии направление было дополнено социальным измерением, и в

официальных документах Союза теперь гораздо чаще можно увидеть понятие *политика сплочения*. Фактически она означает переплетение региональной и социальной политики, когда они уже не рассматриваются изолированно друг от друга. Политика сплочения предполагает одновременное сплочение по горизонтали (между регионами — региональная политика) и по вертикали (между слоями общества — социальная политика) [1, с. 15]. При этом одним из важнейших направлений региональной политики становится конструирование новых региональных образований.

Новые региональные конструкты

Существует жесткая функциональная логика возникновения регионов, поскольку потребности экономической реструктуризации и изменение возможностей и задач государства указывают на региональный уровень как на способный дать подходящий ответ. В то же время региональные системы испытывают стремление доказать свое *raison d'être* и получить преимущества у наднациональной власти. Конструирование европейского пространства (в том числе регионов) идет в трех направлениях.

Во-первых, усиление трансграничных связей приводит к развитию еврорегионов. Эти региональные конструкты могут быть как органичными, так и искусственными. Одновременно они обретают черты интернационализации и оказываются более лояльными к той власти, которая оказывает им большее внимание (чаще всего это супранациональный уровень). Подобные образования несут как внутреннюю, так и внешнюю интеграционную нагрузку.

Во-вторых, конструирование европейского пространства идет по территории «старых» регионов. Создание и воплощение новых программ, выделение финансовых средств приводят к изменению «лица» региона. Экономическая и социальная реструктуризация порождает стремление регионов участвовать в инициативах Союза, что закладывает возможность для переориентации лояльности региональных и местных элит с национального на наднациональный уровень.

В-третьих, конструирование пространства является следствием тех стратегий, которые запускает ЕС. Все они различны по своему характеру, но незримо выполняют одну общую цель — создание плотной региональной и местной сети. Развитие сети на горизонтальном уровне приводит к большей заинтересованности в существовании наднациональных структур ЕС, прежде всего как координаторов и в ряде случаев — «защитников» от «посягательств» со стороны национального уровня.

Создаваемые конструкты, в конечном счете, и формируют новое интеграционное качество, ведут к устойчивому развитию всей группировки.

Новый этап пространственного поворота в политике ЕС берет начало с принятием Стратегии 2007—2013 гг. (Политика сплочения 2007—2013, далее: ПС 2007—2013). Строго говоря, ПС 2007—2013 не является первым комплексным подходом Евросоюза к решению региональных проблем. Предыдущая Стратегия 2000—2006 гг. выявила положительную динамику в плане выстраивания нового регионального пространства в Европе. Задействованные политические, экономические ресурсы привели к образованию и развитию региональных и урбанистических сетей. Однако в предыдущей перспективе акцент был сделан на территориальном факторе, т. е. региональная политика развивалась в классическом варианте. ПС 2007—2013 вывела на первый план социальный фактор, который должен стать основным функ-

циональным сегментом, т. е. в этом плане стратегия развивается в русле политики сплочения, прописанной в Договоре о ЕС.

Акцент на человеческом капитале полностью укладывается в русло обновленной Лиссабонской стратегии и концепции устойчивого развития. Региональная стратегия не случайно совпадает с периодом действующей финансовой перспективы. Приоритетность данного направления доказывает и увеличение средств для структурных фондов ЕС и Фонда сплочения.

Новые цели ПС 2007—2013 в большей степени отвечают ожиданиям местных и региональных властей, поскольку направлены на решение проблем, с которыми регионы непосредственно сталкиваются в повседневной деятельности. Одновременно наднациональные органы преследуют свои интересы — через сближение, поощрение региональной конкуренции, создание условий для устойчивой занятости и европейское территориальное сотрудничество прийти к новому функциональному наполнению европейского пространства, более лояльного к новым структурам.

Понятие пространства: европейский подход

Европейский опыт интересен и во многом уникален. Переосмысление понятий «территория» и «пространство» продиктовано скорее практикой, нежели теорией. Новые концепции и подходы чаще всего носят догоняющий характер либо адаптируются под новые европейские реалии. Обратимся лишь к некоторым, наиболее значимым подходам в современном дискурсе о «европейском пространстве».

Разговор о пространстве следует начать с того, что на сегодняшний день в социально-гуманитарном знании это одно из самых неоднозначных понятий. При этом категория «пространство» является и самой подвижной. Только за XX в. она претерпела радикальные изменения и сейчас представляет интересный случай для исследования.

Человечество далеко ушло от античных толкований пространства и понимания категории философами Нового времени¹. В XX в. отношения между обществами и людьми коренным образом изменились. Произошла переориентация и в трактовке пространства. Все более пространство понимается как умственный конструкт, наполняемый человеческим опытом, т. е. происходит отход от его понимания как естественной данности (географического осмысления).

Несмотря на неоднозначность категории, следует остановиться на рабочем понятии, которое можно будет конкретизировать с учетом европейских реалий и новых мирополитических тенденций. В качестве такого рабочего понятия можно предложить следующее: «Пространство — совокупность объектов (предметов, явлений, процессов), которые рассматриваются с помощью таких атрибутов, как положение относительно друг друга, протяженность, форма, расстояния и ориентация, взаимодействие, пересечение» [8, с. 15]. Данный взгляд удобен тем, что, помимо естественно-географической нагрузки, без которой понимание про-

¹ Так, изначально категория пространства осмысливалась в рамках неразделенного знания с позиций философии. Древнегреческий философ Аристотель утверждал, что пространство — это логическое существование вещей. Согласно Ньютону, пространство — это объективная реальность, но пустая. Беркли усматривал в пространстве умственную абстракцию, построенную на сочетании звука и света. Кант видел в пространстве особую форму, наполненную чувственным опытом и представляющую хорошую возможность для природной классификации понятий.

странства все-таки является затруднительным, в нем присутствует и новое наполнение — социально-политическое.

Подобный подход позволяет также обратиться к концепции Р. Сака и ввести еще один термин — «территориальность». В понимании Сака территориальность — это попытка индивида или социальной группы контролировать или оказывать влияние на людей, явления и взаимосвязи путем делимитации и контроля над географическим ареалом (см.: [8, с. 30]). Кроме того, территориальность удачно ложится на осмысление политического поля — особая модель поведения тех или иных политических субъектов, целью которых является освоение пространства и контроля над этим пространством [там же]. В этом контексте создание государственности — проявление территориальности, а усилия ЕС по формированию системы *постнационального управления* — это тоже своего рода форма территориальности, территориальности нового типа.

Используя концепцию Р. Сака, принимая во внимание атрибуты территориального объекта² (в данном случае ЕС), можно заключить, что иерархия отношений на макро-, мезо- и микроуровнях демонстрирует огромное количество связей, возникающих между уровнями и на самих уровнях. Вследствие этого можно утверждать, что пространственная структура ЕС относится не к моноструктурным, а к полиструктурным ареалам, т. е. элементы системы связаны отношениями различных типов. Точнее, строящийся «общеевропейский дом» предстает как полиструктурная полисистема — система, которая характеризуется качественно неоднородными составляющими ее элементами и разнотипными связями между ними.

В этом контексте эффективным представляется моделирование отношений с использованием как традиционных, так и нетрадиционных подходов. Поскольку только европейскими авторами используется более десятка теорий, остановимся на одном подходе и его модификациях, т. к. именно он позволяет увидеть пространственную динамику политики ЕС и отчасти ее проанализировать. Речь идет о подходе «центр-периферия»³.

² Размер (величина, количественные характеристики, определяемые мерами протяженности, расстояния, площади); территория (участок земной поверхности); границы (отделяют территориальный объект от другого объекта); иерархия (место объекта в системе отношений соподчиненности объектов). Важно отметить, что любое явление, которое имеет территориальную проекцию, может рассматриваться с помощью следующих понятий: 1) плотность, т. е. мера присутствия явления на территории (относительно его количественных характеристик к территории); 2) дисперсия — мера рассеивания явления в пространстве и отклонения его местных характеристик от среднестатистических; 3) паттерн — территориальный рисунок явления, в том числе его возможные геометрические формы; 4) таксономия — расположение, строй, порядок (таксом — группа объектов, связанных общностью свойств и признаков).

³ Концепция «центр-периферия» была разработана в рамках мир-системной теории И. Валлерстайном. Суть концепции заключается в следующем. В результате развития капитализма произошло расслоение стран в зависимости от экономических показателей на три части: центр (ядро), периферию и полупериферию. Страны центра (ядра) имеют значительно более высокий уровень развития и доминируют над остальными. Представители мир-системной теории исходят из того, что развитие ядра осуществляется за счет остальных стран, это, по их мнению, ведет к конфликтам, в том числе и по линии «богатый Север — бедный Юг».

Адаптируя эту концепцию под особенности политики ЕС, можно говорить о перифериях не только и не столько как о странах, сколько о регионах (территориях) с более высоким или низким уровнем развития. В этом свете концепция «центр-периферия» представляется как приоритетное развитие ряда признанно ведущих регионов в ущерб всем остальным. По мнению авторитетного российского исследователя И. Бусыгиной, модель «центр-периферия» является устойчивым паттерном пространственного развития ЕС [1, с. 50].

Одним из вариантов трактовки этой концепции является представление Брюсселя в качестве этатистского центра, «эксплуатирующего» периферию. В данном случае разграничение «центр-периферия» идет по линии сосредоточения рычагов управления и принятия решений. Таким образом, данную концепцию удобно применять и в качестве инструмента для анализа пространственно-политического измерения ЕС.

Применительно к Европейскому союзу можно отметить еще ряд важных моментов.

Во-первых, говоря об интеграционной группировке, следует упомянуть о существовании «внутренней» и «внешней» периферии. Внутренняя периферия — это либо экономически слабые территории (страны, регионы, локальные общества), либо территории, лишенные сосредоточения властных полномочий и не влияющие на принятие решений. Соответственно, внешняя периферия подразумевает территории, находящиеся за пределами Союза и, возможно, представляющие потенциальную угрозу (речь здесь идет о соседях ЕС и направлении деятельности, которое именуется политика Соседства).

Во-вторых, периферийные территории условно можно разделить на адаптивные, креативные (инновационные) и консервативные. При этом нужно иметь в виду, что центр изначально обладает инновационным потенциалом как своей неотъемлемой характеристикой. Территории воспринимают импульсы ядра по-разному. Так, адаптивные территории могут пассивно принимать импульсы (программы, проекты и т. д.). Сопротивляемость им будет низкая, но и инициативность в их реализации также не будет иметь впечатляющих результатов. Консервативные территории могут вести себя двояко: либо они мягко воспринимают импульсы центра, либо отвергают их. Причем даже воспринимая требования ядра, проекты, программы и пр. могут и не внедряться. Инновационные территории не только принимают импульсы и перерабатывают их, создавая на их основе нечто новое и прогрессивное для себя, но и способны сами отправлять импульсы центру, переходя, таким образом, из разряда периферии в положение ядра.

Для лучшего осмысления пространственного потенциала ЕС концепцию «центр-периферия» следует дополнить «теорией диффузии инноваций» Хегерстранда. Диффузии инноваций условно разделяются 1) на прямые, или механические, что подразумевает прямой перенос нововведений с одной территории на другую; 2) косвенные, или стимулирующие, т. е. приводящие к изменению местной среды (см.: [8, с. 60]).

В свою очередь, первый тип диффузий делится на следующие виды: а) сплошная диффузия (*contagious diffusion*) — непрерывное распространение явлений (охватывает все большее и большее пространство); б) иерархическая (каскадная) диффузия (*cascade diffusion*), которая предполагает распространение инноваций от центра к центру. С. Роберт и У. Видолт назвали эффект каскада «плесенью на апельсине» [там же] (при этом каскад всегда приводит к появлению вторичных инновационных центров; что является особенно

важным, заполнение пространства при каскадной диффузии происходит медленно, поэтапно, но это практически безостановочный процесс; здесь тип каскадной диффузии можно сравнить с концепцией «храпового механизма»; «собачкой» же такого механизма будет являться каждый вновь появившийся центр); в) диффузия перемещения (*relocation diffusion*), которая характеризуется перемещением инновации из одного центра в другой. При этом старый центр полностью теряет свой статус, т. к. его заменяет другой. Что интересно, данный вид диффузии подтверждает пространственную идею о том, что центр — не статическое состояние, а динамическое, подверженное постоянному изменению. Для того чтобы удержать статус центра, необходимо быть постоянным источником инноваций для периферии.

Второй тип диффузий делится на следующие виды: а) трансформационная диффузия (*transformation diffusion*), при которой местная среда «переваривает» инновацию, создавая при этом нечто новое, но не копирует ее; таким образом, среда выступает как «вторичный» инновационный центр; б) синкретическая диффузия (*syncretic diffusion*), при которой происходит формирование новой инновации, соединяющей черты «пришлой» инновации и местных особенностей; в) негативная диффузия (*non-diffusion*) — негативная реакция местной среды на инновацию; при этом происходит укрепление местных черт и распространение их во внешнюю среду в качестве симметричного ответа на внешний вывоз; этот вид диффузии характерен для консервативных территорий [там же].

В целом же и концепция «центр-периферия», и ее модификации относятся к типу описательных теорий, помогающих детально рассмотреть развитие тех или иных явлений, но мало способствующих их объяснению. К «понимающим» методикам следует отнести хронологический подход, компаративный подход и системный/структурно-функционалистский подход.

Данные теоретические направления помогают понять, как одно региональное пространство может формировать другие, что в конечном итоге приводит к возникновению многоуровневой и сетевой по своей природе системе региональных пространств безопасности, во многом обусловленных фактором идентичности [7, с. 32].

Подобная многоуровневая сетевая система представляется неким «иллюзорным пространством», состоящим из множества *неомиров* [6, с. 40]. Таким образом, европейское пространство больше наполнено не естественными ареалами, а новыми сконструированными неомирами, либо создающими инновации и распространяющими их на другие территории, либо принимающими уже готовые инновации, перерабатывающие/отвергающие их.

Здесь же следует оговориться, что сетевой подход и теория многоуровневого управления как нельзя более соответствуют и описанию происходящих процессов, и объяснению причинно-следственных связей. Однако все эти подходы заслуживают отдельного детального разговора. При первом приближении к проблеме подход «центр-периферия» с его модификациями является наиболее удобным инструментом для осознания феномена.

Monotopia на пути к новому европейскому пространству

Каким же образом нужно рассматривать новую пространственность в ЕС? Вслед за Деланти, Рамфордом и Ричардсоном, признанными исследователями в этой области, подвергнем анализу взгляд на пространство Союза как монотопию.

Переходя к замечаниям, касающимся понимания европейского пространства европейскими авторами, следует отметить, что данная тенденция является интересным и перспективным направлением в европейских исследованиях.

Во-первых, в европейской литературе четко прослеживается тенденция слияния социально-гуманитарных наук, обращения к изучению пространства посредством методов смежных дисциплин.

Во-вторых, авторы оперируют понятием New European Space — новое европейское пространство (далее: NES), понимая под этим органическое переплетение и наложение разноплановых пространств — естественных и созданных человеком (обществом — ЕС). Пространство все чаще воспринимается как некий конструкт, причем элемент искусственности в данном случае не несет в себе отрицательного заряда, скорее наоборот, подчеркивает адаптацию «естественного» под современные нужды человека. Новое пространство современности представляет собой наложение, тесное переплетение «традиционных» и «нетрадиционных» пространств: естественно-географического, социального, экономического, информационного, транспортного, интеллектуального, культурного и т. д. Причудливый сплав новых образований приводит к переосмыслению человеком (обществом) себя в мире, смене ценностных предпочтений, моделей поведения.

В-третьих, отдельного внимания заслуживает аспект формирования новых регионально-политических конструкций и состояние европейских границ. Лимнология в рамках европейских исследований является пограничной с исследованиями в области идентичности, экономического развития и политического управления.

Таким образом, весь этот причудливый сплав разноплановых наложений приводит к появлению совершенно нового феномена, требующего осмысления. Что особенно важно, конструкт требует скорейшего осмысления и для извлечения практических выгод, и для понимания поведения постнациональных пространств. В свете глобализации и интеграции, размывания государственности европейский опыт может оказаться весьма интересным в плане применения на российской почве.

На сегодняшний день можно отметить, что наиболее перспективной концепцией понимания европейского опыта является *monotopia*. Концепция появилась на рубеже XX—XXI вв. Ее разработчиками и двигателями в числе прочих являются Йенсен, Ричардсон, Рамфорд, Деланти, Андерсон и другие. Рассмотрим основные положения их подхода.

Ключевой идеей, на которую опираются все авторы, является то, что европейский проект — это *неизбежно пространственный проект* [11, p. 203]. В основе управления Европой лежит идея создания *единой европейской территории* посредством стратегии и практики пространственного вмешательства. Пространственный проект можно реализовать через конструирование ретерриторизованного управления, которое неизбежно изменит условия и возможности создания нового европейского пространства под влиянием действий различных акторов на разных ступенях правительственной активности [ibid.].

Взгляд на унифицированное европейское пространство фиксируется идеей *monotopia*. Данная идея означает одномерный дискурс (моно) пространства и территории (*topia/topos*). *Monotopia* — это своего рода набор

концептов, при помощи которых территория ЕС понимается как рациональное, единое, бесшовное пространство, инициирующее свободную мобильность, самым тесным образом связанную с управлением в Европе. Таким образом, бесшовное, интегрированное пространство — основное содержание европейского проекта.

Идея нового европейского пространства открывает возможности для создания новых инструментов пространственного вмешательства. При этом европеанизированная пространственность отчетливо определяется и рассматривается как поле рационального управления. Практика конструирования системы управления внутри поля европейской пространственной политики приводит к созданию новых институтов и инфраструктуры пространственного вторжения. Все это, как отмечают исследователи, неминуемо воспроизводит надежды и страхи, напряженность и противоречивость данного проекта.

Пристальный взгляд следует бросить на инфраструктурные сети, т. к. они являются прямым инструментом в создании европейского пространства. Анализ микропрактик, поддерживающих конструкцию этого нарратива, предполагает, что поиск управления особой европейской пространственностью, в частности через конструирование доменов пространственной политики, не только изменяет условия многоуровневой территориальной политики, но и приводит к умножению, а не решению проблем.

Речь идет о том, что моноцентрическая версия пространственности ЕС пробуждает новые вызовы для экономических, политических и культурных акторов, которым необходимо переосмысливать «свои» территории в противовес этой пространственной канве. Подход поднимает новые вопросы, к примеру — как новые политические нарративы примиряют внутренние конфликты, создают более или менее когерентную логику для пространственного вторжения. (Здесь уместно вспомнить о Европейской политике пространственного развития (European Spatial Development Policy, ESDP).)

В рамках концепции *monotopia* и NES ключевое внимание уделяется вопросу управления. Собственно, проблема заключается в том, кто сосредоточит в своих руках рычаги управления. На данном этапе хорошо известная борьба между национальным и наднациональным сместилась в иную — пространственную плоскость. Надо отметить, что в этой плоскости Брюссель имеет ряд преимуществ перед национальными государствами, поскольку является источником инноваций и занял позицию ядра, в то время как государствам и регионам отведена роль периферий, воспринимающих инновации центра.

В этом контексте NES способствует выстраиванию не системы государств (конфедерации) и не мнимого супер-государства, а скорее ведет к появлению многоуровневой или сетевой политики, внутреннего рынка, лишенного границ, или «Европе регионов».

Продолжая рассуждать на тему нового европейского пространства, следует отметить, что создаваемый конструкт уже имеет следующие характеристики:

- полицентричность (*polycentricity*) (следует уточнить, что здесь больше подразумевается не традиционная дихотомия центр-периферия, а наличие рассеянных центров, сосредоточивающих в себе разные компетенции; экономические, политические, культурные региональные центры создают систему

взаимопересекающихся связей, препятствующих «выпадению» территорий из поля внимания центров и их дальнейшей периферизации);

- сетевая Европа (network Europe) (довольно распространенный конструкт, в большей степени характеризующийся мобильностью и связанностью);
- территориальное сплочение (territory cohesion) (сбалансированное распределение экономической активности в ЕС);
- многоуровневое управление (multi-level governance) (партнерство между институтами ЕС, национальными правительствами, региональными и местными властями);
- приграничные территории (borderlands) [12, p. 130] (скорее зоны взаимодействия между странами, чем «жесткие» границы).

Все эти характеристики ведут пространственный проект с его экономическим, политическим и культурным измерениями к меньшей фрагментированности и большему выравниванию. По мнению Т. Ричардсона, будущее Европы завязано на идее создания единого европейского пространства посредством стратегий и практик пространственного вмешательства. Таким образом, пространственный проект можно реализовать путем ретерриторизации пространства [11, p. 204].

В свою очередь, ретерриторизация пространства требует новых рамок управления. В целом это касается всего концепта NES. Согласно Рамфорду, европейское пространство более важная часть европейского управления, чем предлагаемое многоуровневое управление или сетевая политика [12]. ЕС активно конструирует новое пространство, которое позволяет ему управлять *без чьей-либо помощи*. Ричардсон утверждает, что Союз создает новые политические сети и пространство управления, внутри которого он может «развернуть» европейские решения к европейским проблемам (см.: [9, p. 151]).

Европейские границы и пространственный поворот

Конструирование европейского пространства идет по двум направлениям. Во-первых, это так называемый пространственный поворот (spatial turn, ESDP), ставший очевидным с конца 1990-х гг. в политике ЕС. Во-вторых, особое положение европейских границ, как внутренних, так и внешних. Здесь вполне можно согласиться с Рамфордом, который утверждает, что европейские границы обладают своей собственной пространственностью [12, p. 130].

Границы в Европе также можно рассматривать с точки зрения подхода «центр-периферия», который помогает осмыслить европейские границы и их особенности как для выстраивания нового европейского пространства, так и для новой системы управления. Европейские границы способствуют появлению двух противоречивых тенденций — *deborderization* (ослабление внешних границ) и *reborderisation* (укрепление внешних границ).

Обе тенденции тесно связаны со спорами междунационалистско-постмодернистов и радикальных постмодернистов. Первые утверждают, что в условиях глобализации границы теряют свое значение маркеров территориальных пределов легитимности государств и регуляторов транснациональных потоков [3, с. 30]. Тем самым границы размываются, становятся прозрачными и в ряде случаев исчезают совсем. Применительно к европейскому опыту данный подход не лишен оснований. Так, можно говорить о «шенгенленде» (*shengenland*) [12, p. 131], т. е. особом положении внутренних границ ЕС, которые фактически существуют сейчас как маркеры идентичности и

как линии на карте. Пространство единого внутреннего рынка сделало их практически невидимыми и свободными для проникновения.

С другой стороны, нельзя отрицать и обратного процесса. В то время как внутренние границы ЕС становятся все более прозрачными и невидимыми, внешние границы, наоборот, более закрытыми. Происходит ужесточение приграничных режимов и, более того, проводятся новые границы [3, с. 30]. Дискурс нашел отражение в работах известных «бодерологов», таких как Деланти и Йенсен. Герард Деланти в работе «Границы в меняющейся Европе: динамика открытости и закрытости» утверждает, что границы как одна из важнейших форм организации социальных пространств в Европе конструируют сегодня ее облик в двух направлениях. С одной стороны, *Fortress Europe* (крепость Европа), а с другой — *Europe without borders* (Европа без границ) [9, p. 186].

Для Деланти большую актуальность в связи с этим приобретает проблема «мягких»/«жестких» и «открытых»/«закрытых» границ. Анализируя ряд кейсов, исследователь приходит к выводу, что границы в Европе можно охарактеризовать как «рыхлые», «неясные», но, что более важно, новые границы, в том числе и сконструированные в ходе пространственного поворота, например в ходе строительства TEN — T (*trans-europan network*), становятся продуктом ретерриторизации и сетевыми границами (*networked borders*). Все вышесказанное можно заключить словами Массимо Кассиаса: «Европа — архипелаг пространств, связанных различными нитями» [*ibid.*, p. 193].

Таким образом, к осмыслению нового европейского пространства границы имеют непосредственное отношение. Границы в современных реалиях есть контекст пространств, несущий на себе отпечаток глобальных процессов. Как следствие, появление различных трактовок границ и переосмысление самого понятия. Трудно не согласиться с Деланти, утверждающим, что граница сегодня — это не фиксированная линия, а процесс, который ведет к изменениям отношений центр-периферия и политической полемике, где пересекаются власть и культура [*ibid.*, p. 186].

Границы и на сегодняшний день являются маркерами коллективной идентичности и социальных групп. Однако следует отметить, что одним из проявлений нового европейского пространства, точнее сказать, его задачей выступает конструирование новой европейской идентичности. И в этом контексте процесс создания новой идентичности завязан на процессе ретерриторизации, выстраивании сетевой системы границ, в которой внутреннее и внешнее будет размыто [*ibid.*, p. 191].

ЕС как новая пространственная формация становится основным актором в конструировании и управлении пространством и границами. Европейский союз — это своего рода мечта о транснациональном пространстве равных возможностей, материального роста, счастья, благосостояния. Беспорядок, регрессия концепции нового европейского пространства просто исключаются [10, p. 3].

Таким образом, большинство европейских исследователей, ведущих свои разработки в области «пространственного поворота» ЕС, сходятся на привлекательности концепции *monotopia*. Следует отметить еще ряд интересных положений. Так, слово «*monotopia*» в принципе отсутствует в «птичьем языке» ЕС, т. е. ни в одном из официальных документов данное понятие не встречается. Но по сути и по духу *monotopia* заложена в сердце поиска новых путей

обретения европейской пространственности и территориальности. Безусловно, *monotopia* рациональна. И ее рациональность сложным образом связана с процессами и проблемами управления в ЕС. В основе *monotopia* лежит общество без противоречий (*zero-friction society*), основанное на росте, гармонизации, мобильности людей, товаров, информации. С этой точки зрения реорганизация европейского пространства неизбежна.

Таким образом, дискурс о новом содержании категории «пространство» и конструировании нового европейского пространства, выраженном в концепции *monotopia*, еще далек до своего завершения. Предстоит провести анализ огромного количества кейсов и микропрактик для того, чтобы оценить усилия ЕС по созданию бесшовного интегрированного пространства.

Библиографический список

1. Бусыгина И. Расширение ЕС с точки зрения подхода «центр-периферия» // Космополис. 2004. № 1(7).
2. Бусыгина И. Стратегии европейских регионов. М., 1993.
3. Голунов С. Безопасность приграничных пространств // Междунар. процессы. 2007. № 2.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991.
5. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6(40).
6. Макарычев А. «Игры понятий»: новая геометрия регионализма // Междунар. процессы. 2003. № 3.
7. Макарычев А. Периферийность, окраинность, маргинальность: К проблемам внешних границ Европы // Космополис. 2003. № 3(5).
8. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. М., 2002.
9. Delanty G. Borders in changing Europe: dynamics of openness and closure // Contemporary European politics. 2006. № 4.
10. Making European space: mobility, power and territory identity / Ed. by Ole B. Jensen, T. Richardson. L., 2004.
11. Richardson T. The thin simplification of European space: dangerous calculations // Contemporary European politics. 2006. № 4.
12. Rumford Ch. Rethinking European spaces: territory, borders, governance // Ibid.

О. В. Шнырова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ И СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Викторианский период рассматривается как «золотой век английской истории», связанный с периодом завершения промышленного переворота, превращением Англии в «мастерскую мира», первую морскую и колониальную державу. «Шестидесятилетнее правление Виктории стало временем подъема средних классов, к которым в те времена относили все категории населения, занятые предпринимательской деятельностью, а также лиц, имевших доходные профессии врача, юриста, ученого, преподавателя, художника и т. п.»¹. Эти экономические и социальные изменения привели к изменениям в политике и мировоззрении англичан.

Подъем буржуазии создал основу для торжества либерализма в политике и идеологии. Либерализм как система политической мысли стал основой мировоззрения большинства образованных представителей среднего класса викторианской Англии. Он рассматривал индивида как основную единицу общества, однако в этом качестве всегда подразумевался представитель мужского пола, несущий ответственность за не обладающих в полной мере гражданскими правами членов своей семьи: жену и детей.

Либеральная концепция гражданства не рассматривала женщин как полноправных членов общества. Более того, можно констатировать ухудшение правового положения женщин в викторианский период в связи с утверждением частной собственности, концентрировавшейся в руках мужчин². Ряд исследователей отмечают также, что стремление к строгой нравственности, приведшее к установлению жестких норм викторианской морали, являлось реакцией среднего класса на развращенные нравы аристократического общества³. Результатом стало доминирование патриархатной модели «раздельных сфер», согласно которой существует четкое разделение между миром частной жизни, бывшей уделом женщин, и миром публичного, предназначавшегося исключительно мужчинам. Классической иллюстрацией теории раздельных сфер считается стихотворение Теннисона «Принцесса»:

Мужчина в поле, женщина у очага,
Для мужчины меч, для женщины — шитье,
Мужчина живет разумом, женщина — сердцем,
Мужчина повелевает, женщина подчиняется,
Иное — погибель⁴.

Женщина считалась слабее мужчины умственно и физически, и в обществе и семье ей отводилось подчиненное место. Ее основной целью было вступление в брак, когда из-под опеки отца или другого родственника мужского пола она переходила под опеку мужа. При этом женщина рассматривалась как более одухотворенное и нравственное существо, нежели мужчина, и в высшем и среднем классах английского общества мужское поведение определялось концепцией рыцарственности, предписывающей бережное и покровительственное отношение к женщине. Примером такого подхода может служить фрагмент парламентской речи торийского депутата Буври: «Счастье и интересы жены или дочери более значимы для главы семьи, чем его собственные. ...Разве не изобретение это природы, не намерение нашего Создателя, чтобы общество основывалось на семье, в которой мужчина был бы главой и управителем?»⁵

Женское образование существенно отличалось от мужского и было направлено в основном на то, чтобы привить навыки, необходимые для выполнения основной миссии женщины: быть приятной компаньонкой для мужчины. Как отмечает Ч. Петри, благодаря такому образованию «викторианская девушка, хотя и была искушена в охоте на мужа, совершенно не была готова к выполнению практических задач по ведению хозяйства, такая ситуация существовала даже в некоторых семьях низших слоев»⁶. В результате роль замужней женщины еще более сводилась к выполнению декоративной функции, а также к рождению и воспитанию детей до того возраста, когда они отправлялись в школы и пансионы.

Образование и воспитание приводили к тому, что молодые представительницы среднего класса не имели иных перспектив, кроме замужества, рабо-

ты гувернантки или компаньонки. Только эти профессии считались более-менее приемлемыми для девушки из приличной семьи, и к тому же ее образования для них было достаточно. В 1851 г. в Англии около 21 000 женщин работали гувернантками. Еще одним допустимым источником дохода для женщины был писательский труд, но он требовал достаточно высокого уровня образования. Профессии телеграфиста, конторского служащего или бухгалтера, считавшиеся «приличными» для мужчин среднего класса, были недостаточно престижными для леди, и, кроме того, английское женское образование не давало достаточных знаний для занятий этими видами деятельности⁷.

Таким образом, самой приемлемой жизненной стратегией для женщины оставалось замужество. Однако результаты переписи населения 1851 г. показали, что в Англии 1400 000 женщин в возрасте 20 до 40 лет и 359 969 женщин старше 40 лет были незамужними⁸. Графиня Мария Лавлидж писала: «Это была цена нашей блестящей империи, которую платили в основном женщины. В высших классах большой процент сыновей и братьев, потенциальных мужей, всегда должен был находиться в колониях. Некоторые из них затем возвращались, но не все»⁹. В этих условиях устройство судьбы дочерей на выданье становилось настоящей проблемой для многих семей, особенно если они не могли снабдить их достойным приданым, — ситуация, ярко описанная в романах Джейн Остин.

Брак в викторианском обществе рассматривался прежде всего как экономическая сделка, и взаимные симпатии супругов были приятным, но необязательным дополнением к нему. Королева Виктория, сама состоявшая в счастливом браке с принцем Альбертом, тем не менее, с горечью записала в своем дневнике 16 мая 1860 г.: «Все браки — это лотерея, хотя среди них встречаются и счастливые, до сих пор бедная женщина духовно и физически является рабыней своего мужа... Когда я думаю о веселой, счастливой девушке и предвижу то жалкое, болезненное состояние, на которое обречена молодая жена, я не могу не видеть отрицательных сторон брака»¹⁰.

Печальный взгляд королевы на замужество не является преувеличением. В английском праве существовало три источника законодательства: акты парламента (Statute Law), решения судов по конкретным случаям (судебное, или прецедентное, право), традиции и обычаи, признанные законом (обычное, или неписаное, право). Большинство несправедливых в отношении женщин норм проистекали из обычного права, которое, как отмечали английские юристы того времени, «оставалось практически неизменным в последние пятьсот лет»¹¹ и, опираясь на средневековую традицию, плохо соответствовало изменившимся экономическим и социальным условиям. В феодальном обществе основную ценность представляла земля, а не капитал, поэтому регулирование личной собственности не имело большого значения и закон охранял прежде всего земельную собственность женщин, на которую не распространялся контроль мужа, однако в XIX в. ситуация в корне изменилась, но устаревшее законодательство не учитывало произошедших изменений¹².

Английское законодательство до последней трети XIX в. рассматривало мужа и жену как единое целое, муж нес полную юридическую ответственность за жену, утрачивавшую дееспособность (так называемую *coverture*). Авторитетный английский юрист сэр Уильям Блэкстоун в трактате «Комментарии к законам Англии» определил концепцию *coverture* следующим образом: «Состоящие в браке супруги с точки зрения закона являются одним лицом: это означает, что правовое существование женщины в браке прекра-

щается и сливается с существованием ее мужа, под чьим крылом, опекой и защитой она осуществляет все свои поступки»¹³.

Воплощение концепции *coverture* на практике означало, что вся собственность женщины, принадлежавшая ей до брака, переходила к мужу, равно как и ее заработки и доходы в браке, подарки и полученное наследство. В случае ее смерти все ее имущество также оставалось мужу, и ее завещание не имело юридической силы без его согласия. Исключение составляла земельная собственность, которая не переходила к мужу безусловно, что являлось результатом сохраняющихся реликтов феодального права. Принадлежащая женщине или наследуемая ею земельная собственность переходила в распоряжение мужчины на время брака и после его смерти возвращалась в семью вдовы, причем она имела право на так называемую «вдовью долю» (*Dower*) в размере одной трети имущества. В случае смерти жены при отсутствии детей недвижимость переходила к ее наследникам. При наличии детей в браке собственность оставалась во владении мужа до его смерти, затем переходила к наследникам жены.

Экономическая недееспособность замужней женщины проявлялась также в том, что она не могла без разрешения мужа подписывать деловые бумаги, брать кредит, делать покупки. По закону муж мог отказаться оплачивать покупки жены, если он не уполномочивал ее их сделать. Исключение составляло только приобретение товаров, необходимых для поддержания жизнедеятельности семьи, но решение об их оплате в данном случае принимал суд.

Закон не обязывал мужа содержать жену. Как отмечала в своем памфлете Каролина Нортон, «это не является его обязанностью перед ней, это является его обязанностью перед страной: он должен следить, чтобы она не обременяла приход, в котором живет. Если будет доказано, что у нее достаточно собственных средств или она получает поддержку со стороны родных или друзей, он освобождается от этой обязанности и не должен обеспечивать содержание детей, даже если он растратил ее состояние»¹⁴. Поэтому женщине, разехавшейся с мужем и не имеющей родственников, которые могли бы ее содержать, требовалось вмешательство властей, которые периодически были вынуждены компенсировать несовершенство закона судебными решениями по каждому отдельному случаю. Так, жена, чей муж без существенных причин отказывался ее поддерживать, могла арендовать жилье и брать в кредит товары, и суд мог обязать мужа заплатить за них. Если жена попадала в работный дом, власти могли заставить мужа оплатить ее содержание в нем. Таким образом, суд мог обеспечить женщине материальную поддержку со стороны мужа, но не гарантировал ее в принципе.

Кроме того, закон определенно устанавливал, что «муж имеет полное право не только на собственность, но и на личность своей жены». Это означало на практике, что «жена должна быть под полным контролем со стороны мужа не только в отношении собственности, но и передвижений. Например, замужняя женщина не должна праздно слоняться по улицам, и если она это делает, муж имеет право запереть ее»¹⁵.

Личностная недееспособность женщины выражалась также в том, что она не имела права опеки над своими детьми. В случае расставания супругов дети оставались с отцом. Расторжение брака представляло собой длительный и сложный процесс для обоих супругов, но положение мужа опять же было более выгодным. Суд мог дать разрешение только на разъезд супругов, но для развода требовалось принятие специального парламентского акта, что

делало его доступным только для немногих представителей высшего класса. При этом инициатором развода практически всегда выступали мужчины, которым было достаточно предъявления доказательства неверности жены. Жена не имела права защищать себя и доказывать ложность его обвинений. Фактически замужняя женщина могла рассчитывать только на получение разрешения о раздельном проживании, но и это была длительная и унижительная процедура. Как писала К. Нортон, «если жена требует по суду разрешения на разъезд с мужем на основании жестокого обращения, это должна быть жестокость, “угрожающая жизни или приведшая к членовредительству”; если она однажды простила его оскорбления, она не может позже ссылаться на них»¹⁶. Судебные разбирательства такого рода также были немногочисленными, поскольку могли нанести вред репутации женщины из среднего класса, а для представительниц низших слоев они были малодоступны. Если не было решения суда о разъезде, закон обязывал женщину вернуться к мужу и возлагал ответственность на родственников, принимающих у себя оставившую семью жену. Известная суфражистка Тереза Биллингтон-Крейг описывала в мемуарах судьбу своей матери, которая, будучи выданной по настоянию родных замуж за нелюбимого человека, пыталась оставить мужа через несколько лет брака и поселиться с четырьмя незамужними тетками по материнской линии. «Но, любя ее и сочувствуя ей в ее несчастье, они были слишком религиозны и слишком законопослушны, чтобы противодействовать давлению семьи и закона, и, обливаясь слезами, отослали ее назад»¹⁷.

Однако над обычным правом стояло так называемое право справедливости (Equity), защищавшее имущественные права женщины. Как отмечал в палате общин инициатор одного из законопроектов о собственности замужних женщин Рассел Гурне, имеются «две совершенно разных системы, основанные на противоположных правовых принципах, администрируемые судами равной юрисдикции. В то время как суды обычного права игнорируют все права собственности замужних женщин, они признаются и даже поощряются судами справедливости»¹⁸. Право справедливости предусматривало защиту собственности наследниц путем заключения по инициативе любого из ее родственников мужского пола брачных контрактов, подписание которых поощрялось судами справедливости. Брачные соглашения позволяли выделять часть собственности женщины в особый фонд, управляемый опекунами с учетом ее пожеланий. Вместе с тем, такая возможность была доступна только для богатых, поскольку практика брачных контрактов не распространялась на наследства и приданные менее 200 фунтов, что означало, что около 800 000 женщин, наследующих меньшие суммы, не могли воспользоваться этим правом, не говоря уже о женщинах из рабочих слоев¹⁹. Фактически брачные договоры защищали в большей степени собственность семьи, из которой происходила женщина, нежели ее личные права. Это выражалось и в том, что эти соглашения не распространялись на ее личные заработки и не могли расширить ее личные права в браке. В результате даже в случае заключения брачного договора, за исключением сохранения некоторых прав на собственность, жена оставалась под полным контролем и опекой со стороны мужа.

Вред, наносимый женщинам существующим законодательством, заключался не только в том, что они были лишены прав, но и в отсутствии у них обязанностей. Женщина не отвечала перед законом за свои поступки, в частности, мужья отвечали своим имуществом за долги жен, даже сделанные до брака. Возможно, в ряде случаев это могло давать женщине определенные

преимущества, но в целом с точки зрения закона замужняя женщина ставилась в один ряд с преступниками, умственно неполноценными и детьми, чья дееспособность была также ограничена.

Не удивительно, что к середине XIX в. несовершенство и несправедливость брачного законодательства, делавшего «мужчину ленивым, а женщину безответственной»²⁰, стали очевидными для широкого круга юристов, политиков и общественных деятелей, особенно представителей радикального крыла либеральной партии. С точки зрения радикалов полное лишение замужних женщин дееспособности наносило им не только экономический, но и моральный ущерб, так как вело к деградации личности²¹. Поэтому в Англии, так же как и во многих других европейских странах, общественная кампания за женскую эмансипацию началась с борьбы за женское образование и улучшение правового статуса замужних женщин.

Поздневикторианские феминистки к первой кампании по улучшению правового статуса замужних женщин относили борьбу, которую вела за свои права в прессе и парламенте в 30—40-х гг. XIX в. Каролина Нортона. Внучка известного драматурга Шеридана и сама талантливая писательница, она, тем не менее, поддавшись уговорам родных, неудачно вышла замуж за человека ниже ее по интеллектуальному уровню, грубого и склонного к насилию. Ее брак, историю которого она подробно описала в памфлете «Английские законы, касающиеся женщин», оказался прекрасной иллюстрацией несовершенства английского семейно-брачного законодательства, предоставлявшего мужу неограниченные права на имущество и личность жены: муж растратил ее приданое и полученное наследство, присваивал ее писательские гонорары, унижал ее в присутствии родных и знакомых и избивал, когда они оставались одни. В 1836 г. ей удалось добиться судебного решения о разъезде с мужем, однако он продолжал присваивать ее заработки и не разрешал ей видеться с тремя малолетними сыновьями, отдав их на попечение посторонней женщине. Отсутствие должного ухода за детьми привело к смерти младшего сына. Это побудило Каролину Нортона начать кампанию за право опеки над детьми. Поскольку ее семья пользовалась большим влиянием в кругах либералов, ее кампания была поддержана рядом известных политических деятелей и способствовала принятию в 1839 г. закона о праве матерей осуществлять опеку над малолетними детьми. Впоследствии она боролась за право самостоятельно распоряжаться своими доходами и за усовершенствование законодательства о разводе.

Борьба Каролины Нортона привлекла общественное внимание к проблеме несовершенства семейно-брачного законодательства в Англии и дала толчок для возникновения кампании за его изменение. К ней подключилось Общество за усовершенствование законодательства (Law Amendment Society) под руководством лорда Броугэма, включавшее многих известных политических деятелей. Эта кампания стала началом общественной карьеры для целой плеяды молодых женщин, семьи которых были близки с членами Общества. Эта группа молодых активисток сыграла в последующем видную роль в становлении английского женского движения. Пожалуй, наиболее значимыми фигурами в этой группе во второй половине 50-х гг. были две подруги, чьи семьи принадлежали к радикальной политической элите: Барбара Лэй Смит и Бэсси Рейнер Паркес. Дом отца Барбары, члена парламента Бенджамена Лэй Смита был местом встреч радикалов, входивших в Общество за усовершенствование законодательства. Семья Лэй Смит принадлежала к той радикальной среде, где женщины традиционно принимали активное участие в политической деятель-

ности и публичных дискуссиях. Поэтому неудивительно, что Барбара также оказалась вовлеченной в дискуссии о проблеме, изложив свою точку зрения в брошюре «Краткий обзор, данный простым языком, наиболее важных законов, касающихся женщин» (*A Brief Summary in Plain Language of the Most Important Laws, Concerning Women*), опубликованной в 1854 г. Работа была положительно оценена членами Общества, и при его поддержке Барбара Лэй Смит и Бэсси Рейнер Паркес создали в 1855 г. комитет по сбору подписей под петицией в парламент с требованием об изменении законодательства об имущественных правах замужних женщин (*Married Women Property Act*). Секретарем комитета стала Мария Рай, дочь лондонского юриста, также принадлежавшего к радикальным кругам. Комитету удалось собрать 26 000 подписей, и в марте 1856 г. петиция была представлена в парламент. В тот момент петиция не нашла поддержки в парламенте, однако в следующем году в парламент был внесен Билль о собственности замужних женщин, (*Married Women's Property Bill*), основанный на рекомендациях Общества по усовершенствованию законодательства. Он прошел второе чтение, но затем был отклонен.

Однако усилиями участников кампании за улучшение правового статуса замужних женщин, в том числе и Каролины Нортон, в 1857 г. удалось провести закон о разводе (*Marriage and Divorce Act*). Развод был передан из церковного в светский суд по разводам и семейным делам (*Court of Divorce and Matrimonial Causes*). Суд мог давать разрешения как на разъезд супругов, так и на их развод, для чего ранее было необходимо специальное решение парламента. В обоих случаях замужняя женщина получала те же имущественные права, что и незамужняя, и муж не мог претендовать на ее имущество и доходы. Таким образом, закон упрощал и удешевлял процедуру развода. Однако, несмотря на положительные моменты, закон по-прежнему исходил из двойного стандарта морали: достаточным основанием развода для мужчин служил факт неверности со стороны жены, но жена могла претендовать на развод, только если в дополнение к супружеской измене муж был повинен в инцесте, скотоложестве, двоеженстве или изнасиловании.

В 1867 г. начинается новая кампания по продвижению законопроекта о собственности замужних женщин. Достаточно быстро она слилась с формирующимся суфражистским движением, поскольку улучшение социально-правового статуса англичанок требовало адекватного представительства их интересов в парламенте, что тесно увязывалось с проблемой женских избирательных прав. Джейкоб Брайт отмечал: «Мы принимаем законы в следующем порядке: сначала в интересах тех, кто может стать опасным, затем в интересах тех, кто может оказать влияние через избирательные участки, и, наконец, для тех, кто не имеет права голоса и, следовательно, конституционного влияния»²². Кроме того, поскольку избирательное право в это время было цензовым, право голоса и имущественные права были тесно взаимосвязаны. При существующем законодательстве в отношении собственности замужних женщин суфражисты могли выступать только за право голоса для незамужних женщин и вдов. Так, несмотря на то что сам Дж. С. Милль полагал, что избирательное право должно распространяться и на замужних женщин, поправка, внесенная им в законопроект избирательной реформы 1867 г., предусматривала наделение правом голоса только одиноких женщин и вдов, платящих равные с избирателями мужского пола налоги. При внесении следующего суфражистского билля в 1870 г. Дж. Брайтом при поддержке консерватора Р. Гурне было решено не изменять этой позиции, парал-

тельно продолжая кампанию за реформирование законодательства о собственности замужних женщин.

Это с самого начала ослабляло позиции суфражистов и вызывало серьезные разногласия в суфражистском лагере. Для оппонентов такая ситуация служила основанием для выдвижения целого ряда обоснованных возражений. Когда суфражисты вносили билль о предоставлении права голоса одиноким собственницам, противники обвиняли суфражистов в несправедливости, поскольку они выступали с позиций интересов меньшинства одиноких женщин, оставив в стороне вопрос об избирательном праве для замужних. Законопроекты, предусматривающие наделение правом голоса замужних женщин, наталкивались на возражения о том, что в силу своей правовой недееспособности они не могут квалифицироваться как избиратели. В случае принятия закона о собственности замужних женщин возникали новые противоречия. Одно из основных противоречий в позиции суфражистов было сформулировано лидером антисуфражистской фракции в парламенте Буври: «С того момента, как будет принят закон о собственности замужних женщин, они будут обладать собственностью, которую мужья не смогут контролировать. Поэтому, если билль пройдет, это станет неоспоримым аргументом для распространения права голоса на замужних женщин»²³. Это означало значительное расширение электората и противоречило политике постепенного распространения политических прав на различные слои населения, которой в то время придерживались английские правящие круги. Выражались также и опасения по поводу возможного распада семей, если муж и жена начнут голосовать за разных кандидатов. Кроме того, сомневающиеся парламентарии указывали на то, что «одинокие женщины и вдовы находятся, так сказать, “в переходном состоянии”, ибо могут выйти замуж»²⁴. В результате женщина, вступающая в брак, теряла не только имущественные, но и политические права, что усиливало несправедливость законодательства в отношении замужних женщин и могло привести к тому, что у целого ряда одиноких состоятельных женщин появился бы дополнительный стимул для отказа к вступлению в брак, что опять же наносило ущерб институту семьи. Поэтому для суфражистов решение проблемы имущественных прав женщин было не только вопросом справедливости, но и необходимым условием для реализации их основной политической цели.

Все вышеизложенное делало закономерным участие суфражистских обществ в кампании по лоббированию закона о собственности замужних женщин в парламенте. Новый законопроект был разработан радикальным юристом Ричардом Панкхерстом, одним из лидеров Манчестерского национального суфражистского общества. С этой целью в апреле 1868 г. был создан Комитет в защиту собственности замужних женщин (Married Women's Property Committee), членами которого стали многие известные радикальные политические деятели и лидеры зарождающегося суфражистского движения (Джейкоб Брайт, его жена Урсула, сестра Присцилла Брайт Макларен, Ричард Панкхерст, Эмили Уолстенхолм-Элми, Лидия Беккер, Джозефина Батлер). Наибольший вклад в его деятельность внесли Урсула Мэлор-Брайт, постоянный секретарь Комитета, а также Эмили Уолстенхолм-Элми, сменившая ее на этой должности. Обе были активными членами Манчестерского суфражистского общества.

Деятельность Комитета способствовала тому, что законопроект несколько раз обсуждался в парламенте в 1868—1870 гг. и привлек внимание прессы. Л. Холкомб считает, что дискуссия в прессе о праве собственности

замужних женщин «была первым общественным обсуждением более широкой проблемы женских прав»²⁵. Это способствовало прохождению в парламенте серии законов, расширявших имущественные права замужних женщин. В 1870 г. после продолжительных дебатов был принят первый закон. Палата общин, опираясь на вариант законопроекта, разработанный Комитетом в защиту собственности замужних женщин, проголосовала в поддержку билля, рассматривавшего замужнюю женщину во всех отношениях собственности так же, как и незамужнюю. Однако более консервативная палата лордов пришла к выводу, что «в действительности такое полное разделение собственности могло привести к разлучению мужа и жены»²⁶.

Однако, хотя замужние женщины и не были уравнены полностью в имущественных правах с одинокими, их экономическая дееспособность была значительно расширена. Закон предусматривал право замужней женщины распоряжаться своими заработками; вклады, сделанные в банках, наследуемое женщиной имущество и денежные суммы до 200 фунтов становились отдельной собственностью. При этом закон уравнивал мать, имеющую самостоятельный источник дохода, в обязанности по содержанию детей с отцом. Однако закон не защищал сбережения замужних женщин, сделанные до брака, и не имел обратной силы, поэтому женщины, вступившие в брак до его принятия, по-прежнему не имели права распоряжаться своим имуществом, кроме того, оставались ограниченными права наследования. Поэтому Комитет продолжил свою деятельность и продолжал лоббировать законодательство по улучшению правового статуса замужних женщин.

Непоследовательность закона 1870 г., по-прежнему не позволявшая квалифицировать замужних женщин как дееспособных избирательниц, обострила разногласия суфражистов в отношении выдвижения требования о праве голоса для этой категории женского населения. В 1874 г. секретарь Манчестерского центрального национального суфражистского комитета поддержала консервативный билль, исключавший предоставление права голоса замужним женщинам в противовес радикально-либеральной части суфражистов во главе с Дж. Брайтом. Конфликт привел к созданию новых суфражистских организаций — Женской избирательной лиги (Women's Franchise League) в 1889 г. и Союза за женскую эмансипацию (Women's Emancipation Union) в 1891 г., выступавших за гражданское равноправие замужних женщин.

В 1882 г., в период министерства Гладстона, был принят новый закон о собственности замужних женщин. Он уравнивал их в имущественных правах с незамужними в приобретении, купле-продаже и наследовании имущества. В 1893 г. он был дополнен еще одним законом о праве собственности замужних женщин, окончательно закрепившим их имущественную дееспособность в браке.

Наряду с реформированием имущественного статуса замужней женщины расширяются и другие ее права. В 1878 г. был принят Matrimonial Causes Act, позволявший женщинам получать в суде ордер на разъезд с мужем. Закон также давал право судам выносить решение по обеспечению материальной поддержкой женщин, подвергавшихся насилию со стороны мужа. В 1886 г. Закон об опеке над детьми уравнивал права обоих супругов в этом отношении.

Таким образом, к концу XIX в. завершилась реформа семейно-брачного законодательства, в результате которой были ликвидированы все основные ограничения, налагаемые на замужнюю женщину обычным правом. Реформа

способствовала расширению автономности и экономической самостоятельности большинства дееспособного женского населения. Уравнение замужних женщин с незамужними в имущественных правах неизбежно поставило вопрос о расширении их гражданских прав. В 1894 г. в результате кампании, инициированной Женской избирательной лигой (Women's Franchise League), были внесены поправки в Local Government Act, по которым замужние женщины получили местное избирательное право. После этого вопрос о политических правах замужних женщин больше не был предметом разногласий для суфражистов. Как и ожидалось, приобретение замужними женщинами имущественных прав поставило вопрос о включении их в списки квалифицированных избирателей и расширении избирательных прав женщин. Начиная с 1905 г. сторонники суфражизма вносят в парламент законопроекты, предусматривающие предоставление права голоса всем женщинам, независимо от их семейного положения.

Таким образом, невзирая на то, что суфражистская кампания в основном концентрировалась на требовании политического равноправия женщин, она, так же как и в других странах, неизбежно с самого начала оказалась взаимосвязанной с различными аспектами более широкого женского вопроса и движениями за различные социальные реформы, касающиеся не только женщин, но и других социальных слоев. Достижение политического равенства оказалось невозможным без достижения равноправия в других сферах: образования, профессиональной деятельности, имущественных прав. Опираясь на либеральную доктрину, викторианские суфражистки формулировали и пропагандировали универсальную концепцию гражданственности: «Мы полагаем, что социальный статус женщины поднимется, если будет законодательно признано ее равенство с мужчиной. <...> Справедливость в отношении любого класса или индивидуума заключается... в предоставлении свободы определять свою жизнь, наиболее полно развивать свои способности, быть социально полезным и лично независимым... Мы не можем разделять семейную и социальную политику. И поэтому, когда нам говорят, что нам нечего делать в политике, мы отвечаем, что политике есть что делать с нами»²⁷.

Примечания

¹ Узнародов И. М. Викторианская эпоха // Викторианцы: Столпы британской политики XIX века / Под ред. И. М. Узнародова. Ростов н/Д, 1996. С. 9.

² Сторонник суфражисток Джейкоб Брайт в одном из парламентских выступлений характеризовал мужчин как «аристократический пол, в чьих руках находятся практически все материальные привилегии» (Hansard's Parliamentary Debates. 1870. Vol. 201. Col. 195).

³ Strauss S. «Traitors to the Masculine Course»: The Men's Campaign for Women's Rights. Westport, 1982.

⁴ Цит. по: Houghton W. The Victorian Frame of Mind. L., 1957. P. 348.

⁵ Hollis P. Women in Public: The Women's Movement, 1850—1900. L., 1979. P. 306.

⁶ Petrie Ch. The Victorians. L., 1960. P. 205.

⁷ «В Америке и Германии бухгалтерия ведется в основном женщинами, жены и дочери торговцев удовлетворительно справляются с этой обязанностью, но в этой стране недостаточное знание арифметики является большим препятствием к женской занятости в этой сфере» (из выступления в палате общин Купера-Темпла во время дебатов по поводу допуска женщин в английские университеты 12 июня 1874 г. Hansard's Parliamentary Debates. 1874. Vol. 219. Col. 1535).

⁸ Jalland P. Women, Marriage and Politics, 1860—1914. Oxford, 1986. P. 255.

- ⁹ *Mary, Countess of Lovelage. Society and the Season // Fifty Years: Memoirs and Contrasts. A Composite Picture to the Period 1882—1932 by Twenty-Seven Contributors to the Times / Ed. by G. M. Trevelyan. L., 1932. P. 30.*
- ¹⁰ *Queen Victoria in Her Letters and Journals / A selection by Ch. Hibbert. N. Y., 1985. P. 104—105.*
- ¹¹ *Hansard's Parliamentary Debates. 1867. Vol. 188. Col. 829.*
- ¹² *Holcombe L. Victorian Wives and Property: Reform of the Married Women's Property Law // A Widening Sphere: Changing Roles of Victorian Women. Indiana Univ. Press, 1977. P. 5.*
- ¹³ <http://womenshistory.about.com/od/laws/g/coverture.htm> (последнее посещение — 26 мая 2008 г.).
- ¹⁴ *Norton C. A Letter to the Queen on Lord Chancellor Cranford's Marriage and Divorce Bill. L., 1855. P. 8.*
- ¹⁵ *Hansard's Parliamentary Debates. 1867. Vol. 188. Col. 831.*
- ¹⁶ *Norton C. Op. cit. P. 8.*
- ¹⁷ *The Non-Violent Militant: Selected Writings of Teresa Bilington-Greig. L.; N. Y., 1987. P. 33.*
- ¹⁸ *Hansard's Parliamentary Debates. 1870. Vol. 201. Col. 879.*
- ¹⁹ *Ibid. Col. 881.*
- ²⁰ *Ibid. Col. 882.*
- ²¹ См., напр., речь Джейкоба Брайта в палате общин 4 мая 1870 г. (*ibid.* Col. 199).
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Ibid. Col. 611.*
- ²⁴ *Ibid. 1867. Vol. 188. Col. 829.*
- ²⁵ *Holcombe L. Op. cit. P. 14.*
- ²⁶ *Hansard Parliamentary Debates. 1870. Vol. 203. Col. 396.*
- ²⁷ *Shore A. The Present Aspect of Women's Suffrage Considered: Reprinted from the «English Woman's Review». L., 1877. P. 12, 21.*

АННОТАЦИИ

Костылёва Е. Л., Уткин А. В.

Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике

Анализируются погребальные комплексы эпохи неолита-энеолита Сахтышского археологического микрорегиона. Здесь многолетними работами Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (РАН) под руководством Д. А. Крайнова было открыто и детально исследовано пять древних могильников с 149 захоронениями. Это половина погребений из всех известных на начало XXI в. в регионе (294 ед.). Кроме того, на площадках трех могильников были выявлены остатки «святилищ» и обнаружены ритуальные клады вещей.

Публикуемые погребальные комплексы Сахтышских могильников являются основой для построения единой культурно-хронологической шкалы неолито-энеолитических похоронных обрядов на громадной территории Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья и низовий Оки.

Ключевые слова: неолит, энеолит, погребение, Сахтыш.

Корников А. А.

Геральдика Ивановского края: история и современное состояние

Рассматривается история и современное состояние геральдики Ивановской области. Дается анализ областного герба, гербов городов и районов региона. Делается попытка определить перспективы дальнейшего развития геральдики края.

Ключевые слова: российская геральдика, региональная геральдика, гербы субъектов федерации, городов и муниципальных образований РФ, история и символика региональных гербов.

Коровин Н. Р.

Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия

Рассмотрены сверхвысокие темпы индустриализации России, которые вызвали глубочайшие социальные изменения. Изучены проблемы роста численности рабочих и служащих, их напряженный труд при строительстве и освоении тысяч крупных предприятий союзного значения.

Дана характеристика социальных последствий индустриализации как в городе, так и в деревне. Показаны вопросы социальной напряженности в трудовых коллективах из-за массовых репрессий и принудительного труда, особенно в конце 1930-х гг. XX века.

Ключевые слова: индустриализация СССР, социальные последствия индустриализации, изменения в рабочем классе, развитие оборонного комплекса СССР, труд заключенных и спецпереселенцев.

Точёнов С. В.

Настроения населения Ивановской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь – август 1941 года)

Исследование представляет попытку переосмысления событий начального этапа Великой Отечественной войны. Рассматриваются настроения населения на примере одной из областей центра России — Ивановской, анализируются предпосылки и причины, их обусловившие.

Ключевые слова: начальный этап Великой Отечественной войны, настроения населения.

Степанов А. В.

Некоторые теоретические вопросы современной исторической науки

Рассмотрены некоторые теоретические проблемы, стоящие сейчас перед российскими историками, включая проблемы определения границ предмета исследования и оценки информационной значимости некоторых видов исторических документов. Дана оценка отдельным научным приемам, используемым историками, таким, как сравнение, ретроспективный анализ, клиометрия и моделирование.

Ключевые слова: методология, современная историческая наука, методы исследований.

Карасёва А. В.

Частные библиотеки времени Цицерона

Реконструируется история библиотечного дела в Древнем Риме периода Республики, прослеживается формирование и судьба крупнейших частных библиотек того времени. Представители интеллигенции из окружения Цицерона заложили фундамент для трудов римских интеллектуалов последующих поколений, создав такие институты, сосредоточенные на интеллектуальной деятельности, как частные и общественные библиотеки, скриптории с обученными рабами-переписчиками и квалифицированными библиотекарями. Все это способствовало насыщению досуга интеллектуальными занятиями и качественному усложнению интеллектуального труда, породило особенности образа жизни (любовь к книжным собраниям и возможность общаться с избранными друзьями, совместные рецитации, стилизация пространства и поведения и т. д.).

Ключевые слова: библиотека, Цицерон, интеллектуальная деятельность.

Евсеев В. А.

Специфика социально-экономической структуры средних и мелких городов Восточной Англии в начале раннего нового времени

Рассматривается специфика социально-экономической структуры средних и мелких городов Восточной Англии в XVI—XVII вв.

Ключевые слова: специфика, социально-экономическая структура, города Восточной Англии.

Смирнов Д. А.

Русский консерватизм середины XIX — начала XX в. в работах Вальтера Беньямина

Выявляются и анализируются взгляды немецкого мыслителя Вальтера Беньямина на русский консерватизм, представлявший собой широкий комплекс идей и концепций, далеких от тем основных научных интересов мыслителя, и преодолевший к началу XX в. путь в несколько столетий.

Ключевые слова: русский консерватизм, Беньямин.

Буданова И. А.

Конструирование нового европейское пространство: дискурс *monotopia*

Рассматривается проблема, связанная с переосмыслением категории «пространство» в европейском контексте на фоне протекающих процессов глобализации и интеграции. Анализируется один из устоявшихся в европейской научной среде концептов конструирования нового пространства в ЕС — *monotopia* — через призму подхода «центр-периферия».

Ключевые слова: интеграция, регионализм, новое европейское пространство, *monotopia*, подход «центр-периферия».

Шнырова О. В.

Социально-правовой статус женщины в викторианской Англии и суфражистское движение

Рассматривается эволюция социально-правового статуса женщины в Англии во второй половине XIX века. Особое внимание уделяется имущественным правам замужних женщин, так как именно эта проблема стала предметом острых дискуссий в обществе и парламенте, которые привели к реформе семейно-брачного законодательства, уравнившей права собственности замужних и незамужних женщин. Показана роль суфражистских организаций и сторонников суфражизма в продвижении законов, направленных на уравнивание правового статуса супругов и преодоление правовой недееспособности замужних женщин, а также прослеживаются последствия их принятия для дальнейшего развития кампании за политические права женщин.

Ключевые слова: социально-правовой статус, женщина, суфражистские организации, викторианская Англия.

SUMMARIES

Kostyleva E. L., Utkin A. V.

Funeral complexes of primitive state epoch on Sakhtysh peat bog

The article is devoted to the analysis of the funeral complexes of Neolithic-Aeneolithic epoch in Sakhtysh archaeological micro-region. Five ancient burial grounds with 149 burial places were discovered and thoroughly examined during the long-term work of the Upper Volga expedition of the Archaeological Institute of the Academy of Science of the USSR and Russia under the guidance of D. A. Krajnov. It is the half of all burials (249) known to science in the beginning of the XXI century in the region. Moreover, three burial grounds contain remains of the “sanctuaries” and ritual treasures. The burial complexes of Sakhtysh burial grounds, that are mentioned here, are the basis for the construction of the unified cultural and chronological scale of Neolithic and Aeneolithic funeral rites on the vast territory of the Upper Volga region, Volga-Oka interfluve, and the Lower Oka.

Key words: Neolith, Aeneolith, burial, Sakhtysh.

Kornikov A. A.

Blazonry of Ivanovo region: history and modern state

The history and the modern state of Ivanovo region blazonry are reviewed in the article. Official blazon of Ivanovo region, as well as blazons of some towns and districts in the area are analyzed. An attempt to define the future prospects of local blazonry evolution is made.

Key words: Russian blazonry, regional blazonry, blazons of federal subjects, cities and municipal subjects of the RF, history and symbolism of regional blazons.

Korovin N. R.

Peculiarities of Russia's industrial development in 1930-s and their social consequences

The article reviews the super-rapid pace of industrialization in Russia that resulted in profound social changes. The problem of quantity growth of urban workers and employees as well as their intensive labour during the construction and developing of thousands of factories of nation-wide importance are studied. The characteristic of social consequences of industrialization both in towns and in countryside is given. The problems of social constraint among fellow-workers caused by large-scale repressions and forced labour (especially in the late 1930-s) are shown.

Key words: industrialization in the USSR, social consequences of industrialization, changes in working class, the development of defense complex in the USSR, labour of prisoners and resettlers.

Tochenov S. V.

The mood of Ivanovo region population during the first period of the Great Patriotic War (June—August 1941)

The given research is an attempt to re-evaluate the events of the first period of the Great Patriotic War. The author describes the mood of the population by the example of one of the regions in central Russia — Ivanovo region — and analyses the prerequisites and reasons which caused it.

Key words: the first period of the Great Patriotic War, the mood of the population.

Stepanov A. V.

Some theoretical problems of modern historical science

Some theoretical problems that Russian historians currently face are discussed, including those of defining limits to their research scope, as well as estimating the information value of some types of historical documents. The author also evaluates a number of scientific techniques used by historians such as comparison, retrospective analysis, cliometry and modeling.

Key words: methodology, modern historical science, methods of research.

Karaseva A. V.

Private libraries of Cicero's epoch

The article reconstructs the history of library science in Roman republic tracing the development and the fate of the greatest private libraries of those times. The intellectuals from Cicero's circle laid the foundation for the intellectual works of the next generations of Roman intellectuals. They created such institutions based on intellectual activities as private and public libraries, scriptoria with educated slaves-copyists and qualified librarians. All the above mentioned led to the satiation of otium with intellectual activities and qualitative complication of the intellectual work. It also caused the peculiarities of the way of life (love to literary meetings and opportunity to communicate with selected friends, joint recitation, stylization of space and behavior etc.).

Key words: library, Cicero, intellectual activity.

Evseev V. A.

Peculiarities of social and economic structure of East England middle and small towns in the beginning of early New time

The article reviews the peculiarities of social and economic structure of middle and small towns of East England in XVI—XVII centuries.

Key words: peculiarities, social and economic structure, East England towns.

Smirnov D. A.

Russian conservatism of the middle XIX — the beginning XX centuries in the works of Walter Benjamin

The views of the German theorist Walter Benjamin on Russian conservatism that was presented by a broad complex of ideas and conceptions, far from the main scientific interests of the theorist, and that overcame the way of several centuries to the beginning XX c. are revealed and analyzed.

Key words: Russian conservatism, Benjamin.

Budanova I. A.

Constructing the new European space: monotopia discourse

The article is devoted to the problem connected with the understanding of «space» concept in the European context against the background of globalization and integration processes. The author analyzes one of the concepts of construction of the new space in the EU established in European scientific sphere — monotopia — in the light of «centre-periphery» approach.

Key words: integration, regionalism, new European space, monotopia, «centre-periphery» approach.

Shnyrova O. V.

Social and legal women's status in Victorian England and suffrage movement

The article explores the evolution of social and legal status of women in England during the second half of the XIX century. Special emphasis is given to the married women's property right as particularly this problem raised sharp discussions in society and parliament which led to the reform of marital legislation. This reform equalized property rights of married and single women. As in legal discourse property and political rights were closely connected, the problem of broadening of married women's property rights was important for women's suffrage movement. The article shows the role of women's suffrage organizations and their supporters in promotion the laws aimed at equalization of spouses' legal status and overcoming the married women's legal incapacity. The article also traces the consequences of their acceptance for the further development of the women's suffrage campaign.

Key words: social and legal status, woman, suffrage organizations, Victorian England.

ХРОНИКА

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ (сентябрь — ноябрь 2008 г.)

- ✓ 4 сентября — 2 октября гостем университета был г-н Хайде. За многолетнее плодотворное сотрудничество с нашим университетом Асбьорн Хайде получил звание почетного лектора ИвГУ. В свой очередной визит г-н Хайде прочитал лекции на экономическом факультете и факультете РГФ, изучал русский язык, дал интервью редакции журнала «Директор» о дальнейших планах сотрудничества с Данией в области дополнительного профессионального образования.
- ✓ 8—17 сентября доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений О. В. Шнырова по приглашению английской стороны находилась в служебной командировке в университете г. Лидса, где приняла участие в Международной конференции «Судьба русского суфражистского движения после революции: люди, идеи, деятельность» и выступила с докладом. Материалы конференции планируется опубликовать в сборнике. По возвращении в Иваново научная работа в данном направлении Ольгой Вадимовной продолжена.
- ✓ 10—11 сентября в Лодзинском университете прошла Международная научная конференция «Современная Россия: наследие и будущее», на которой с докладом выступил профессор кафедры философии М. Ю. Тимофеев. Частичное финансирование поездки в Польшу осуществлено за счет организаторов конференции.
- ✓ 11 сентября проректор по международным связям проф. Н. В. Усольцева приняла участие в Москве в торжественном вечере, посвященном 50-летию Общества российско-вьетнамской дружбы. Председателем общества является ректор МАЭП проф. В. И. Буянов. С МАЭП наш университет поддерживает тесные контакты по линии международных связей, в частности, иностранные учащиеся неоднократно принимали участие в конкурсе «Мисс студенческого мира». Учитывая большую активность ИвГУ в подготовке специалистов для Вьетнама, нашему университету предложено организовать филиал общества в Иванове.
- ✓ 15 сентября — 15 октября почетный профессор из Германии Альфонс Хехерль прочитал лекции студентам немецкого отделения факультета РГФ о творчестве Г. Белля, Р. Брамбаха, З. Ленца, а также провел практические занятия по анализу текста новелл, технике перевода и консультации с аспирантами.
- ✓ 16 сентября университет посетила группа профессоров из университетов Ульма, Тюбингена и Билефельда (Германия). Инициатором встречи была проф. Н. И. Гиричева, которая долгие годы успешно сотрудничает с ними в области структурной химии. В ходе визита на приеме у проректора по научной работе проф. Д. И. Польшванного состоялся разговор о путях сотрудничества с университетом Билефельда. Профессор Норберт Митцель

выступил перед профессорско-преподавательским составом и студентами университета с докладом на тему: «Реформа системы образования в Германии в соответствии с Болонской декларацией». Гость остановился на основных аспектах перехода на двухуровневую систему образования (бакалавриат и магистратура), рассказал, как реализуется данный процесс в университетах Германии, в частности Билефельда и Мюнстера, какие трудности при этом преодолеваются. Проф. Митцель подверг критике некоторые моменты, но в то же время отметил, что возросла краткосрочная мобильность студентов на один семестр, например по программе Эразмус, а также ответил на все вопросы, интересующие аудиторию. В заключение проректор по международным связям проф. Н. В. Усольцева поблагодарила гостя и вручила сувениры с логотипом ИвГУ.

- ✓ По приглашению отдела академических обменов и отдела английского языка Посольства США представители нашего университета приняли участие в следующих мероприятиях.

16—19 сентября проректор по связям с общественностью проф. О. М. Карпова участвовала в конференции «Новый подход к преподаванию межкультурной коммуникации (английский язык и страноведение США)». Форум состоялся в Рязанском государственном университете. Целью семинара было укрепление профессиональных связей с другими регионами России, расширение деятельности ассоциаций преподавателей английского языка, а также обсуждение вопросов и проблем ЕГЭ, дистанционного обучения и летних языковых лагерей.

22 сентября начальник отдела международных связей А. В. Белоногова участвовала в дискуссионном форуме «Партнерства и обмена с университетами США», который проводил в Москве американский эксперт по вопросам университетских партнерств Тим О'Коннор из университета Северной Айовы вместе с представителями московских вузов.

- ✓ 26 сентября — 6 октября в рамках договора о сотрудничестве с Едитепе, университетом г. Стамбула, ИвГУ принимал декана юридического факультета проф. Кабаалиоглу. В ходе визита состоялись встречи с ректором проф. В. Н. Егоровым, проректором по международным связям проф. Н. В. Усольцевой, деканами проф. О. В. Кузьминой, доц. Е. Б. Ершовой и доц. И. А. Хромовой, в процессе которых обсуждался рабочий план сотрудничества на 2009 г. Профессор Халук Кабаалиоглу прочитал ряд лекций по правовой системе Турции и европейскому праву, выступил с докладом на пленарном заседании международной научно-практической конференции на юридическом факультете.
- ✓ 3—4 октября на базе юридического факультета состоялась Международная научно-практическая конференция «Правовые отношения в контексте развития современного законодательства и правоприменения». В ней приняли участие ученые и практикующие юристы Иванова, Костромы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов России, а также Украины, Беларуси, Германии и Турции. С большим интересом заслушаны доклады зарубежных гостей: старшего советника полиции Ганновера Карла Менгера, начальника учебного отдела по праву Полицейской академии Нижней Сак-

сонии д-ра, проф. Бердна Рудольфа, декана юридического факультета университета Стамбула д-ра, проф. Х. Кабаалиоглу, доцента Национальной юридической академии Украины И. А. Селивановой, доцента Донецкого национального университета И. И. Лещенко. Завершился научный форум экскурсионной поездкой в один из городов «Золотого кольца России» — Суздаль. Переводчиками на конференции выступали наши студенты — Лена Террова, Анна Гущина, Татьяна Профатило, Максим Сизганов, Иван Крисанов и аспиранты Анастасия Баламакова, Наталья Илюшина.

- ✓ 13 октября в Доме национальностей Иванова состоялась встреча заведующих кафедрами русского языка вузов города с активом Дома и представителями администрации области. Решался вопрос о работе с диаспорой, проводились консультации с вузовскими структурами. Во встрече приняли участие председатель комиссии по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области проф. Н. В. Усольцева и декан факультета подготовки иностранных студентов доц. Е. Б. Ершова.
- ✓ 14 октября прошло совместное заседание комиссии по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области и МЦеМСАМ. Рассмотрены вопросы подготовки к проведению Международного дня студентов, заслушана информация проректора проф. Н. В. Усольцевой об открытии Ивановского филиала Общества российско-вьетнамской дружбы. Как руководитель этого филиала Надежда Васильевна сообщила, что за большой вклад в дело развития российско-вьетнамской дружбы и подготовку вьетнамских специалистов ректор ИвГУ проф. В. Н. Егоров, ректор ИГХТУ проф. О. И. Койфман, ректор ИвГМА проф. Р. Р. Шилиев, проректор по международным связям ИвГУ проф. Н. В. Усольцева награждены почетными знаками общества и памятным медалями «50-летия Общества российско-вьетнамской дружбы». Директор МЦеМСАМ А. А. Малыгин рассказал о совещании по академической мобильности в Новороссийске, проводимом Минвузом, а также проблемах приема иностранных граждан в связи с введением ЕГЭ.
- ✓ 15 октября Фонд Ромуальдо Дель Бианко в Библиотеке иностранной литературы в Москве открыл выставку фотографий «Сокровенные чувства» д-ра Франческо Чивита. Для участия в этом мероприятии были приглашены проректоры ИвГУ проф. О. М. Карпова и проф. Н. В. Усольцева. В ходе работы выставки были обсуждены вопросы дальнейшего сотрудничества ИвГУ и Фонда Ромуальдо Дель Бианко.
- ✓ 16—22 октября аспирантка кафедры английской филологии А. В. Баламакова в составе группы молодежных активистов приняла участие в стажировке по подготовке и проведению молодежных проектов в Ганновере. В рамках стажировки состоялся обмен опытом молодежной работы, тренинг по развитию лидерских навыков, а также разработана программа деятельности молодежного лагеря (ИМКА) (Иваново, лето 2009 г.).
- ✓ 21—23 октября в Москве проректор по международным связям проф. Н. В. Усольцева приняла участие с докладом в Международной конференции «Информационные и коммуникативные технологии в Седьмой рамочной программе Европейского Союза. Сотрудничество Россия — ЕС». В форуме участвовало около 300 представителей крупнейших научных органи-

заций, исследовательских центров и университетов России и Европы. Конференция была посвящена обсуждению вопросов укрепления сотрудничества в сфере информационных и коммуникативных технологий между Россией и Европейским Союзом в рамках Седьмой рамочной программы ЕС (FP7-ICT, 2007—2013 гг.). Важной особенностью данного мероприятия была запланированная в программе возможность получить консультации по интересующим вопросам непосредственно у представителей Еврокомиссии. Подробная информация доступна на сайте <http://www/fp7-ict.ru>.

- ✓ 23—25 октября группа студентов 2-го курса исторического факультета специальности «Международные отношения» под руководством ст. преподавателя кафедры английского языка Т. А. Тагановой участвовала в XI Международной конференции Модели ООН в Немецкой школе Афин (Греция). Программа конференции включала работу в девяти комитетах и ассамблеях, где обсуждались различные мировые проблемы, такие как ситуация на Ближнем Востоке, в Косово, знакомство с дипломатическими отношениями. Молодые люди подготовили резолюции и правовые акты с точки зрения той страны, которую они представляли. Рабочим языком был английский. Наши студенты, кроме участия непосредственно в комитетах, совершили экскурсии в Плаху — старую часть Афин, национальный музей, Акрополь и другие исторические места Греции.
- ✓ 23 октября в Посольстве Монголии состоялся прием в связи с награждением почетным знаком «Заслуженный работник высшей школы Монголии». Среди награжденных была проректор по международным связям ИвГУ проф. Н. В. Усольцева. Прием приурочен к окончанию срока полномочий начальника студенческого отдела Посольства г-жи Ж. Тогтох, с которой на протяжении нескольких лет тесно сотрудничали вузы Иванова в области подготовки дипломированных кадров монгольских граждан.
- ✓ 14 ноября землячество африканских студентов вузов Иванова отметило День независимости Анголы. На это мероприятие, которое прошло в актовом зале ИГХТУ, ангольских учащихся пришли поздравить российские студенты и студенты из других стран. В рамках праздника проведены соревнования по мини-футболу среди команд студентов из Анголы, Камеруна, Нигерии и Габона, турнир по шахматам, затем состоялся концерт. Ведущие прочитали поздравления в честь национального праздника от начальника студенческого отдела Посольства Анголы г-жи Рути Да Силвы, которая пожелала всем успехов в учебе, здоровья, счастья. Завершился вечер дискотеккой.
- ✓ 17 ноября комиссией по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области, МЦеМСАМ при финансовой поддержке Департамента общественных связей, молодежной и информационной политики Ивановской области в зале драматического театра был организован праздничный вечер-концерт, посвященный Международному дню студентов. Студенческое сообщество нашего города в очередной раз подтвердило свое многонациональное единство. Программа включала выставку «Национальный колорит», подготовленную российскими и иностранными студентами, которая разместилась в фойе театра. Можно было виртуально совершить путешествие в разные уголки нашей планеты: Анголу, Чад, Гвинею Бисау, Непал, Пакистан, Вьетнам, Монголию, Грузию,

Туркменистан, попробовать блюда национальной кухни, посмотреть компьютерные видеопрезентации, окунуться в культурные традиции стран, которые представляли учащиеся. В этом году студенты Шуйского педагогического университета впервые подготовили очень интересный стенд о России. Праздничный концерт «Мир без границ» начался с поздравлений и награждений. От имени губернатора всех присутствующих поздравил начальник Департамента общественных связей, молодежной и информационной политики Ивановской области Г. М. Романов. Он наградил ценными подарками победителей конкурса на лучшее студенческое общежитие и лучшую комнату в общежитии. Поздравляем студсовет общежития № 4 и студентов Павла Попова и Марину Терзи (граждан Молдовы), получивших призы. Затем председатель комиссии по международным связям Совета ректоров вузов Ивановской области проф. Н. В. Усольцева вручила почетные знаки и памятные медали «50-лет Обществу российско-вьетнамской дружбы» ректору ИГХТУ проф. О. И. Койфману, доц. Е. А. Чижовой, проф. Л. Н. Михеевой (ИГХТУ), доц. Е. Б. Ершовой, доц. Н. В. Цветкову, Т. Р. Филипповой (ИвГУ), доц. Е. В. Орловой (ИвГМА). Мелодичные вьетнамские, монгольские, еврейские, русские песни сменялись зажигательными африканскими и восточными танцами, русской калинкой. Председатель комитета по делам молодежи города С. А. Шмелева наградила почетными грамотами и ценными сувенирами с логотипом Иванова лучших студентов вузов за активное участие в общественной жизни и успехи в учебе. Завершился концерт исполнением гимна демократической молодежи. Организацией и проведением таких мероприятий мы выполняем и дипломатическую миссию: воспитываем друзей России, увеличиваем круг тех, кто будет способствовать взаимопониманию и сотрудничеству между нашими странами, а выпускники наших вузов будут теми народными дипломатами, что связывают Россию и Иваново с различными странами нашей необъятной планеты.

- ✓ 20—21 ноября декан факультета подготовки иностранных студентов доц. Е. Б. Ершова приняла участие в ежегодном совещании по международной деятельности «Вопросы подготовки национальных кадров для зарубежных стран в контексте развития экспорта образовательных услуг российских высших учебных заведений», прошедшем в РУДН. Как отметила Елена Борисовна, тематика секций и проблемы, поднятые на совещании, очень актуальны для сотрудников международных служб в условиях меняющегося миграционного и трудового законодательства. Реформирование высшей школы в России также ставит трудные вопросы в области подготовки иностранных специалистов.
- ✓ Вышел в свет 3-й выпуск «Вестника ИвГУ» по гуманитарным наукам. Он содержит статьи, отражающие доклады совместного научно-методического семинара Технического университета Берлина и ИвГУ «Проблемы обучения иностранным языкам».

В. Смирнова

ведущий инженер отдела международных связей

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- БУДАНОВА Ирина Александровна** кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
ighu@ Rambler.ru
- ЕВСЕЕВ Владимир Александрович** доктор исторических наук,
профессор кафедры истории древнего мира
и средних веков,
Ивановский государственный университет.
e-mail: yevseyev@mail.ru
- КАРАСЁВА Александра Викторовна** кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего мира
и средних веков,
Ивановский государственный университет.
alexvirome@mail.ru
- КОРНИКОВ Аркадий Андрианович** доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей отечественной истории,
декан исторического факультета,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88; e-mail: istfak@ivanovo.ac.ru
- КОРОВИН Николай Романович** доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88
- КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна** кандидат исторических наук,
доцент кафедры дореволюционной
отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88
- СМИРНОВ Дмитрий Александрович** кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой,
новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
d-smirnov@mail.ru
- СТЕПАНОВ Аркадий Владимирович** кандидат исторических наук,
доцент кафедры дореволюционной
отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
e-mail: pastenovas@mail.ru

ТОЧЁНОВ кандидат исторических наук, доцент кафедры
Сергей Валерьевич новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

УТКИН сотрудник археологического музея,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ШНЫРОВА кандидат исторических наук,
Ольга Вадимовна доцент кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
директор центра гендерных исследований,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

**ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, место работы. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2008. Выпуск 4. История**

Подписано в печать 22.12.2008 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru